

**МЫ НЕ ЗАБУДЕМ
ВАШИ ИМЕНА**

Посвящается светлой памяти

*учеников и учителей средней школы № 1 города Верхней Пышмы,
павших на полях сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.*

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ВАШИ ИМЕНА

Екатеринбург
ООО «Станционный смотритель»
2012

УДК 82-94
ББК 63.3(2)622
М94

Автор-составитель В. А. Куминова

В книге использованы фотографии и документы
из архива музея школы № 1 г. Верхней Пышмы

Искренняя благодарность за помощь и содействие в издании книги —
советнику генерального директора ООО «УГМК-Холдинг»
Валентине Георгиевне Васильевой

Мы не забудем ваши имена / [авт.-сост. В. А. Куминова]. — Екатеринбург :
М94 ООО «Станционный смотритель», 2012. — 144 с.

В книге представлены материалы об учениках и учителях средней школы № 1 города Верхней Пышмы, павших на полях сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Книга адресована молодым людям XXI века, чтобы каждый из них смог увидеть и почувствовать величие подвига мальчишек-сверстников прошлого, чтобы сохранилась память о юношах поселка Медный Рудник, чтобы сегодняшняя молодежь унаследовала нравственные ценности военного поколения.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)622

Книга издана при поддержке Уральской горно-металлургической компании
(генеральный директор А. А. Козицын)

© Куминова В. А., составление, 2012
© Оформление.
ООО «Станционный смотритель», 2012

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

*У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.*

*Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,
и осколок гранаты —
неразлучны они
даже с мертвым солдатом.*

*Ты подумай о нем,
молодом и веселом.
В сорок первом окончил он
среднюю школу.*

*У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей.*

*...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколения.*

*Он живым завещал
город выстроить снова
здесь, где он защищал
наше дело и слово.*

*Пусть гранит сохранит
прямоту человека,
а стекло — чистоту
сына трудного века.*

С. Гудзенко

той в руке» (Л. Томильцева, участница Вахты Памяти 2007 г., Болховский район, д. Скородумка). Знает тот, кто, сметая щепочкой песок и кусочки глины с останков солдата, тихо приговаривал: «Ты прости меня, солдатик, что причиняю тебе снова боль. Ты прости, что лежишь на окраине неизвестной тебе деревни Сендябки. Сколько лет прошло, а ты все еще безымянный. А ведь у тебя было доброе имя. Где-то тебя всю жизнь ждала, ждала до самой своей смерти твоя родная мать» (А. Шахова, участница Вахты Памяти 2003 г., Карелия)... Они знают: мертвым больно.

Уже давно отшумела война, но проржавевшие за 70 лет в сырой земле гранаты, найденные поисковиками, все еще грозят опасностью. Отгремели взрывы мин и бомб, обезвреженных саперами, но разрывы их, как эхо далекой войны, разносятся в тишине леса и отзываются болью в сердцах детей-сирот военного времени, а теперь уже — их внуков и правнуков.

В светлый День Победы, в дни ратной славы России, в дни скорби и печали на торжественных линейках в школах идет переключка имен погибших в той войне ребят, учителей, так и не закончивших урок, всех, кто спешил отдать свой долг перед страной, перед Родиной. И как клятва снова и снова звучат слова: «Мы не забудем ваши имена!»

*В. А. Куминова,
директор музея школы № 1*

АНДРЕЕВ Михаил Петрович

(1921—1943)

Краснофлотец,
старшина первой статьи
49-й гвардейской
стрелковой дивизии

Морской пехотинец Михаил Андреев

Михаил Андреев, краснофлотец, старшина первой статьи, был призван Орджоникидзевским РВК Свердловска. Как и большинство ровесников из поселка Медный Рудник (сегодня — г. Верхняя Пышма), Михаил нес службу на Дальнем Востоке — на Тихом океане или Амуре. Последнее письмо на имя отца Петра Федоровича Андреева было послано в 1941 году со станции «Лев Толстой» (Подмосковье). Адрес родителей: поселок Медный Рудник, ул. 19, кв. 4.

Из воспоминаний В. Н. Жирякова, ученика и учителя нашей школы, выпускника 1940 года, ветерана Великой Отечественной войны

«В середине октября 1941 года наша 2-я гвардейская бригада морской пехоты по распоряжению военсовета фронта и маршала Г. К. Жукова была отправлена на переформирование в прифронтовую полосу. Наше вооружение пополнилось техникой, особенно автоматами уральского производства, легкой артиллерией. В личный состав влились краснофлотцы с Тихого океана и Краснознаменной Амурской флотилии — это были уральские и сибирские ребята».

Сражались уральские дивизии в Подмосковье, в городах Дмитрове, Клине, райцентре Белый Растр.

Из воспоминаний генерал-полковника В. И. Кузнецова

«Я не помню случая, чтобы гвардейцы отдельной морской бригады дрогнули во время контратаки танков или подняли панику при виде численного превосходства гитлеровцев. Это боевой, закаленный, дружный коллектив морских гвардейцев».

В 1942–1943 годах Михаил служил в 49-й гвардейской дивизии под командованием знаменитого создателя военно-воздушных сил В. Ф. Маргелова. Боевой путь этой дивизии в конце декабря 1942 — начале 1943 года — Подмосковье, Сталинград.

Как следует из донесения начальника штаба 49-й гвардейской стрелковой дивизии, Михаил Андреев погиб 24 января 1943 года в боях за освобождение Сталинграда, в самом конце Сталинградской битвы.

1941-1945

Жил и погиб не напрасно

Эти слова в полной мере относятся к Виктору Бажеву, к его судьбе и боевому пути.

Окончив 6 классов средней школы № 1, Виктор начал работать в механическом цехе ПМЭЗ (Пышминского медеэлектролитного завода — сегодня ОАО «Уралэлектромедь»). В 1939 году был призван на действительную службу и вместе с 20 ребятами из поселка Медный Рудник направлен на Дальний Восток. В каком именно районе довелось Виктору выполнять свой гражданский долг, установить не удалось.

Ребят с Медного судьба разбросала в разные точки Дальнего Востока. Одним, как Виктору Жирыкову, было суждено стать морскими пехотинцами отдельного морского батальона 84-й Амурской Краснознаменной бригады и в годы войны сражаться под Смоленском. Другие ребята попали на Тихоокеанский флот. Их судьба сложилась иначе.

Из воспоминаний А. М. Левченко

«Поздней осенью 1942 года 9 эшелонов моряков Тихоокеанского флота были отправлены с Дальнего Востока в Сталинград. Моряки, не обученные боям на суше, оставшиеся без настоящего командира, да еще одетые в черные флотские формы, бросающиеся в глаза, были хорошей мишенью для немцев. А если еще добавить, что на всех не хватало даже карабинов, станет ясно, что от 9 эшелонов людей осталось совсем немного. Добрались до места назначения, нашли военное начальство, просились на флот, на Черное море. Начальство распорядилось иначе. Надели на моряков солдатскую форму и отправили на переподготовку. А под Сталинградом было первое боевое крещение».

Виктор Бажев, как и Борис Потоскуев, скорее всего, еще в мае 1940 года был отправлен на Украину, а 22 июня 1941 года вступил там в первый бой с немецкими войсками. Советская армия отступала, попадала в окружение. Борис с боями дошел до Курска... А Виктор? Виктор, как вспоминает его сестра, 4 раза был ранен, но каждый раз возвращался в свою часть, и немало фашистов скосил его «Максим».

Последнее письмо, отправленное Виктором матери, датировано 13 января 1943 года, а ровно через месяц он погиб в бою в районе Курско-Орловской дуги.

БАЖЕВ
Виктор
Александрович

(1919—1943)

Красноармеец

1941-1945

Один из многих

О Николае Николаевиче Баженове известно немного. По данным архивов, он проживал в поселке Медный Рудник по ул. Ворошилова, 1.

Младший лейтенант, командир взвода 33-й стрелковой бригады Николай Баженов пропал без вести в 1942 году. В 1949 году приказом № 082 был исключен из списков Красной армии.

Слава

*За пять минут уж снегом талым
Шинель запорошилась вся.
Он на земле лежит, усталым
Движеньем руку занеся.*

*Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.*

*В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.*

К. Симонов

БАЖЕНОВ Николай Николаевич

(1920—1943)

Младший лейтенант,
командир взвода
33-й стрелковой бригады

БАТУЕВ Алексей Кузьмич

(3.11.1918—17.01.1944)

Гвардии младший лейтенант
188-го гаубичного
стрелкового полка

Награжден медалями
«За отвагу»,
«За боевые заслуги»

Погиб за Ленинград

Алексей Батуев учился в школе № 1 поселка Медный Рудник. Школу Алексе закончить не удалось: в семье было трудное материальное положение, и он вынужден был пойти работать. Работал электромонтером на ПЭМЗ, а 22 марта 1940 года был призван в армию. Сначала служил в городе Чебаркуле Челябинской области, потом в Уфе, позже в Ленинграде, где и застала его война.

Алексей перенес всю тяжесть блокады Ленинграда. 17 января 1944 года во время ожесточенных боев при прорыве блокады Ленинграда был тяжело ранен. В этот день целые сутки шел ближний бой, неоднократно переходивший в рукопашные схватки. Фашисты в плен почти не сдавались и стреляли до последнего патрона. В одной из этих схваток с фашистами Алексей был тяжело ранен и умер от ран.

Похоронен в городе Ленинграде на Пискаревском кладбище.

МЫ ЖИЛИ...

*Мы кол с дощечкой в землю забивали
и дальше шли на риск и напролом;
мы жили оттого, что забывали
оставленных навечно под колом,
и в новые вступали города.
И снова — залп,
и два стакана водки,
и где-нибудь на склоне — незабудки:
они-то не забудут никогда.*

*И водка разливалась, как вода.
И мальчики сухие не пьянели.
И только очи серые — синели:
им было — до любви,
не до стыда.*

Мы жили оттого, что иногда...

Н. Панченко

1941-1945

«Батя Махно» поселка Медного

Есть в городском музее на одном из стендов, посвященных Великой Отечественной войне, крохотное письмецо и фотография молодого красивого бойца, на которые работники музея обязательно обращают внимание посетителей. Вот полностью текст этого короткого письма:

«Здравствуй, мамочка! Примите привет всем родным и знакомым. Пишу с передка, фриц в 100–120 метрах. Писать не знаю что, мысли сбиваются. Жив, здоров. Вернусь из атаки, напишу.

17.12.1944 год.
Ваш сын Закир»

Увы, не дождалась обещанной весточки от сына его мать, Анфиса Гафиятовна Бахтиярова. Письмо оказалось последним. Уже через несколько дней семья получила сообщение, что Закир пропал без вести, освобождая Прибалтику.

В музей это последнее письмо передала племянница фронтовика Созида Апасовна. Она хорошо помнит дядю Закира. Когда началась война, он работал токарем в ремонтно-механическом цехе ПМЭЗ. Рвался на фронт, обивал пороги военкомата. И наконец его призвали в армию. Помнит Созида, как он в 1944 году приезжал с фронта на Уралмаш за танками и побывал дома. Помнит, как просил ее, девочку, спеть ему и сплясать. Коротка была эта командировка, всего 3 дня. Уехал Закир снова в часть. И вскоре пришло то самое, последнее письмо...

Закир Бахтияров погиб в Латвии, в деревне Церпетеки Яунаутской волости, но навсегда остался в памяти многих односельчан.

Из воспоминаний А. Протасевича, выпускника 1941 года

«То было в 30-х годах, когда еще не заросли полностью окопы прошедшей гражданской войны, волны которой захлестывали наш тогдашний поселок Медный Рудник в восемнадцатом году.

Старшие ребята, начитавшись мемуарной литературы, на практике проигрывали события тех лет. И если у «красных» с формированием личного состава затруднений не было, то в стане противника всегда возникала проблема. Не находилось

**БАХТИЯРОВ
Закир
Каримович**

(1923–22.12.1944)

**Рядовой 7-й гаубичной
стрелковой дивизии
33-й штрафной отдельной роты**

1941-1945

* * *

Не заслуга быть белым,
 не достоинство — русым.
 Очень трудно быть смелым.
 Очень просто быть трусом.
 Кто не продал Россию
 ради денег и славы,
 знает: трудно быть сильным,
 знает: просто быть слабым.
 Знает: трудно жить крупно,
 проще жить — осторожно:
 добрым — сложно и трудно,
 а недобрым — несложно.
 Люди смелого роста —
 улыбаемся грустно:
 нам, конечно, непросто,
 нелегко...
 Но негнушно!

Н. Панченко

желающих быть «белыми». Тем более с высшим командным составом — «генералами». Даже само слово «генерал» вызывало непочтение. Ну какому же уважающему себя пареньку с высокими мечтами хотелось стать Деникиным, Колчаком, Дутовым, Пепеляевым, и обязательно побежденным?

Проще всего обстояло дело с «Батькой Махно». Нас не смущало, что приходилось «грешить» с географией — анархисты в историческом плане действовали далековато, на Украине. Но какая же война без оригинального, непредсказуемого в действиях «Махно»? Его не требовалось создавать для игры. Дело в том, что южная и восточная части зааборной территории ПМЭЗ, земли вокруг обогатительной фабрики, два водоема, железнодорожные пути с дощатым баракком, в котором жили путевые рабочие-железнодорожники завода и мой земляк, тезка Мисеюк с отцом-сцепщиком, матерью-домохозяйкой и младшей сестрой, «контролировались» летом полновластным атаманом Закиром.

Он олицетворял в себе силу, смелость, решительность с романтическим налетом благородного властелина, сошедшего к нам со страниц приключенческих романов. Над его внешностью природа сильно не мудрила. Из крепкого материала сотворила невысокого паренька с мощными ногами и руками, крупной головой, посаженной на могучие плечи, с черными курчавыми волосами, не знавшими никаких расчесок, кроме пятерни. Природа, создавая его, вдохнула железную волю, сильный, непокорный, самолюбивый характер и шепнула: «Даю тебе силу, мудрость, повелевай, командуй».

«Батька Махно» со своей личной немногочисленной охраной причинял существенное беспокойство чапаевским передовым частям. Боевые операции приходилось вести с трудом: коммуникации тянулись через весь поселок с севера на юг. «Махновцы» появлялись внезапно, производя психологический эффект, реже — предлагая знакомство с железными закировскими кулаками...

Смотрю на пламя Вечного огня, гадаю, предполагаю и прихожу, думается, к правильному выводу: Закир Бахтияров, наш земляк, стойко, грудь закрывал тот кусочек земли, который ему поручили защищать, воображая, что это как раз то место, где проходила его романтическая юность, — его «малая родина» Верхняя Пышма».

1941-1945

Мальчишки зеленые

Анатолий Безденежных был призван на фронт в августе 1942 года.

Из воспоминаний младшего брата Владимира

«Когда Толя уходил на фронт, я был еще ребенком и не понимал, не представлял себе той опасности, тех страданий, которые будут сопровождать его неотлучно день и ночь. Но я чувствовал: происходит что-то тревожное в жизни старшего брата. С печальными глазами, полными слез, мама обнимала, целовала Толю и все повторяла: «Береги себя!», и тихо шептала: «Храни тебя Бог». Тайком смахивали слезы с лиц соседки, пришедшие провожать Анатолия. Они уже на своих семьях познали весь ужас жестокого слова война: черные вести приходили то в один дом, то в другой.

Шел 1942 год. Второй военный год. Проводили Толю всей родней и стали жить от письма к письму».

Из воспоминаний А. Кузнецова

«В августе 1942 года мы были направлены в училище в город Ирбит, где по ускоренной программе из нас готовили командиров взводов, то есть лейтенантов. Занятия проводились ежедневно в течение 12–14 часов. Для личного времени выделялся всего один час, в который нужно было и письмо написать, и пуговицу пришить, и подворотничок постирать. Такой ускоренный темп продолжался до февраля 1943 года. В феврале мы сдали экзамены, и приказом Уральского военного округа от 17 февраля 1943 года каждому из нас было присвоено звание лейтенанта. Получили обмундирование. Частично солдатское, частично командирское. Из корочек «Боевого устава пехоты» (они были красные) вырезали «кубари», нитками пришивали их к петлицам (погон еще не было). Буквально через 2 дня всех нас погрузили в товарный вагон и отправили на запад. Маршрута следования мы не знали. По мере продвижения поезда некоторые бойцы высадились в Свердловске, Казани, Москве — в зависимости от того, кому на какой фронт было нужно.

Анатолий начал нести службу в 17-й стрелковой дивизии, боевой путь которой проходил в то время в Подмосковье, а потом

БЕЗДЕНЕЖНЫХ Анатолий Дмитриевич

(14.11.1926—27.03.1945)

**Лейтенант,
начальник разведки
стрелкового взвода
17-й стрелковой дивизии**

1941-1945

на Курской дуге. Следующее направление — на Витебск. Перед первым Прибалтийским фронтом во взаимодействии с 39-й армией 3-го Белорусского фронта была поставлена задача окружить и уничтожить витебскую группировку противника, а на втором этапе развить наступление на Лепель и выйти в Прибалтику».

Из личного архива генерал-лейтенанта Мюллера

«Во второй половине июня 1944 года советские войска начали наступление на армейскую группу «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал фон Буш) с целью ее полного разгрома и уничтожения. Наступление советских войск на участке третьей танковой армии в районе Витебска началось 23 июня.

Утром 1 июля я был вызван по радио на командный пункт генерала фон Типпельскирха у моста через реку Березину и получил от него устные указания. Советские войска приближаются к городу Борисову, расположенному на берегу реки Березины.

Ближайшей задачей 4-й армии является дальнейшее отступление с выходом в район южнее Минска. Нам остается лишь одно — попытаться вывести как можно больше людей из окружения. Прекратилось снабжение армии, мы потеряли ориентировку, ибо карт района боевых действий у нас не было. Не только с соседних, но и с более отдаленных участков фронта в наше расположение пробивались многочисленные группы солдат, оставших от своих частей, некоторые из них были без оружия. Стали прибывать раненые. Их везли целыми обозами на крестьянских подводах и по нескольку дней не оказывали медицинской помощи. Положение стало совершенно безвыходным».

Из воспоминаний генерала И. М. Чистякова

«29–30 июня войска 3-го Белорусского фронта вышли к реке Березине и форсировали ее в нескольких местах.

17 сентября войска первого Прибалтийского фронта достигли реки Западной Двины. Передовые части корпусов 6-й гвардейской армии подошли вплотную к берегу реки. Левый ее берег занимал противник.

Началось форсирование реки: кто на досках, кто на бочках, кто на бревнах, кто вплавь — двигались бойцы к противоположному берегу. Противник же вел только редкий минометный огонь. А что творилось с нами на берегу! Местные жители — женщины, старики, подростки — рушили свои сараи, заборы, снимали с петель ворота.

14 сентября началась Прибалтийская стратегическая наступательная операция трех Прибалтийских, 3-го Белорусского фронтов и сил Балтийского флота, продолжавшаяся до 24 ноября.

10 октября войска 1-го Прибалтийского фронта вышли к Балтийскому морю, севернее и южнее города Мемеля. Отрезали группу немецких армий «Север» от восточной Пруссии и вступили на территорию Литвы.

13 января 1945 года началась Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция первого Прибалтийского фронта, продолжавшаяся до 25 апреля».

Во время этой операции, в одном из боев и погиб Анатолий Безденежных.

В начале апреля, когда уже война подходила к концу, когда многие утешали себя надеждами на скорое возвращение солдат домой, почтальонка принесла роковую серую бумажку, на которой типографским шрифтом было написано:

1941-1945

«Ваш сын Безденежных А. Д., начальник взвода разведки, лейтенант, убит 27.03.45 г. и похоронен в братской могиле на южной окраине села Бегатнау, юго-восточнее мыса Каге-хольц в пяти километрах от Восточной Пруссии».

МАЛЬЧИШКИ ЗЕЛЕННЫЕ

*Мы жили под бомбами, мы плыли в понтонах,
Мальчишки зеленые, в рубашках зеленых.
Мы лезли на бруствер с зелеными лицами,
И в гиблую землю пытались зарыться мы.*

*Нас в бой поднимали ракеты зеленые.
Давно уж команды ушли похоронные.
А мы в плащ-палатках закопаны наскоро —
Фанерные звезды, пробитые каски.*

*Мы вам не расскажем, как были убиты мы.
Над нами земля нашей кровью пропитана.
А рядом дубки молодые, пригожие,
На нас почему-то чертовски похожие.*

*Мальчишки зеленые в рубашках зеленых,
Нет, нет, вы не стали дубками и кленами,
Не вышли травой, не проклюнулись колосом
И в гомоне птичьем не подали голоса.*

*Мы жили под бомбами, мы плыли в понтонах,
Мальчишки зеленые в рубашках зеленых.
Теперь мы зарыты в земле изувеченной,
Спасенной земле, и придумывать нечего.*

*Мы просто зарыты в земле изувеченной,
Спасенной земле, и придумывать нечего.*

Мы просто убиты...

В. Цыганков

БОЮН Виктор Иванович

(1923—18.04.1945)

Лейтенант,
командир 5-й стрелковой роты
440-го стрелкового полка
64-й стрелковой дивизии

Он был настоящим музыкантом

«**К**ак только началась война, большинство ребят нашего класса подали заявления на фронт. Образно говоря, они все, как пули из диска автомата ППШ или той самой винтовки, которую изучали на уроках военного дела, были выпущены по врагу, и пустыми гильзами легли на землю в разных местах, от Северного Ледовитого океана до «самого синего в мире» Черного моря», — пишет в своих воспоминаниях Алексей Протасевич, выпускник 1941 года, прошедший всю войну.

Архивные данные не указывают точную дату призыва Виктора Боюна в армию, но известно, что осенью 1941 года он уже числится в рядах 64-й стрелковой дивизии. В боевом пути этой дивизии значится и оборона Смоленска в 1941 году, и Козельск, и Ярцево. В августе 1942 года дивизия попала в окружение, но многие солдаты с боями вышли из сложнейшей военной операции. С 15 мая 1943 года по 9 мая 1945 года дивизия носила название «Могилевская ордена Кутузова и Суворова» и входила в состав Западного фронта, переименованного позже в Белорусский. В ожесточенных боях погибли 8 командиров этой дивизии. Виктор прошел всю войну от начала и почти до самого ее конца. Всего 20 дней оставалось до салюта Победы, но 18 апреля 1945 года в кровожадной пучине войны оборвалась жизнь смелого бойца. Он похоронен на армейском кладбище в городском парке города Цыбенген в Германии.

Из воспоминаний А. Протасевича

«Грустно. Может быть, мы потеряли не только солдата. Может быть, потеряли поселок Медный Рудник и наша страна великого музыканта. Он был самой заметной фигурой среди всех нас, музыкантов по призванию. Казалось, для него не существовало трудных вариаций. На репетициях он без труда брал на своей маленькой домре ноты любой длительности, 16-е и 32-е в том числе! Упорно, настойчиво, с большой любовью овладевал Витя нелегкой музыкальной грамотой. И тем сильно отличался от нас: видимо, рожден был большим музыкантом...»

1941-1945

Из воспоминаний маршала Г. К. Жукова

«В 6 часов 15 минут 16 апреля 1945 года на нашем фронте мощно и грозно заговорила артиллерия всех калибров. На направлении главного удара огонь вели более 300 орудий и минометов на километр фронта прорыва. Дополнительно были выделены артиллерийские подразделения и танки для непосредственной поддержки пехоты.

На первый день было запланировано только для одной артиллерии миллион 197 тысяч выстрелов, фактически было проведено миллион 236 выстрелов. 2450 вагонов снарядов, то есть почти 98 тысяч тонн металла, обрушилось на голову врага.

В течение 30-минутного мощного артиллерийского огня противник не сделал ни одного выстрела. Это свидетельствовало о его полной подавленности и расстройстве системы обороны. Поэтому было решено сократить время артподготовки и немедленно начать общую атаку.

В воздух взвились тысячи разноцветных ракет. По этому сигналу вспыхнули 140 прожекторов, расположенных через каждые 200 метров. Более 100 миллиардов свечей освещали поле боя, ослепляя противника и выхватывая из темноты объекты атаки для наших танков и пехоты. Это была картина огромной впечатляющей силы, и, пожалуй, за всю свою жизнь я не помню подобного зрелища.

Гитлеровские войска были буквально потоплены в сплошном море огня и металла. Сплошная стена пыли и дыма висела в воздухе, и местами даже мощные лучи зенитных прожекторов не могли ее пробить, но это никого не смущало.

Наша авиация шла над полем боя волнами. Ночью несколько сот бомбардировщиков ударили по дальним целям, куда не доставала артиллерия. В течение первых суток сражения было проведено свыше 65 500 самолето-вылетов».

Из воспоминаний немецкого генерала артиллерии, командира 56-го танкового корпуса Вейдлинга

«16 апреля в первые же часы наступления русские прорвались на правом фланге 101-го армейского корпуса на участке дивизии «Берлин», создав тем самым угрозу для левого фланга 56-го танкового корпуса. Во второй половине дня русские танки прорвались на участке 303-й пехотной дивизии, входившей в состав 11-го танкового корпуса СС, и создали угрозу для нанесения ударов с фланга по частям дивизии «Мюнхенберг». В ночь на 17 апреля части моего корпуса, неся большие потери, были вынуждены отойти на высоты восточнее Зеелов...»

МЫ ШЛИ...

*Мы шли молчаливой толпой, —
Прощайте, родные места! —
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.*

*Вздыхалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели над нами,
Покинув гнездовья свои.*

*Зверье по лесам и болотам
Бежало, почуяв войну, —
Видать, и ему неохота
Остаться в фашистском плену.*

*Мы шли... В узелки завязали
По горстке родимой земли,
И всю б ее, кажется, взяли,
Но всю ее взять не могли.*

*И в горестный час расставанья,
Среди обожженных полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:*

*— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна
Пусть самую лютою карой
Врагов покарает она!*

*Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей.*

Пусть ворон —
 зловещая птица —
 Клюет людоедам глаза,
 Пусть в огненный дождь
 превратится
 Горючая наша слеза.

Пусть ветер железного мщенья
 Насильника в бездну сметет,
 Пусть ищет насильник спасенья,
 И пусть он его не найдет

И страшную казнь казнится,
 Камня грызя взаперти...

Мы верили — суд совершится.
 И легче нам было идти.

М. Исаковский

Из воспоминаний маршала Г. К. Жукова

«Утром 17 апреля на всех участках фронта советские войска успешно продвигались вперед. Однако противник, придя в себя, начал оказывать противодействие со стороны Зееловских высот своей артиллерией, минометами, а со стороны Берлина появилась группа бомбардировщиков. И чем ближе подходили наши войска к Зееловским высотам, тем сильнее нарастало сопротивление врага.

Этот естественный рубеж господствовал над окружающей местностью, имел крутые скаты и являлся во всех отношениях серьезным препятствием на пути к Берлину. Сплошной стеной стоял он перед нашими войсками, закрыв собой плато, на котором должно было развернуться сражение на подступах к Берлину. Именно здесь немцы сосредоточили наибольшее количество сил и средств.

Для противника удержание этого важнейшего рубежа имело еще и моральное значение. Ведь за ним лежал Берлин!»

В ожесточенных боях на Зееловских высотах оборвалась жизнь смелого верхнепышминца, выпускника школы № 1 Виктора Ивановича Боюна.

1941-1945

Стоял насмерть

Иван, как и многие мальчишки предвоенного времени, мечтал стать военным. По воспоминаниям учителя химии и биологии школы № 1 Анны Ивановны Березиной, «Ваня учился очень хорошо, интересовался математикой, физикой и химией. Ко всему относился ответственно, серьезно и вдумчиво. Занимался спортом, особенно лыжным». В 1939 году он закончил 9 классов средней школы № 1 и поступил в Чкаловское (ныне Оренбургское) училище зенитной артиллерии. В мае 1941 года после окончания училища Иван в звании лейтенанта прибыл в город Балашов на службу.

Когда началась война, Иван Буренков был направлен в Белоруссию, под командование полковника Виноградова. Последнее письмо, полученное родными, датировано октябрём 1941 года, и более никаких вестей от Ивана не было. На запросы и письма родных в Центральный архив Министерства обороны РФ получен ответ:

«Сложная обстановка на фронтах Великой Отечественной войны 1941 года не позволяла точно установить судьбу некоторых военнослужащих, поэтому они были учтены пропавшими без вести».

Наибольшее число пропавших без вести советских военнослужащих (которые числятся таковыми и по настоящее время) приходится на начальный период Великой Отечественной войны, в особенности — на 1941 год, когда Красная армия отступала, неся огромные потери убитыми, ранеными и пленными.

За это время советские войска сорок раз попадали в окружение значительными силами противника. Немецкие источники утверждают, что в 1941 году в плен попало 3 350 000 советских военнослужащих.

Советские (российские) источники приводят следующую информацию: «Безвозвратные и санитарные потери за 6 месяцев и 9 дней 1941 года составляют 4 473 820 человек, пропало без вести и попало в плен 2 335 500 человек».

Наступление, вошедшее в историю под названием «Барбаросса», началось в сумерках перед самым рассветом 22 июня 1941 года. В 3 часа 15 минут немецкая армия вступила на территорию Советского Союза.

БУРЕНКОВ
Иван
Игнатьевич

(1922—1941)

Лейтенант

1941-1945

На самой границе замерли в ожидании приказа Гитлера 7 армий, 3 воздушных флота, 4 танковые группировки, свыше 3 млн солдат, 600 тыс. автомашин, 750 тыс. лошадей, 3580 единиц бронетехники, 7184 орудия, 2100 самолетов.

Человеконенавистническая идеология и варварские методы ведения войны не привели, как известно, фашистский блок к победе над Россией.

Из воспоминаний бывшего голландского добровольца дивизии СС «Викинг» Хендрика Фертена

«Война с Советским Союзом очень скоро в своей жестокости и тяжести превзошла все прежние войны, проходившие с 1939 года. Ее целью стало полное уничтожение врага и безусловная капитуляция. Гитлер описывал эту кампанию как крупнейший военный поход в мировой истории, сравнимый с германскими походами, в ходе которых были разбиты орды Чингисхана в Силезии. Однако выживание на фронте давалось нам дорогой ценой».

«Русские проявили себя неожиданно серьезными противниками, не сравнимыми ни с поляками в 1939 году, ни с французами в 1940 году».

«Мы не нашли ни приключений, ни лавровых венков победы. Вместо всего этого нам достались вши, грязь, жестокие морозы и смерть. В неопикуемых лачугах, где нас порой оказывалось до двадцати человек, мы ждали очередных приказов. Мы вжимались в землю на своих позициях под огнем врага. Ночью мы часами ждали в засаде русских бойцов, которые ориентировались в темноте, почти как при дневном свете, и каждая минута казалась нам вечностью. Мы мало отдыхали в другие ночи, когда наш тревожный, нервный сон то и дело прерывался из-за атак врага. Держа палец на спусковом крючке, мы вдыхали едкий запах горящих деревьев...».

«Во время боев русские могли выдержать и выдерживали гораздо больше, чем любая другая европейская армия. Приведу лишь одну цитату на этот счет: «Восточный фронт был кошмаром для немецкого солдата. Русские сражались, как примитивные бездушные роботы. Их патриотизм и большевистские идеалы вовсе не лопались как мыльный пузырь, наоборот, их убеждение было очень тяжело поколебать. Русские командиры, ни секунды не колеблясь, начинали бой, даже если он обещал крайне высокие потери с их стороны, а их солдаты сражались до последнего вздоха, зачастую предпочитая самоубийство плену...».

Офицер генерального штаба вермахта на Восточном фронте Эйке Миддельдорф так оценивает русского солдата:

«Способность русского солдата все перетерпеть, все вынести и умереть в своей стрелковой ячейке является важной предпосылкой для упорной и ожесточенной обороны. Она дополняется сильной связью русского солдата с природой, что позволяет ему в обороне мастерски оборудовать свои позиции и прекрасно маскироваться».

1941-1945

Навеки восемнадцатилетний

С начала Великой Отечественной войны Павлу запахла мысль пойти добровольцем на фронт. В армию его не брали: ему было всего 16 лет. Старшие товарищи, друзья из родного поселка уже давно были на фронте, а он каждый день обивал пороги военкомата в Орджоникидзевском районе Свердловска (пос. Медный Рудник входил тогда в состав города Свердловска). Каких только доводов не приводил Павел, чтобы попасть на фронт! Убеждения не помогали. Жалел, видимо, военком настойчивого паренька. Может, не давали покоя военкому похоронки, которые приходили с фронта. «Рано тебе воевать, надо еще учиться», — не раз слышал юноша в ответ на свою просьбу пойти на фронт. Не помогали Павлу и его наивные угрозы: «Я наркому напишу!» Прибавив год, отправился Павел в областной военкомат, переполненный мобилизованными свердловчанами. Там в спешке ему выдали повестку, и в августе 1941 года направили на 3-месячные курсы радистов. А после окончания курсов никто и не спрашивал, сколько ему лет. И вот новоиспеченный старший сержант отправляется на Северо-Западный фронт в Новгородскую область.

Почему же он, как, впрочем, и многие парни с Медного, рвался на фронт? Каким он был — Павел, Павлик, как звали его родители и соседи по квартире.

Из воспоминаний Анны Ивановны Березиной, учителя химии

«Очень смысленный и добрый. Учился в школе хорошо, много занимался общественной работой, спортом. Часто можно было видеть его в рабочем клубе «Цветмет». Павел хорошо рисовал, поэтому часто помогал оформлять декорации к спектаклям драматического кружка. Писал плакаты, лозунги. Учился на курсах противовоздушной обороны, в кружках ГТО («Готов к труду и обороне»), ПВХО, «Ворошиловский стрелок». Все нормативы сдавал на отлично и гордился врученными ему значками. В 14 лет вступил Павел в комсомол, интересовался международной политикой».

...И вот он на переднем крае обороны в Новгородской области. В книге «Великая Отечественная война, 1941–1945. События. Люди. Документы» мы находим краткое описание

**ВАТОЛИН
Павел
Степанович**

(1924–02.1943)

Старший сержант,
командир взвода разведчиков

1941-1945

военных операций в Новгородской области с января 1942 года по 20 февраля 1943 года — во время несения службы Павла в действующей армии.

«11 января 1942 года. Войска 3-й и 4-й ударных армий Северо-Западного фронта, прорвав зону обороны противника, продвинулись на 25–30 км».

«13 января 1942 года. Войска Северо-Западного фронта вышли на линию железной дороги Старая Русса — Пола. 2-й армейский корпус 16-й армии группы армий «Север» оказался охваченным с севера и юга».

«29 января 1942 года. Войска Северо-Западного фронта окружили в районе Демянска крупную группировку противника».

Гитлер придавал огромное значение удержанию Демянского плацдарма, так как считал, что отсюда начнется победное наступление на Москву. Во всех немецких документах окруженная советскими войсками немецкая группировка 2-го армейского корпуса и части 10-го армейского корпуса 16-й армии в составе двух пехотных дивизий и элитной дивизии СС «Totenkopf» («Мертвая голова») именовалась не иначе как «Демянская крепость» или «Демянская цитадель». Для снабжения окруженных войск была задействована вся транспортная авиация группы армии «Центр» и половина всей транспортной авиации Восточного фронта. Одновременно стала готовиться спасательная операция «Brückenschlag». Внутри «котла» немцы, используя непростой рельеф местности, сумели организовать хорошую оборону.

«28–29 марта 1942 года. Наши войска совершили первую попытку прорыва, но были отбиты».

«15 февраля 1943 года. Началась Демянская наступательная операция войск Северо-Западного фронта. Цель операции: ликвидация Демянского плацдарма противника. В наступление перешли 11-я и 53-я армии».

Эта драматическая история Великой Отечественной войны, к сожалению, мало изучена. Страшные испытания выпали в то время на долю 18–19-летних мальчишек.

Сохранилось всего несколько писем Павла с фронта.

11 января 1943 года.

«Здравствуйте, мои дорогие мама, бабушка, Нина, Юра, Ольга. Шлю вам свой горячий привет и желаю самых наилучших успехов в вашей жизни. Это письмо пишу перед боем, в бой иду часа через полтора. Вернусь или нет, не знаю. Потому решил написать вам мое, может быть, последнее письмо. А все же жить хочется, хочется дышать, хочется посмотреть на вас хотя бы одним глазом.

Сегодня вступил в ряды ВКП(б), так что в бой пойду коммунистом. И если погибну, то считайте коммунистом.

До рассвета осталось еще немного времени, и в голову лезут всякие мысли. И жить хочется. Ведь вы сами знаете, как я провел свою юность. И все же жить хочется. Но жить под ярмом немцев тоже не хочу. Лучше погибнуть, чем жить под ярмом.

Писать времени больше нет. Не осудите за писанину. Очень торопился.

Жму всем крепко-крепко руки.
Ваш Павел».

1941-1945

22 января 1943 года.

«Привет с фронта. Здравствуйте, дорогие мама, бабушка, Нина, Юра и сестра Ольга!

Ждал, ждал от вас письма и решил сам написать. Только что вернулся с передовой, помылся в бане. И тут вызвали в штаб для получения партийного документа.

Живу по-старому. Сегодня так совсем весело. Пришли посылки из Монголии, да выдали водки, и все, что было, позабылось. Но скоро снова пойдём в решительное наступление. Ну, ничего, мы тоже научим фрицев, как нужно воевать. Словом, дело пошло к концу войны. А все же, как надоела такая жизнь. Я так ко всему привык и считаю, что так и надо. Пойдешь к деревне, а там ни одного дома нет, сметено с земли, все разрушено, кругом — убитые фрицы и русских полно.

Мама, я вам посылаю фотокарточку, сфотографировался неделю тому назад. Правда, плохо, но тем не менее очертания лица заметны. И я думаю, что очень во многом изменился. Особенно это в характере чувствуется. Все нервы потрепал. Ох, и псих стал. Даже сам не знаю, какой. Мама, я попрошу вас: мою фотокарточку пошлите папе. Я бы и ему послал, но у меня только одна, а остальные — на документе.

Работаю по-старому, все идет своим чередом. Почему вы так редко пишете письма? Я даже недоволен сегодня остался. Все ребята получили хоть по одному, а то и больше, а я ни одного.

Жду от вас хоть одно письмо, если можно, то два. А насчет фото, то папе пошлите, пусть посмотрит, а то ведь тоже соскучился.

Ну, пока, до свидания, крепко всех целую.

Ваш сын Павел».

17 февраля 1943 года Павел погиб. Похоронен в деревне Володиха, на Новгородчине, до войны здесь было 140 домов, после развернувшихся боев осталось 12. На берегу реки поставлен скромный памятник с фамилиями похороненных бойцов. Есть там и фамилия Павла Ватолина. Было ему тогда всего 18 лет.

РУССКАЯ ПЕХОТА

*Дождь и снег. Сырое поле.
Всюду грязь и слизь.
Эх, солдатская ты доля,
Фронтовая жизнь.*

*Передрогнув, не закуришь.
С маршу — не поспишь,
В ослепляющую бурю ж
Нет солдату крыш.*

*Бьет нас пуля, рвет граната,
Порют штык и нож.
Только русского солдата
Смертью не возьмешь.*

*Русский страху не страшится,
Воевать мастак.
Русский, ежели решится —
Значит, будет так!*

*Тут уж он и сна не знает,
Не смыкает век:
Очень совесть уважает
Русский человек.*

*И когда на поле с хода,
Взводами пыля,
Выйдет русская пехота —
Загремит земля!*

И. Сельвинский

1941-1945

ВОЙНОВ Анатолий Григорьевич

(1919—1943)

Красноармеец

На Синявинском направлении

В 2004 году поисковый отряд «Ровесник» верхнепышминской средней школы № 1 был в экспедиции на Невском пятачке. В течение недели девочки работали в архиве военкомата города Кировска, где хранятся картотеки с данными о погибших бойцах Ленинградского фронта. Целью работы было найти в многочисленных картотеках архива сведения о наших земляках, жителях Свердловска и Свердловской области, защитниках Невского пятачка, а также о бойцах, погибших под Синявино, Синявинскими высотами и в Мгинском районе. Удалось найти только двоих наших земляков (и то, возможно, неточно), похороненных на Невском пятачке.

Девочки работали и с картотекой павших в Мгинском районе. Перебрали несколько тысяч карточек и выписали из них более тысячи фамилий бывших жителей Свердловской области, защищавших этот участок Ленинградского фронта. Среди них обнаружили фамилию и имя ученика нашей школы, погибшего под Синявино. Это был Войнов Анатолий Григорьевич, красноармеец, проживавший в поселке Медный Рудник Свердловской области, на улице Ключевская, 19.

В картотеках погибших указаны разные фамилии, имена, звания, род войск. И только одно слово повторяется многократно: «убит». Лишь иногда — «умер от ран». Годы рождения — 1918, 1920, 1922, 1923. Так сколько же лет им было? Совсем юные. Воистину — «мальчишки зеленые» из нашей любимой песни.

Карточка за карточкой. По ним можно изучить всю географию страны. В этом мы убедились на примере Свердловской области, увидев знакомые города: Камышлов, Тавду, Гари, Байкалово, Ирбит, Сысерть.

В архиве наши ребята познакомились с удивительным человеком Виктором Владимировичем Кунтаревым, председателем постоянной Ленинградской комиссии по увековечиванию памяти защитников Отечества. Слушая его рассказ о той титанической работе, которой он занимается в течение 14 лет, приходишь к выводу: не перевелись еще на Руси подвижники. Оставив военную службу в рядах Советской армии, он занялся исследовательской работой: днями сидит над картотеками в архиве военкомата города Кировска, разыскивает ветеранов войны — участников боев в Мгинском районе Ленинградской области и готовит к изданию уникальную энциклопедию

1941-1945

о бойцах 30-й стрелковой дивизии, действовавшей на Ленинградском фронте на Синявинском направлении. Долгое время, будучи в отпуске, он был командиром поискового отряда «Восток» города Ленинграда.

Виктор Владимирович Кунтарев разыскивает родственников бойцов — уже не детей и не внуков, а правнуков, и просит выслать ему фотографии погибших под Синявино прадедов. Это через 60-то лет! И находит. И вносит дорогую ему фотографию в Книгу Памяти 30-й стрелковой дивизии. Виктор Владимирович уверен, что эта часть Кировского района Ленинградской области стала самым кровавым местом в истории всей Второй мировой войны. Недаром Кировский район занимает первое место по плотности потерь на один квадратный километр, длительности сражений и плотности боевых порядков.

Под Синявино бои не прекращались с конца августа 1941 года по 20 января 1944 года. Средние потери составили около 670 человек на один квадратный километр. Когда закончилась война, то вся Ленинградская область была буквально усеяна могильными березовыми немецкими крестами, деревянными пирамидками и номерами столбиков советских солдат, братскими захоронениями, обнесенными загородками из деревянных жердей.

Своей задачей и задачей поисковых отрядов Виктор Владимирович считает создание войсковых Книг Памяти, которые могли бы стать универсальной энциклопедией Великой Отечественной войны. Вернувшись из поисковой экспедиции домой, мы пригласили в школьный музей Олимпиаду Григорьевну Старкову, сестру Анатолия Григорьевича Войнова, сведения о месте гибели которого мы разыскали в архиве города Кировска. У Олимпиады Григорьевны сохранилось несколько уникальных фотографий брата. В одном из писем с фронта Анатолий прислал фотографию, на которой он был запечатлен за пять месяцев до гибели. В письме читаем:

«Несколько минут назад был мощный артобстрел и налет фашистской авиации. Это мы с моим другом Богатниковым Валентином Степановичем после авианалета сидим на скошенном взрывом бревне».

Мы вглядываемся в лица молодых людей. Им вместе немного за 40! Как много они повидали и пережили в свои 20 лет! Успели поседеть. Успели постареть в крошечном аду войны. Успели отстоять свое Отечество.

СОЛДАТЫ

*В земле солдат намного больше,
Чем на земле.*

*Перед Москвой, над Волгой,
в Польше,
В крошечной мгле,*

*Лежат дивизии лихие
И корпуса.*

*А сверху дали голубые
И небеса.*

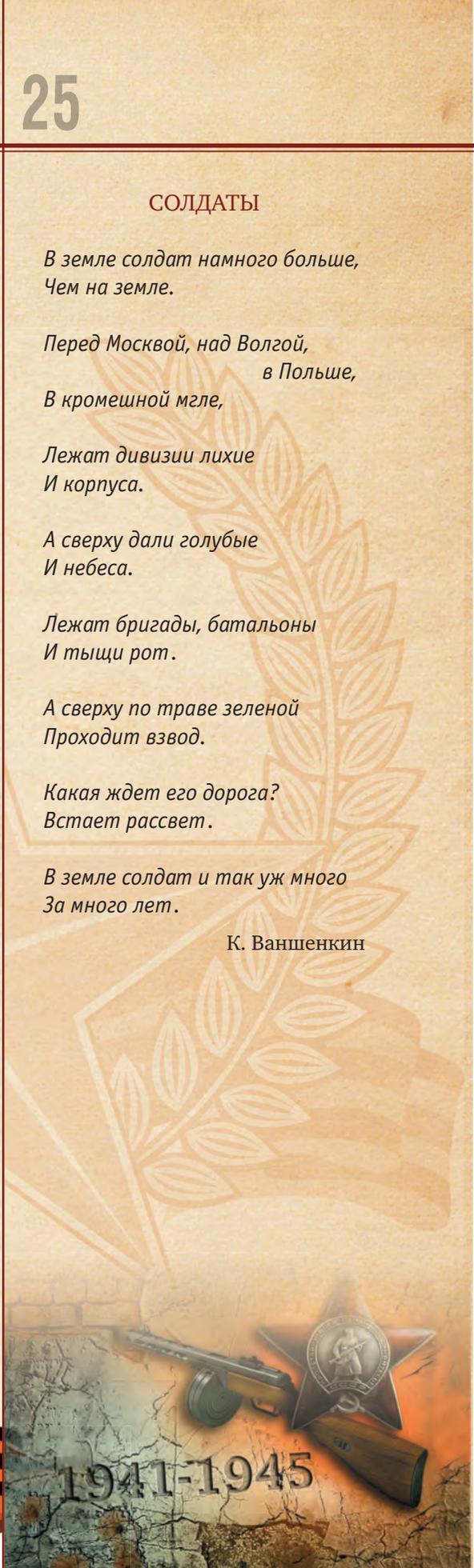
*Лежат бригады, батальоны
И тыщи рот.*

*А сверху по траве зеленой
Проходит взвод.*

*Какая ждет его дорога?
Встает рассвет.*

*В земле солдат и так уж много
За много лет.*

К. Ваншенкин

**ВОСПОМИНАНИЕ
О ПЕХОТЕ**

*Пули, которые посланы мной, не возвращаются из полета,
Очереди пулемета режут под корень траву.
Я сплю, положив голову на Синявинские болота,
А ноги мои упираются в Ладогу и в Неву.*

*Я поднимаю веки, лежу усталый и заспанный,
Слежу за костром неярким, ловлю исчезающий зной.
И когда я поворачиваюсь с правого бока на спину,
Синявинские болота хлюпают подо мной.*

*А когда я встаю и делаю шаг в атаку,
Ветер боя летит и свистит у меня в ушах,
И пятится фронт, и катится гром к рейхстагу,
Когда я делаю свой второй шаг.*

*И белый флаг вывешивают вражеские гарнизоны,
Складывают оружие, в сторону отходя.
И на мое плечо, на погон полевой зеленый,
Падают первые капли, майские капли дождя.*

*А я все дальше иду, минуя снарядов разрывы,
Перешагиваю моря и форсирую реки вброд.
Я на привале в Пильзене пену сдуваю с пива
И пепел с сигарки стряхиваю у Бранденбургских ворот.*

*А весна между тем крепчает, и хрипнут походные рации,
И, по фронтовым дорогам денно и ночью пыля,
Я требую у противника безоговорочной капитуляции,
Чтобы его знамена бросить к ногам Кремля.*

*Но, засыпая в полночь, я вдруг вспоминаю что-то.
Смежив тяжелые веки, вижу, как наяву:
Я сплю, положив под голову Синявинские болота,
А ноги мои упираются в Ладогу и Неву.*

А. Межиров

Вечная слава героям!

Младший сержант Вениамин Ильич Голянд погиб 20 августа 1943 года и похоронен в селе Орлик Белгородской области.

Из сообщения Совинформбюро от 5 августа 1943 года

«Войска Брянского фронта при содействии войск Западного и Центрального фронтов освободили город Орел. За время оккупации и боев гитлеровцы уничтожили свыше 11 тысяч мирных жителей, свыше 20 тысяч человек отправили на работы в Германию, разрушили все промышленные предприятия и культурно-бытовые учреждения, значительное число жилых зданий».

5 августа последовало специальное заявление И. Сталина об освобождении Орла и Белгорода, что свидетельствовало о начале периода, который можно назвать эрой победных салютов.

Диктор московского радио Левитан своим глубоким голосом впервые зачитал слова приказа Верховного Главнокомандующего, которые в последующие два года звучали для советских людей, как приятная и знакомая мелодия:

«Сегодня, 5 августа, войска Брянского фронта при содействии с флангов войск Западного и Центрального фронтов в результате ожесточенных боев овладели городом Орел. Сегодня же войска Степного и Воронежского фронтов сломили сопротивление противника и овладели городом Белгород...».

«Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород, двадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий... Объявляю благодарность всем... войскам, участвовавшим в операциях по освобождению Орла и Белгорода. Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины. Смерть немецким оккупантам!»

Эти формулировки с незначительными вариациями стали текстом, который миллионы радиослушателей еще более трехсот раз услышали до окончательной победы над Германией и Японией. Да, началась эра салютов Победы.

ГОЛЯНД Вениамин Ильич

(1924—20.08.1943)

Младший сержант

1941-1945

На следующий день, 6 августа, сводка сообщила, что войска, взявшие Орел, преследуют противника в западном направлении, захватили Кромы и 70 других населенных пунктов, что на юге успешно развивается широкое наступление в направлении Харькова.

Решение отметить победу под Курском первым салютом и фейерверком было принято отнюдь не случайно. Советское командование знало, что, выиграв Курскую битву, СССР фактически выиграл войну.

ПЕРЕД АТАКОЙ

*Когда на смерть идут, — поют,
а перед этим можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.*

*Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв — и умирает друг.
И, значит, смерть
проходит мимо.*

*Сейчас настанет мой черед,
За мной одним идет охота.
Ракеты просят небосвод
и вмерзшая в снега пехота.*

*Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.*

*Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окопавшая вражда,
штыком дырявящая шею.*

*Бой был коротким.
А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей я кровь
чужую.*

С. Гудзенко

1941-1945

Отчизны славные сыны

Семья Гуриных проживала в поселке Медный Рудник по адресу: Рабочий поселок, дом 3, кв. 7. Известно, что двое сыновей главы семейства — Афанасия Гурина были защитниками Отечества в Великую Отечественную войну. В декабре 1942 года ушел на войну старший сын Михаил, 1925 года рождения. Родители получили от него только одно письмо — с дороги на фронт. Больше никаких известий не было. Возможно, в то суровое военное время, когда эшелон с новобранцами шел на фронт, состав по пути подвергся бомбардировке.

Младший брат Михаила — Альберт Гурин в возрасте неполных 15 лет был направлен на Соловецкие острова и определен в школу юнг. После окончания школы Альберт служил мотористом на торпедном катере на Балтике и одним из первых среди юнг в 1944 году получил медаль Ушакова за участие в морских сражениях при взятии порта Пиллау. Для моряков эта медаль значит гораздо больше, чем орден.

* * *

*Есть поколения долголетние,
Мое не вызрело еще,
Приняв солдатские галеты,
Ружье и скатку на плечо.
Как торбу за спину — страну
И первый взрослый шаг —
В войну.
Что до него — оно не строило,
И все, что после, — без него.
Но что бы стоила история
Без поколения моего?!*

Н. Панченко

**ГУРИН
Михаил
Афанасьевич**

(1925—?)

Красноармеец

1941-1945

ДЕМЕНЕВ Павел Петрович

(1903—1943)

Рядовой

Быть красноармейцем — большая честь

Павел Петрович Деменов — преподаватель истории средней школы № 1 с 1934 года. В 1938 году поступил в Московский государственный университет на заочное отделение. В музее по сей день хранится его зачетная книжка № 47, в которой из всех оценок только одна «хорошо», остальные — «отлично».

В 1942 году Павел Петрович был призван в действующую армию. Боевой путь рядового Деменова шел через Старую Руссу, Ясную Поляну, Смоленск, Ельню. Последняя открытка домой, жене и двум сыновьям датирована 31 августа 1943 года. В октябре 1943 года пришло извещение о том, что Павел Деменов тяжело ранен и отправлен в тыловой госпиталь. Санитарный поезд до места назначения не дошел.

Из воспоминаний бывшей ученицы Ю. С. Кустовой

«Павел Петрович очень любил свой предмет, всегда приходил тщательно подготовленным к уроку. На уроки приносил стопки книг с подчеркнутыми цветными карандашами цитатами, с разными закладками.

В класс заходил всегда с улыбкой, неторопливо открывал свою тетрадь с планом беседы и начинал излагать материал, подтверждая сказанное цитатами. Очень часто увлекался изложением любимого им материала и забывал о сидящих учениках. Ребята, находясь вне поля зрения учителя, начинали шуметь, остановить их было трудно, он нервничал, но никогда не повышал голоса, не кричал, а растерянно смотрел на нас. Казалось, он недоумевал: «Как это можно такой интересный и важный материал не слушать?!»

Мешал нормальному ходу урока введенный в то время бригадный метод обучения: после объяснения учителя каждая бригада (5–7 учеников) располагалась за партами кружком и конспектировала данный параграф учебника.

Обычно кто-то из более сильных учеников бригады читал и диктовал заданное, а остальные вначале записывали, а потом увлекались разговором, спорили, становилось шумно. Не помню случая, чтобы учитель был разгневан (хотя любой человек имеет право на гнев), он только сожалел, глядя на нашу невоспитанность, на неумение владеть собой.

1941-1945

В первые годы войны многие учителя один за другим уходили на фронт. Тяжелы и тревожны были их проводы. Как-то я вела урок, глянула в окно и вижу: мимо школы по тротуару идут Павел Петрович с рюкзаком за плечами и Валентина Петровна, его жена. Я прервала объяснение, волнуясь, сказала ребятам, что Павла Петровича провожают на фронт, разрешила детям подойти к окнам, и мы все долго стояли в молчании, пока его не стало видно.

Тихо-тихо сели снова ученики за свои парты, лица их были задумчивы, серьезны: ведь у каждого из них кто-то так же уходил на войну. Больше Павла Петровича Деменева мы не видели: он погиб, защищая Родину от врага».

Из воспоминаний сына Павла Петровича Юрия Деменева

«Павел Петрович — историк, фанатично преданный своему предмету, возможно, был слишком демократичен как учитель в отношениях со своими учениками. В 1941 году я единственный раз побывал у него на уроке, и у меня сложилось именно такое впечатление. Он так увлеченно раскрывал тему, сопровождая рассказ фотографиями репродукций собственного изготовления. Фотолабораторию он соорудил в дровянике, что был прямо напротив нашего дома, и проводил там очень много времени. Репродукции в увеличенном масштабе Павел Петрович делал с помощью очень ценного в те времена фотоаппарата «Фотокор».

Именно Павлу Петровичу пришла в голову прекрасная идея, что молодой школе необходимо уже теперь собирать материалы для будущего школьного музея.

Прекрасно образованный, сдержанный, он пользовался большим уважением как среди учеников, так и среди учителей. Любил спорт, больше всего лыжи, увлекался шахматами. Серьезно занимался археологией, изучал места стоянок первобытного человека в уральских краях. В нашей квартире после войны еще долго хранились черепки, найденные на горе Толстик вблизи Исетского озера.

Любовь к истории передалась естественно и нам — детям. В квартире стояли стеллажи с историческими книгами, зачастую редкими и ценными. Например, гомеровские «Илиада» и «Одиссея».

Попал Павел Петрович на Северо-Западный фронт и был зачислен в химподразделение. С фронта регулярно писал письма

семье, жене и двум сыновьям. Вот отрывки из некоторых его писем:

«Как непривычно: я — красноармеец, ведь для меня это была недостижимая честь, и вот это свершилось. Обо мне не беспокойтесь, я вполне здоров и не менее других вынослив, чтобы выполнить свою священную обязанность защищать Родину и ваше счастливое будущее».

«29 марта 1942 года. Сейчас принял присягу, то есть дал торжественную клятву честно исполнять все уставы и приказания командиров и не щадить своей крови, а если будет надо — то и своей жизни, для достижения полной победы».

«16 июля 1942 года. За это время несколько раз сменилось наше расположение, обострилась военная обстановка. Немцы пытались наступать и заняли одну деревню. Наши ее отбили и еще одну освободили».

«5 августа 1942 года. В последнее время на нашем участке фронта шли тяжелые бои, наши очень медленно продвигаются вперед. Из химроты никто не пострадал. За год не вернулись только двое — очень редкое явление. Теперь работаем только в противотанковых костюмах».

«4 октября 1942 года. Я получил, как говорят, боевое крещение. В первый раз был в настоящем бою современной войны. К счастью, танков не было. Была самая свирепая бомбардировка и обстрел с воздуха из пушек и пулеметов, обстрел из пушек наземных. Пули и осколки сыпались градом вокруг, удивляешься, как только в тебя не попадает. Сначала пошли в наступление, была пробежка, потом заняли оборону, окопались. Немцы подходили близко, метров на 70. Осколок от авиабомбы задел мне рукав шинели и упал рядом с рукой, а через двоих человек одного убило. Вот, казалось бы, служить в химроте менее опасно, оно так и есть, но ты на фронте в действующей армии, и никаких гарантий безопасности нет и быть не может. Тем более, вдруг немцы нарушат конвенцию о неприменении химических отравляющих веществ, и служба постоянно должна следить за чистотой поверхности земли и воздуха. Война есть война».

«11 декабря 1942 года. Мой юбилей: десять месяцев в армии. Что же это за подлая штука — война? Смерти, унижения, страдания, голод, ожидание жен. Но народ верит в Победу. И жизнь идет, и никуда не деться от любви,

дружбы и пусть маленьких, но радостей и больших случаев народных побед».

«18 декабря 1942 года. С наступлением зимы нам стали давать мясо, крупы, сало свиное и иногда картошку, правда, теперь мерзлую. Сегодня дали вторые теплые рукавицы — шубенки. Значит, страна наша еще богата, если так хорошо обеспечивает многомиллионную армию. Часто стали давать водку, но я ее меняю на хлеб и потому всегда сыт. Я снова занялся историей: иногда по просьбе товарищей рассказываю им легенды из греческой мифологии или из нашей истории интересные факты. На днях по поручению политрука буду делать доклад о Куликовской битве и Дмитрии Донском. Беседа о Куликовской битве понравилась, и меня стали больше уважать, просят чаще проводить подобные рассказы. Выдали нам подшлемники вязаные на голову с отверстием для лица. Мы очень благодарны тылу за заботу об армии, и это вселяет бодрость и уверенность в победе нашей страны над Гитлером».

«20 января 1943 года. Наши войска продвигаются вперед и берут много пленных и трофеев, чего раньше не было. У нас возрастает настроение и надежды поскорей попасть домой».

«22 марта 1943 года. Два дня лежу в 200–300 метрах от фрицев в снеговом окопе. Внизу подостлана хвоя. Вчера осколком мины был убит мой товарищ. Окопы наши находятся в лесу, но, по-моему, нет ни одного целого дерева, не пострадавшего от немецких пуль, осколков мин и снарядов. На передовую шел абсолютно спокойно, и сейчас настроение прекрасное, даже хочется петь слова из песни: «Все в порядке, моя дорогая...». Я получил повышение — старший ячейки. А ячейка наша очень похожа на снежную крепость (детскую нору)».

«28 марта 1943 года. Мы все в той же деревеньке Калининской области. Население нас встречает приветливо. Сегодня нас угостили щами из квашеной капусты. Замечательно!»

«23 мая 1943 года. Здравствуйте, мои милые Люсенька, Фрида и Юрик.

Опиши мне, пожалуйста, внешность и поведение ребятшек, моих сыночков, дай подробную характеристику каждому. За последние три ночи подряд видел вас во сне».

«6 июня 1943 года. Ты пишешь, что все вы изменились внешне, а я-то уж тем более: не только волосы поседел, но и вся борода и усы начали седеть. Я и вообще очень изменился: раньше жил по принципу — быть всегда гуманным, честным, а теперь

убедился на горьком опыте, что, конечно, принципы эти святы, но быть простачками в наше время нельзя».

«9 июня 1943 года. Живу под плащ-палаткой, так как начались дожди. Но тепло, вокруг прекрасная природа, березовый лес, мы в Смоленской области».

«6 июля 1943 года. Милые мои сынишки, Фрида и Юрик! Мама пишет, конечно, о вас. Вот я и решил вам написать особо. Меня очень радует, что Юренька любит работать на торфе. Тебе, Юрик, за это от папы-красноармейца благодарность (так у нас выносят благодарности перед строем).

Фриденька, и ты молодец за то, что хорошо помогаешь маме, хорошо работаешь и отлично учишься.

Милые мои ребятенки! Фрида, выношу тебе красноармейскую благодарность за большую работу на огороде».

«31 июля 1943 года. Стоим все там же, но в скором будущем идем на передовую, и я посчитал своим долгом обеспечить вас на всякий случай справкой о том, что я красноармеец. Приберегите ее и берегите, как важный документ...».

«Это была последняя весточка от отца, — вспоминает Юрий Павлович Деменев. — Она пришла 13 августа 1943 года. Как правило, письма он писал часто: 2–4 письма в месяц. И вот все оборвалось. По истечении определенного времени и мама, и наша бабушка Надежда Евгеньевна начали искать мужа и сына. И только в марте 1944 года получили сообщение: «Деменев П. П. был ранен 17 октября 1943 года и эвакуирован в госпиталь на лечение. Для наведения справок о его местонахождении обратитесь в справочное бюро о раненых и больных. Лечебно-эвакуационное управление ГВСУ Красной Армии, гор. Москва, Варшавское шоссе, д. 9 а. Зам. начальника 4-го отдела/подпись».

29 июня 1944 года пришел ответ из справочного бюро, где было сказано, что данный товарищ не поступал ни в какой госпиталь. Пути поисков оборвались. И до сих пор мы не можем разгадать две загадки:

1. Последнее письмо Павла Петровича домой было написано 31 июля, а ранение, согласно документу, произошло 17 октября, то есть в течение двух с половиной месяцев почта молчала, хотя домой до этого приходило, как правило, от 2 до 4 писем в месяц. Это первая загадка.

2. В каком месте произошло ранение? Судя по письмам, часть, где служил отец, стояла в Смоленской области. Смоленск был освобожден 25 сентября, а сражение за город началось 4 августа. Вероятно, после освобождения города войска далеко

ЖДИ МЕНЯ

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.*

*Жди меня, и я вернусь,
Не жалея добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.*

*Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.*

К. Симонов

1941-1945

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

*На братских могилах
не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит
букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.*

*Здесь раньше вставала
земля на дыбы,
А нынче – гранитные плиты.
Здесь нет ни одной
персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.*

*А в Вечном огне
виден вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск
и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.*

*У братских могил
нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах
не ставят крестов,
Но разве от этого легче?*

В. Высоцкий

вперед не могли уйти, ведь нужна передышка, пополнение. Следующим крупным городом был Витебск, его освободили только 6 июня 1944 года. Невольно думаешь, что после ранения отца эвакуировали или пытались эвакуировать в Смоленск. А почему не довезли, по какой причине? Это вторая загадка.

Валентина Петровна всю дальнейшую жизнь ждала мужа — нашего с братом отца. Но больше никаких весточек не было. В те времена бывало всякое. Бойцы с очень тяжелым ранением, когда, скажем, лишались и рук, и ног, могли попасть в специальные интернаты, и некоторые раненые сами просили не сообщать родным, понимая, какая забота ожидает родственников. Бывало, попадали в плен по пути в госпиталь».

Что на самом деле произошло с красноармейцем Павлом Деменовым, история умалчивает. Но он навсегда остался в памяти своих коллег, родных и близких как умный, интеллигентный и тактичный педагог, верный и любящий супруг, мудрый и заботливый отец.

1941-1945

«Им выпало, двадцатилетним...»

В начале 1940/1941 учебного года спецшкола ВВС объявила набор в 10 класс. Спецшкола находилась в Свердловске по улице Малышева напротив Дома радио. Желающих оказалось много. Естественно, только лучшие из лучших могли рассчитывать на успех. Профессия летчика, тем более военного, ценилась очень высоко в то время. По Европе уже катились огненные валы войны. Многие молодые люди предвидели совершенно точно: воевать все равно придется, необходимо приобретать военную специальность.

Из поселка Медный Рудник четверо десятиклассников школы № 1, образно говоря, «легли на курс в небо»: Миша Пахорук, Боря Бабайлов, Володя Савиных и Вася Денисов.

В 1941 году будущие авиаторы окончили школу ВВС и получили направление в военное училище для продолжения службы по специальности. Для них открылся путь в небо. Но не для всех. Вася Денисов остался на земле: не прошел мандатную комиссию. Не помогли ни прекрасные характеристики, ни хорошие оценки, ни настойчивые просьбы. У Васи был репрессирован отец, и члены комиссии не сочли возможным доверить ему самолет.

Из воспоминаний А. Протасевича

«Смотрю на маленькую пожелтевшую фотографию школьных лет, где запечатлены участники летнего похода на озеро Шиты. Вася с карандашом в руке и картой-схемой на коленях разрабатывает дальнейший маршрут. Рядом лежит его ружье «Фроловка». Находимся где-то близко от заветной цели, но кругом болото. Наш командир похода изучает местность. Никто тогда не думал, что через пару лет карты будут настоящие, военные, оружие боевое, а позднее не будет в живых некоторых из нас, в том числе и командира Василия Денисова.

Вместо летнего училища направили Василия в Соликамское пехотное. Учиться он любил. Неинтересных наук для него просто не существовало. Любую дисциплину изучал глубоко и серьезно. Все это сказалось на том, что свежее испеченного лейтенанта не отправили на фронт, а оставили обучать последующие наборы курсантов. Потом способного грамотного командира направили на повышение — высшие стрелково-тактические курсы,

**ДЕНИСОВ
Василий
Никифорович**

(1923—6.10.1944)

**Старший лейтенант,
командир пулеметной роты
572-го стрелкового полка
233-й стрелковой дивизии**

1941-1945

* * *

*Им выпало, двадцатилетним —
Броне чужой наперевес
Шагнуть на рубеже последним
С винтовками наперевес.*

*И приняла в себя могила,
Разверзшаяся тяжело,
Все, что на свете с ними было,
И все, что быть еще могло.*

К. Ваншенкин

сокращенно — «Выстрел». Далеко не каждому выпадала честь постигать науки войны в таком учебном заведении — ускоренной академии. После окончания курсов Василий вновь стал преподавать, но упорно стремился на фронт. Однако рапорты оставались без ответов. Это было как раз в то время, о котором писал Константин Симонов: «Солдаты и командиры переднего края воевали с противником в среднем 8 суток, после чего бывали убиты, ранены, контужены или попадали в плен». Фронт требовал грамотных командиров взводов, рот, батальонов. Как раз тех, в подготовку которых вкладывал свои знания старший лейтенант Денисов».

Василий не унывал, но с сожалением писал своему другу на фронт: «Так ведь может война кончиться и без моего участия». Наконец, желание его было исполнено. Он стал командиром пулеметной роты 572-го стрелкового полка 233-й стрелковой дивизии.

Воевал Василий Денисов в составе 2-го Украинского фронта. После освобождения Правобережной Украины 233-я стрелковая дивизия до августа 1944 года находилась в обороне. 24 августа 1944 года дивизия вышла на реку Прут и преградила отход немцев в Румынию. Разгорелась жаркая битва. 22 дивизии немцев, не считая румын, были окружены в районе Кишинева. Минувя бессарабский город Комрад, полк повернул на запад, к голубому Дунаю. Слева остался древний Измаил, справа — река Прут и Кагульские степи. Форсировали Прут и вступили на румынскую землю. Двигались день и ночь к болгарской границе. В ночь на 9 сентября 1944 года войска вступили на землю Болгарии. Путь солдата шел через города Варну, Бургас и Айтоз. За 6 суток колонны прошли 600 км.

В октябре 1944 года советские войска двинулись на помощь союзной Югославии. Войска 3-го Украинского фронта, преодолев Восточно-Сербские горы, вышли к реке Морава и с ходу форсировали ее. До Белграда оставалось не более 60 км, но пробиться в город было чрезвычайно трудно. Путь преграждала естественная возвышенность — последний очаг сопротивления немцев на пути к столице.

19 октября войска 3-го Украинского фронта ликвидировали окруженную группировку противника юго-восточнее Белграда. Здесь во время взятия высоты, укрепленной немцами около хутора Ключовец, в ожесточенной схватке с фашистами и погиб наш земляк, командир пулеметной роты Василий Денисов.

1941-1945

Его оружие — винтовка, разящая врага, и труба, зовущая в бой

Иван Дорошенко. Ученик школы № 1 (1932–1940). Оценки хорошие и не очень. Радости и переживания поры ученичества. Рабочий шламового цеха ПМЭЗ и одновременно учащийся техникума («Мама, тебе трудно нас учить, вот я буду и учиться, и работать, и помогать семье»).

Вспоминает А. Протасевич, друг и одноклассник Ивана Дорошенко

«Был Иван видным парнем. Ну, взять хотя бы летние купания. Даже среди опытных пловцов редко находились смельчаки плыть с одного пляжа на другой — с Глубокого на Мелкое — или отправиться вплавь за лилиями. Загорелого мускулистого крепыша можно было видеть и на Васильевском озере, где решались на купание только отдельные смельчаки. Водоем весь был затянут в какие-то воронки, омуты, водовороты — озеро хранило тайны и легенды.

Когда я слушаю духовой оркестр, в котором выделяется звучный, красивый тембр трубы, я всегда вспоминаю Ваню Дорошенко. Как известно, душой духового оркестра, главными солирующими инструментами являются трубы. А первым трубачом был Ваня Дорошенко. Он и в жизни обыденной стремился быть первым среди парней поселка. Среднего роста, крепкий, коренастый, смелый, очень неглупый, знающий себе цену паренек. Любил читать исторические и приключенческие романы. Джек Лондон, Жюль Верн, Майн Рид, Гайдар, Фурманов, Николай Островский были его любимыми писателями. Я помню, с какой живостью, увлеченно рассказывал он нам содержание книги «Князь Серебряный». Таким запомнился мне Ваня».

1941 год. Война. «Если завтра война, если завтра в поход. Если темные силы нагрянут», — пели вчерашние школьники на комсомольских собраниях. И вот они эти темные силы. Гитлеровские полчища топчут русскую землю. Иван Дорошенко в октябре 1941 года уходит добровольцем на фронт.

В эшелоне, который вез поселковых ребят на север страны (как позднее выяснится — на Волховский фронт), были

ДОРОШЕНКО Иван Степанович

(1923–1943)

Старший сержант
171-го гаубичного
стрелкового полка
1-й гаубичной стрелковой
дивизии

1941-1945

вместе с обороняющимися солдатами. Наш командир крикнул: «За мной, в атаку!» И с криками «Ура!» мы бросились в сторону домиков на окраине города. То, что случилось дальше, я видел только в кино. Из хат прямо в нижнем белье выскакивали немцы. Другие на ходу натягивали на себя шинель или куртку, а то и просто одеяло или простыни. Все они были в панике. И здесь мы их просто добивали.

В тот день окраина города Тихвина была очищена нами от фашистов, а вот дальнейшее наше продвижение было остановлено танками и огнем из минометов. Вскоре немцы начали эвакуацию своих войск. У нас же не было танков и пушек, нам помогли тогда родная русская зима и глубокий снег, в котором тонули пушки, автомашины, повозки. При бегстве гитлеровские вояки бросали оружие, танки, автомашины, повозки, награбленное у советских людей имущество.

Вся дорога от Тихвина до реки Волхов была усыпана разным хламом. Оставшиеся в живых, перейдя реку Волхов, закрепились на противоположном берегу, окопав танки, пушки и минометы. Широкая гладь реки и сильная оборона немцев остановили наше продвижение».

По официальным источникам, 28 октября 1941 года, когда уральские и сибирские дивизии прибыли на Калининский фронт, войска противника подошли к Волхову на расстояние 3–5 км. В ноябре началась Тихвинская наступательная операция войск 54-й армии Ленинградского фронта, 4-й и 52-й отдельных армий (17 декабря они были объединены в Волховский фронт, генерал армии К. А. Мерецков), продолжавшаяся до начала 1942 года. В январе 1942 года войска Волховского фронта перешли в наступление в направлении Киришей, Тосно, Новгорода. Шли ожесточенные бои.

По-видимому, во время этого наступления и был ранен Иван Дорошенко. Сколько атак пришлось выдержать молодому солдату? Сказать, что это суровое испытание — значит не сказать ничего: ходить в атаку под секущим шквалом пулеметного огня, через ураганный огонь минометов и артиллерии. Подняться в рост, когда смертельным металлом пронизан воздух... В одном из таких боев Иван был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Сначала в город Иванов, а потом в Кыштым. Лечился долго. После был направлен в полковую школу города Тюмени, где проучился 3 месяца.

Шел июль 1943 года. Фронту нужны были новые силы. На Урале формировался УДТК, и Иван подал заявление о добровольном зачислении его в танковый корпус. И вот он старший

сержант (в школьном музее сохранилась справка, выданная родителям, удостоверяющая его принадлежность к танковому корпусу). Однако уже в сентябре 1943 года на улице Красных Партизан в дом № 32 поселка Медный Рудник пришла трагическая весть — похоронка:

«Ваш сын Дорошенко Иван Степанович, 1923 года рождения, пал смертью храбрых, защищая Социалистическое Отечество».

Таким коротким, но переполненным душевными и физическими страданиями был боевой путь нашего ученика Ивана Дорошенко. За 2 года войны он, 18-летний парень, испытал столько, сколько не под силу пережить порой за целую жизнь. «Это, — как говорил поэт-фронтовик Ю. Левитанский, — как бы спрессованный воедино опыт прожитых тобою множества жизней, нечеловеческих напряжений и просто прожитых лично тобою не только чужих, но и своих же собственных смертей».

«...Он погиб в неполных 20 лет. Оружием его была винтовка, рязящая врага, и труба, зовущая в бой...» (А. Протасевич).

КАЗАНЦЕВ Александр Николаевич

(1920—1942)

Красноармеец

Убит в первом бою

Александр Казанцев окончил школу № 1 поселка Медный Рудник. Учился на отлично, дружил со своими одноклассниками. После школы поступил в институт, но со второго курса был направлен в регулярную армию. Сначала 9-месячная полковая школа — и сразу на фронт — под Ржев, на передовую. В своем письме родителям Саша писал: «Жив, здоров и завтра иду в бой». Здесь, под Ржевом, в первом же бою Александр погиб.

В доступных архивах не удалось найти никаких документов и достоверных сведений о судьбе красноармейца Александра Казанцева. Информацию о гибели бойца передал в школьный музей в конце 60-х годов Федор Андреевич Казанцев, дядя Александра.

О трагической судьбе солдат, сражавшихся на Ржевском направлении, с болью и состраданием рассказывает военная переводчица, участница боев под Ржевом Елена Ржевская (Коган) в своей книге «Берлин, май 1945»:

«Поле, наперерез дороги, двигалась маршевая рота — молоденькие новобранцы с полной выкладкой, в серых от пыли ботинках и обмотках. Зеленые ветки, затолкнутые концами за скатку шинели, колыхались над их головами. Маскировка. Уповая на эту веточку, они смело брели по распаханным войной полям» (рассказ «Дождь»).

«Поле кончилось. Навстречу нам из рощи вышли двое раненых. Один из них, с бурым намокшим бинтом на голове, без пилотки, в расквашенной дождем, не подпоясанной шинели, волок прикладами по земле две винтовки, свою и товарища, зажав дула под мышками. Он обшарил нас белесыми, невидящими глазами, не ища ниоткуда помощи. Постоял, пригнулся, взвалил на спину винтовки и, шатаясь, потащился по раскисшему полю впереди товарища.

Мы обогнули рощу, и за ней открылся вид на деревню Волюково. Трубы. Одни трубы, остатки сгоревших жилищ, черные от огня. Где-то здесь, под землей, расположилась наша разведгруппа. Мы пришли» (рассказ «Дождь»).

«В город Красный немцы согнали раненых и больных пленных, непригодных к труду. Слышно стало по деревням: можно идти в лагерь, отыскивать своих мужей.

1941-1945

На школьном дворе, обнесенном колючей проволокой, Дарья шла за женщинами от одного лежащего на земле пленного к другому. Шла, торопясь, дальше, за дом, где, сбившись в кучу, заслонялись от ветра все, кто мог дойти, доползти туда. Плохо сознавая, что делает, Дарья с трудом развязала узелок и, не глядя на лица пленных, раздала принесенную картошку, капусту и уже направлялась к выходу, когда начали подниматься с земли пленные. «Возьми! Я дойду!» — сказал один. Не помня себя от горя, Дарья не нашлась, что сказать, и пленный оперся о ее руку и прикрыл лицо пилоткой» (рассказ «Зятки»).

«За обуглившимися деревьями, за землей, вспаханной снарядами, — Ржев. Вот он — рукой подать. Десять месяцев город у немцев. Бессменная виселица возле Грацинского. Немцы вламываются в дома, рвут изо рта последний кусок. Голод. Люди едят толченые листья акаций, варят суп из старых кожаных ремней.

Где была раньше столовая — теперь гестапо, где склады железной дороги — лагерь военнопленных. Идет бой. Наши самолеты сбрасывают на город бомбы, бьют снарядами: метят в немцев, отскакивает и в своих. Не жить, не умереть — сгинуть. Когда-то был Ржев. Теперь укрепленный врагом пункт, «неприступная линия фюрера», плацдарм, с которого немцы еще раз намереваются двинуться на Москву.

От нашего переднего края до Ржева остались метры. Немец не сдаст, и мы не отступимся» (рассказ «Второй эшелон»).

«Почти до самого вечера я дождалась разведчиков. Удачи им не было и на сей раз. В немецкую траншею они ворвались, но были встречены в упор огнем и отошли, захватив документы убитого фельдфебеля. Среди документов — приказ по войскам: «Солдаты заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые могут быть использованы для стоянок воинских частей. Никакие исторические и художественные ценности не имеют значения» (рассказ «Второй эшелон»).

Историческая справка.

Ржевско-Зубцовская операция

Ржевская битва — условное понятие, объединяющее четыре отдельные наступательные операции, проводимые войсками Западного и Калининского фронтов. Уральские дивизии сражались против группы армий «Центр». Ржевско-Сычевская и Ржевско-Вяземская операции проходили с 8 января 1942 года

ОКРУЖЕНИЕ

*Каждый патрон на счету,
Где тут до действий активных!
Сбившихся рот нищету
Опытный чует противник.*

*Средь перелесков сквозных,
Видимый ясно сквозь них,
Наш батальон отступает,
Враг нас огнем осыпает.*

*С треском от гладких стволов
Пули идут рикошетом.
Молча, без стонов и слов,
Падает взводный с планшетом.*

*Противотанковым рвом
Пересеченное поле,
Где мы кольцо разорвем,
Там, за осинником что ли!*

*Зря ль поднимались во мгле?
Зря ль на ученьях потели?
Но, чтобы жить на земле,
Необходимы потери,
Неотвратимы потери.*

*Вас у себя отобрать,
В кратком расстаться полете,
Раз навсегда отодрать
С кровью от сердца, от плоти!*

К. Ваншенкин

1941-1945

* * *

*Безымянное поле...
Здесь им насмерть стоять!
И солдатская доля —
За других умирать...*

*Не на русском погосте
Ждал их вечный покой —
В чистом полюшке кости
Моей дождик косой.*

*Без имен и без званий,
Без военных наград
Наши русские парни
Здесь полвека лежат.*

*Защитили Россию,
А себя — не смогли...
Поклонитесь, живые,
Им до самой земли.*

*Нет у нас оправдания,
И вина велика...
Сберегите их память
Для людей на века!*

К. Киселева,
ветеран 75-й дивизии ПВО

по 31 марта 1943 года. Наступательные операции советских войск в районе Ржевского выступа были объединены единым замыслом и взаимосвязаны по целям и задачам — нанести поражение основным силам немецкой группы армий «Центр» в районе Ржев — Вязьма, освободить населенные пункты Ржев, Сычевка, Вязьма и другие и тем самым ликвидировать Ржевский выступ.

В течение 15 месяцев советскими войсками одна за другой были проведены четыре крупные наступательные операции, общей продолжительностью восемь месяцев.

Соседние города и деревни были почти полностью разрушены. В результате боевых действий за 17 месяцев оккупации Ржев был разрушен до основания. Из 20 тысяч человек, оказавшихся в оккупации, в день освобождения — 3 марта 1943 года — осталось 150 человек, а вместе с районом — 362. Из 5443 жилых домов Ржева уцелело лишь 297. Общий материальный ущерб, нанесенный городу и району в ходе боевых действий, по определению Чрезвычайной государственной комиссии, составил полтора миллиарда рублей.

В памяти советских солдат Ржевская битва («Ржевская дуга») навсегда осталась одним из жесточайших сражений Великой Отечественной войны, мясорубкой, «прорвой». Немецкие ветераны также с ужасом вспоминают бои в «большом пространстве Ржева».

По официальным советским данным, 433 тысячи человек были убиты. Общие потери — более 1,5 миллиона человек.

1941-1945

Еще до войны

Павел Катаев был призван в армию на действительную службу 16 сентября 1940 года. В тот год многие ребята из поселка Медный Рудник начинали свою службу на Дальнем Востоке. Павел, согласно справке, выданной воинской частью п/я 481, также был направлен в дальневосточные края, служил морским пехотинцем на Амуре.

16 июня 1941 года Павел писал в своем письме:

«Жить мы будем в лагерях до ноября месяца. Погода у нас стоит хорошая. Цветут яблони, груши. На берегу много пионеров. Играют, а мы «драим» палубу своих катеров. Сегодня выходной день. Хотели сдавать нормы на значок ГТО, но ночью лил дождь, и сейчас — грязь. Вчера вечером смотрели кинокартину «Макар Нечай». Картина ничего, можно смотреть. Сейчас займусь оборудованием своей койки: обобью досками, чтобы красивее было, а потом пойду на берег на спортплощадку. Плохо, что нет фотографии, а то бы послал вам фото. Вот перейдем на зимние квартиры, и сфотографируюсь.

Сообщаю вам, что ваше письмо получил, которое было написано в лагерь. Из него я понял, что все мои письма вы получили.

Пока, до свидания. Ваш сын Павлик. Крепко целую».

Письмо было написано за 6 дней до начала войны. Больше семья Катаевых никаких известий о сыне не получала. По данным архивов, Павел Катаев погиб в 1941 году.

Из воспоминаний А. И. Березиной, преподавателя химии и биологии средней школы № 1 (1970 год)

«Прошло более 25 лет. Тогда я учила героев, погибших в борьбе за родину в Великой Отечественной войне. Забыть этих молодых, крепких, жизнерадостных, здоровых юношей нельзя. Они встают у меня перед глазами такими, какими они сидели за партами.

Павлик Катаев — бойкий, живой, общительный, оченьмышленый паренек, хороший товарищ. Он как-то особенно мягко и тепло относился к товарищам».

КАТАЕВ
Павел
Михайлович

(1920—1941)

Красноармеец

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Дымилась роща под горою,
 И вместе с ней горел закат...
 Нас оставалось только трое
 Из восемнадцати ребят.
 Как много их, друзей хороших,
 Лежать осталось в темноте —
 У незнакомого поселка,
 На безымянной высоте.
 Светилась, падая, ракета,
 Как догоревшая звезда.
 Кто хоть однажды видел это,
 Тот не забудет никогда.
 Он не забудет, не забудет
 Атаки яростные те —
 У незнакомого поселка,
 На безымянной высоте.
 Над нами «мессеры» кружили,
 И было видно словно днем.
 Но только крепче мы дружили
 Под перекрестным артогнем.
 И как бы трудно ни бывало,
 Ты верен был своей мечте —
 У незнакомого поселка,
 На безымянной высоте.
 Мне часто снятся все ребята —
 Друзья моих военных дней,
 Землянка наша в три наката,
 Сосна, сгоревшая над ней.
 Как будто вновь я вместе с ними
 Стою на огненной черте —
 У незнакомого поселка,
 На безымянной высоте.

М. Матусовский

Из воспоминаний В. Н. Жирякова

«Мы, морские пехотинцы из отдельного морского батальона 84-й Амурской Краснознаменной бригады морской пехоты, прибыли с Амура под Смоленск 10 июля, когда враг уже вышел к Днепру. В составе 127-й стрелковой дивизии 10 июля сразу же вступили в бой.

В те дни мы непрерывно отражали атаки гитлеровской мотострелковой пехоты и танков. Нередко на наши позиции наступало по 25–30 танков, а с воздуха нас атаковали «хейнкели» и «юнкерсы».

Мы имели только легкое стрелковое оружие и бутылки с зажигательной смесью. Правда, нам хорошо помогали 45-миллиметровые противотанковые пушки. Когда танки врага вплотную приближались к нашим окопам, в ход шли бутылки...».

«В середине декабря 1941 года мы, моряки с Амура, вместе с танковыми бригадами четверо суток вели бои за Белый Растр. Был применен танковый десант. На броне танков в трескучий декабрьский мороз мы ворвались в райцентр Белый Растр, и дерзкой атакой были уничтожены 6 батальонов фашистской пехоты».

Официальные документальные данные из книги «1418 дней войны»

В ходе битвы за Смоленск для ликвидации создавшегося опасного положения Ставка решила передать командующему Западным фронтом маршалу С. К. Тимошенко 20 стрелковых дивизий из Фронта резервных армий.

Маршал С. К. Тимошенко по указанию Ставки поставил этим группам задачу — нанести контрудары из района Белый — Ярцево — Рославль в общем направлении на Смоленск, ликвидировать прорвавшиеся войска противника и соединиться с основными силами войск фронта, упорно дравшимися в окружении в районе Смоленска.

Во второй половине июля бои в районе Смоленска и восточнее его приобрели крайне ожесточенный характер.

23 июля началось наступление войск 28-й армейской группы из района Рославля, а 24 и 25 июля — группы войск 30-й и 24-й армий под командованием генерала К. К. Рокоссовского из района Белый — Ярцево. Противник сразу же подтянул в район Смоленска дополнительные силы и пытался здесь разгромить окруженные войска 16-й и 20-й армий Западного фрон-

та. Сражение носило крайне ожесточенный характер. 26 июля при помощи войск группы К. К. Рокоссовского, в составе которой были и танковые части, большинству частей 16-й и 20-й армий удалось с боями вырваться из окружения южнее Ярцево и выйти на восточный берег Днепра, где они соединились с главными силами фронта и перешли к обороне.

Против армейской группы В. Я. Качалова, состоящей из трех дивизий и двигавшейся из района Рославля на Смоленск, противник бросил группу войск в составе 9 дивизий. В их числе был один мотокорпус. Противник с ходу захватил Рославль и окружил группу В. Я. Качалова.

Силы и здесь были далеко не равными. Группа Качалова оказалась в тяжелом положении, немногим удалось отойти и соединиться со своими. В этих сражениях пал смертью героя командующий группой генерал В. Я. Качалов.

46-й мотокорпус противника захватил Ельню и пытался развить удар на Дорогобуж, но был остановлен 24-й армией Резервного фронта.

Смоленское сражение занимает важное место в операциях лета 1941 года. Хотя разгромить противника, как это планировала Ставка, не удалось, но его ударные группировки были сильно измотаны и ослаблены. По признанию немецких генералов, в Смоленском сражении гитлеровцы потеряли 250 тысяч солдат и офицеров.

В ходе Смоленского сражения войска Красной армии, жители города и его окрестностей проявляли величайшую стойкость. Ожесточенная борьба шла за каждый дом и улицу, за каждый населенный пункт. Задержка вражеского наступления в районе Смоленска явилась крупным стратегическим успехом. В результате его мы выиграли время для подготовки стратегических резервов и проведения оборонительных мероприятий на московском направлении. Здесь 14 июля 1941 года в боях под Оршей батарея капитана И. А. Флерова впервые применила установки реактивных минометов — легендарные «катюши».

ПАМЯТЬ О ПОЛКОВОЙ РАЗВЕДКЕ

*Вот и выдан маскхалат
Старшиною:
Новогодний маскарад,
Снег стеною.*

*На себе свое вези
Зыбкой тенью.
И растаяли вблизи
За метелью.*

*То ли холмик, то ли дзот
За нейтралкой...
Мы их ждем. Но что их ждет
В жизни краткой?*

*В белой взвившейся пыли,
Жгущей веки?..
И растаяли вдали.
И — навеки.*

К. Ваншенкин

1941-1945

КАЦУК Иван Петрович

(1905—1944)

Старший сержант,
командир взвода разведчиков

Наш классный руководитель

Павел Петрович Кацук — учитель физики школы № 1, строгий, но справедливый наставник. О нем с любовью и благодарностью вспоминают его ученики.

«Если бы не он, я бы не закончила 10 классов, — рассказывает П. Изюмова, — так как за обучение надо было платить, а у меня не было денег. Иван Петрович сказал мне: «Ничего, учишь, когда-нибудь отдашь...».

Ушел на фронт наш выпускной класс 1941 года. А в 1942 году ушел на войну и наш классный руководитель Иван Петрович Кацук. Был командиром взвода разведчиков. Часто вел беседы с бойцами в минуты отдыха, и все солдаты любили его слушать.

У деревеньки Вахто под Ржевом он погиб. Тело его, чтобы не надругались враги, товарищи вынесли с поля боя и похоронили с почестями. Убит он был в три часа утра февральским утром 1944 года, когда группа возвращалась из поиска. Похоронен в селе Седловец Ржевского района».

Из воспоминаний А. Протасевича

«Иван Петрович Кацук. Невысокого роста, толстенький, розовощекий, он вел у нас физику и одновременно был классным руководителем, нашим «гувернером»: «Не докучал моралью строгой, слегка за шалости бранил», но за неуды спрашивал очень строго».

Классный руководитель Иван Петрович Кацук уделял очень большое внимание своим воспитанникам. Сохранились школьные фотографии его класса. На одной — ребята-семиклассники отдыхают вместе на озере Балтым, на другой — во время спортивных мероприятий, на третьей — в походах...

Ушел Иван Петрович на фронт одновременно с преподавателем истории П. П. Деменевым. Ехали в одном вагоне, были в одном взводе и отделении. Их эшелон шел в Ленинградском направлении, на Западный фронт.

Из воспоминаний П. П. Деменева

«Едем в пульмановском вагоне с трехэтажными нарами по 8 человек на полке, читаем вслух газеты, военные, художественные брошюры. Читает И. П. Кацук, он у нас агитатор...

1941-1945

От Бологого едем, скорее всего, к Осташково. Здесь дыхание войны: окна без стекол, разрушены стены и крыши, а где-то одни трубы торчат, часто воздушные тревоги и воронки вдоль железной дороги метров 5 и даже 10 в диаметре.

Навстречу нам иногда попадают поезда с ранеными бойцами, на смену которым мы едем.

26 мая 1942 года. Совершаем более чем 250-километровый пеший переход. Дойдя до города Осташково, дневали и получили продукты на следующий этап пути, на 5 дней. Сами готовим обед на привалах. У нас все продукты с Кацуком на пару. Ежедневно слышна артиллерийская и минометная канонады. Иногда пулеметная стрельба. Чаще всего идем ночами. 30 мая наш пеший марш закончился. При разбивке по частям я зачислен в химическое подразделение, а И. П. Кацук назначен писарем в учебный батальон нашей дивизии, так что мы с ним на всякий случай попрощались».

* * *

*И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить —
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть.*

*Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,
Как говорится, —
Можно жить
И можно умирать.*

А. Твардовский

КОЗЛОВ Виталий Васильевич

(1918—1942/43)

Лейтенант,
штурман 1-го дивизионного
катера-тральщика
Краснознаменного
Балтийского флота

Морской офицер

О Виталии Козлове в школьном музее сохранились противоречивые данные. По сведениям архивов, «Козлов Виталий Васильевич родился в 1918 году в городе Ирбите Свердловской области. Лейтенант, штурман 1-го дивизионного катера-тральщика Краснознаменного Балтийского флота. Охранял воды в районе Ленинграда. Был ранен и доставлен в эвакогоспиталь 3519 в Тюмени. Умер 20.10.1942 года. Диагноз: левосторонний туберкулез легкого. Похоронен КУ № 0360».

А вот воспоминания, записанные со слов матери еще в 60-е годы:

«Родился в Ирбите в 1918 году. 10 классов закончил в 1940 году. Был веселым, находчивым. Любил спорт. Имел значок ГТО и значок «Ворошиловский стрелок». Любил играть в волейбол. Уважал учителей. Любимая учительница была Ольга Александровна Ливанова. Очень любил военное дело и особенно морское. В армии служил моряком-подводником».

Воспоминания Полины Федоровны Верещагиной, первой пионервожатой школы № 1

«Учился Виталий в школе № 1. Был серьезным, скромным, застенчивым, высоким, плечистым. Очень хорошо рисовал, оформлял стенные газеты, они у него получались очень яркие и красивые. Любил музыку (играл на пианино и в духовом оркестре). Хороший физкультурник и футболист, ходил на лыжах. Учился хорошо и писал очень интересные сочинения (особенно замечательно было из «Грозы» Островского). Помогал товарищам как в учебе, так и в беде. После 10-го класса поступил в Севастопольское морское училище. Там его и застала война. Умер он в Свердловском госпитале от тяжелых ранений в 1943 году. Приезжала медсестра и привезла матери его одежду».

Совпадает дата и место рождения и то, что Виталий Васильевич лечился в госпитале. Но у П. Ф. Верещагиной — госпиталь в Свердловске, а по данным электронного архива «Мемориал» — в Тюмени. Различается и время смерти. Возможно, допущены серьезные неточности в записях учеников.

Из устных пересказов бывших учеников того периода известно, что еще до войны Виталий учился в морском училище

1941-1945

города Севастополя вместе со своим одноклассником и другом Николаем Огарковым. Судьба Огаркова неизвестна, его биографических данных нет даже в электронном архиве «Мемориал» (www.obd-memorial.ru).

* * *

*Медлить больше нельзя:
мины рвутся у ног.
Не поднимемся — все здесь погибнем...
И встаем, чтобы сделать
последний бросок
Под железным бушующим ливнем.*

*Полосуют осколки
раскромсанный грунт.
И окрестности в дыме
разрывов померкли.
Лишь вдали населенный
виднеется пункт
С голубой колокольной
дряхлющей церкви.*

*И как будто меж жизнью и тем,
что есть выше,
И разверстой пред нами
грохочущей бездной
Зеленеют ее обветшалые крыши,
И блестят купола позолотой облезлой.*

Ю. Белаш

КОРОБКОВ
Борис
Геннадьевич

(1925—1945)

Гвардии рядовой
96-го гвардейского
стрелкового полка

Солдат. Мальчишка. Новичок

Борис Коробков был призван в армию в 1944 году. Воевал на территории Латвии. В бою за освобождение от фашистов деревни Яунземби в Ауценском районе Борис был тяжело ранен в живот и доставлен в 371-й отдельный медицинский санитарный батальон 24 марта 1945 года. Умер через три дня, 27 марта 1945 года и похоронен возле леса на расстоянии 1 км западнее деревни Яунземби Ауценского района Латвийской ССР, братская могила № 1.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ГОДА РОЖДЕНИЯ

*Вчера мы писали диктанты,
Чертили на досках круги,
А утром уже интенданты
Нам выдали сапоги.
В широкой армейской шинели
Мы ростом казались малы,
Мы песни залиvisto пели,
Скребли, провинившись, полы,
Когда же, идя на ученья,
Мы путали ногу подчас:
— Двадцать пятого года рожденья! —
С усмешкой кивали на нас.
Но фронт наступил! Мы мужали
В сражениях день ото дня,
С соседом до битвы сдружаясь,
Друзей после битв хороня.
Орудия, танки, повозки
Гремели по городам,
И пели по-чешски и польски
Веселые девушки нам.
А в час, когда звезды студены,
Над онемевшей рекой
Немецкие аккордеоны
Рыдали рязанской тоской.*

Е. Винокуров

1941-1945

За стойкость и мужество

Семья Курмачевых жила в доме № 15 по улице Октябрьской, позднее отец построил маленький домик в районе рудника. Учился Виктор в школе № 1 с первого класса по шестой, а потом поступил в только что открытое в Свердловске ремесленное училище. Вместе с братом Александром участвовал в художественной самодеятельности клуба «Цветмет», играл в струнном оркестре на домре. Летом увлекался рыбалкой, футболом, плаванием, зимой — коньками и лыжами. Привлекали Виктора и военные игры. Смастерит, бывало, пулемет с трещоткой, наберет ватагу ребят и хороводит ею. В играх он постоянно был командиром, сверстники слушались его беспрекословно.

«У Виктора был очень спокойный характер. Его отличали выдержанность, корректность в обращении с товарищами! Он никогда не зазнавался», — отмечает его брат Александр Константинович Курмачев.

Семья Курмачевых, как, впрочем, и многие наши семьи в те трудные тридцатые годы, жила очень тяжело. Отец работал конюхом на конном дворе рудника, мама — санитаркой в больнице. Семья большая, постоянно не хватало средств. Все это, может быть, сказалось на отношении детей (а их в семье было много) к людям, к жизни. Дети во всем старались помочь родителям, не огорчать их. О том, чтобы ребята курили, и речи не было. И сыновья росли крепкими, здоровыми. Помогали и занятия спортом. Виктор зимой постоянно катался на лыжах на Маниной горе, здесь же проводил время и летом. Рыбачить ходил на Балтым. Купались на Ключах, на разрезах за обогатительной фабрикой, но чаще всего на Балтыме. После окончания ремесленного училища Виктор работал сантехником.

Началась война. Просился Виктор добровольцем. Не взяли. Но вскоре призвали и отправили на Дальний Восток. Месяца четыре служил на подводной лодке, а в сентябре 1941 года Виктора направили в Шуйское военное училище. Два года прошли в напряженной учебе. Виктор уже опасаться начал, как бы там без него война не закончилась. Но войны хватило и на него, даже с избытком. 30 ноября 1943 года Виктор писал из училища:

КУРМАЧЕВ Виктор Константинович

(1922—1944)

Лейтенант,
комсорг 1193-го
стрелкового полка
360-й Невельской дивизии
4-й ударной армии
1-го Прибалтийского фронта

Награжден орденом
Красной Звезды,
орденом Отечественной
войны II степени

1941-1945

«Дорогие родители!

Сообщаю вам, что учебу свою закончил на «отлично» и «хорошо» и выпущен в звании лейтенанта. Сегодня у нас выпускной вечер. А в ближайшие дни отправляемся на фронт. Обо мне не беспокойтесь. Поеду судьбу свою еще раз решать до полного разгрома немецких захватчиков».

Попал Виктор в Белоруссию в состав 1193-го стрелкового полка 360-й Невельской стрелковой дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. Принимал участие в боях у городов Великие Луки и Полоцка, в освобождении города Даугавпилс, в наступлении на Ригу.

За бои под городом Великие Луки в феврале 1944 года Виктор был награжден орденом Красной Звезды. 18 июня 1944 года, в день получения первого ордена, он написал своему брату Аркадию:

«У меня очень много комсомольцев. Правда, молодые, необстрелянные, но думаю, что воевать будут хорошо».

В августе 1944 года за бои на Западной Двине 1193-му стрелковому полку, в котором

служил Виктор, было присвоено наименование «Двинский», и об этом он с гордостью пишет 4 августа 1944 года в Верхнюю Пышму:

«Мама! Сообщаю, что я жив и здоров. Успешно двигаемся вперед. Уже две благодарности получил от Верховного Главного командующего, и это для нас большая радость. Сегодня у нас затишь, и я пишу вам письмо. Могу еще сообщить вам, что представлен ко второму ордену — ордену Отечественной войны II степени (орден Виктор получил 9 сентября 1944 года).

Комсомольцы мои дерутся, как львы. И в этом есть и моя заслуга. А где нужно быть впереди, там и я появляюсь. То и дело то ползешь, то лежишь, то бежишь. Так и посидеть недолго. А солдатами своими я очень доволен... В Западной Двине мы много фрицев потопили».

Но не все было так спокойно, как об этом писал Виктор. В начале октября при взрыве вражеского снаряда Виктор был оглушен, контужен и засыпан землей. Несколько дней провел в госпитале. В письме от 10 октября 1944 года об этом несколько строк:

«Думал, что достанется сильнее, но мне повезло... Судьба моя еще впереди».

В ноябре 1944 года войска 4-й ударной армии, в рядах которой находился старший лейтенант Курмачев, сражались за освобождение западной части Латвии, при ликвидации Курляндской группировки противника.

В письме от 15 ноября 1944 года Виктор написал:

«Задача наша состоит в том, чтобы еще раз ударить по врагу и добить, добить его... Работа моя все с молодежью. А молодежь, если ее нацелить правильно, она очень хорошо действует. И я своими солдатами очень доволен. ...Посылаю фотографию. Она неважная, но возможность сняться лучше будет только в Берлине. Тогда и вышлю».

Но это письмо Виктора Курмачева было последним. 27 декабря 1944 года командование полка направило матери Виктора Екатерине Ивановне Курмачевой письмо следующего содержания:

«Уважаемая Екатерина Ивановна!

С чувством огромного сожаления вынужден сообщить вам печальную весть о смерти вашего сына Виктора, последовавшей 22 декабря сего года. Сообщаю вам некоторые подробности.

1941-1945

Находясь в боевых порядках пехоты на одном из рубежей, по личной инициативе Виктор организовал отражение контратаки противника; своей храбростью и стойкостью способствовал удержанию важного рубежа. Здесь же вражеской пулей и был убит.

Мы не собираемся вас успокаивать, уважаемая Екатерина Ивановна, ибо нам понятно горе матери и, естественно, трудно найти слова утешения, потеряв такого сына, как ваш Виктор. Вместе с вами не в меньшей мере тяжела утрата и для нас — его боевых товарищей. В течение долгого времени мы делили со-обща и радость, и трудность наших фронтовых будней.

Ваша утрата — наша утрата. Самой лучшей памятью о нем является наше мщение ненавистному врагу. За смерть Виктора враг немало пролил уже крови в последних боях. Самым лучшим утешением для всех нас и для вас — матери является тот факт, что погиб Виктор смертью героя в борьбе за наше справедливое дело. И вы, Екатерина Ивановна, должны гордиться таким сыном, воспитав его воином-большевиком.

С глубоким уважением к вам
майор Давидович, капитан Власюк».

А в феврале 1945 года Екатерина Ивановна вместе с личными вещами Виктора получила орден Отечественной войны II степени и письмо от начальника штаба полка:

«Уважаемая Екатерина Ивановна!

Высылаю вам орден вашего сына, старшего лейтенанта Курмачева Виктора Константиновича, геройски погибшего в бою с немецкими захватчиками за свободу и независимость нашей Родины, как память о нем и Великой Отечественной войне...

Начальник штаба майор Асанов.

10 февраля 1945 года».

Этот орден — единственное, что осталось от сына Виктора, Екатерина Ивановна хранит, как святыню. Когда поблизости никого нет, развернет она красную тряпочку, в которую завернут заветный орден, и целует, целует холодный металл, тем самым отдавая дань так рано ушедшему из жизни сыну Виктору.

Так жил, сражался и погиб наш земляк, ученик нашей школы Виктор Константинович Курмачев.

В том, что Виктор вырос настоящим патриотом, заслуга учителей школы № 1: классного руководителя Анны Ивановны Березиной, учителя географии Валентины Петровны Деменевой, математика Вассы Дмитриевны Ретневой и многих, многих других.

СОРОКОВЫЕ

*Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.*

*Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...*

*А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.*

*Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.*

*И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.*

*Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..*

*Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!*

Д. Самойлов

1941-1945

ГОД 41-Й – ГОД 45-Й...

*И в сорок первом,
И в сорок пятом
Война мальчишек
Брала в солдаты,*

*Ломала судьбы,
Они так хрупки,
Людей крошила,
Как в мясорубке.*

*Творила беды
Война-злодейка,
Там пуля-дура,
А жизнь-копейка.*

*Не каждый воин
Победу встретил.
Им так хотелось
Пожить на свете.*

*Остались лица
На желтых фото,
Читает память
Их письма с фронта.*

*Большому горю
Какая мера,
Год сорок пятый –
Год сорок первый?*

К. Вуколов

Виктор Константинович Курмачев — славный сын советского народа, один из тех, кем во все времена должна гордиться Верхняя Пышма.

Из наградного листа на комсорга стрелкового полка Виктора Курмачева

«В освободительных боях на севере Белоруссии отличился верхнепышминец, бывший ученик средней школы № 1 города Верхней Пышмы лейтенант Виктор Константинович Курмачев, комсорг 1193-го стрелкового полка 360-й Невельской дивизии 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта. Поднимая своих ребят в атаку в декабре 1944 года, Курмачев был убит пулей гитлеровца. Виктор Курмачев награжден орденом Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени».

Записи в представлениях к награждениям

«Тов. Курмачев перед боевой операцией по прорыву обороны противника в районе деревни Тихоново 29.04.1944 года провел большую политико-воспитательную работу среди комсомольцев в подразделениях полка. Слаженный коллектив комсомольцев, их действия обеспечили успех в прорыве сильно укрепленной обороны и уничтожении опорных пунктов врага...».

«За период боевых действий с 23 июня по 29 июля 1944 года при освобождении городов Полоцка, Дриссы, Краславля т. Курмачев принимал активное участие в отражении контратак противника, где лично руководил расстановкой огневых средств. 27.07.1944 года в районе деревни Юзефово на подступах к городу Двинску возглавил группу бойцов и автоматчиков, которые овладели домами и прочно удерживали их до подхода наших частей. На всем протяжении боевых действий Курмачев находился в первых рядах и своим личным примером воодушевлял бойцов и офицеров на героические подвиги в борьбе с врагом. Проявлял при этом стойкость и мужество и награжден орденом Красной Звезды».

1941-1945

Первый день войны

Ростислав родился 2 мая 1920 года в городе Уфе. В школе № 1 поселка Медный Рудник учился с 1935 года, но потом отстал из-за хронической болезни уха. До призыва в армию работал радистом радиоузла сельского совета села Балтым и одновременно учился в вечерней школе № 1 поселка Медный Рудник. Был секретарем первичной комсомольской организации села Балтым. В октябре 1940 года призван на действительную службу.

На момент начала войны находился на самой границе, в городе Гродно, в артиллерийской части. Его специальность — радиосвязь.

После того как началась война, никаких вестей от Ростислава получено не было. На запросы матери и письма актива музея в Центральный архив Министерства обороны РФ получен стандартный ответ:

«Сложная обстановка на фронтах Великой Отечественной войны 1941–1945 годов не позволяла точно установить судьбу некоторых военнослужащих, поэтому они были учтены пропавшими без вести».

Из воспоминаний участников Великой Отечественной войны, служивших в июне 1941 года на границе СССР

«В июньские дни 1941 года на чужом берегу складывалась подозрительная обстановка: там слышался шум моторов. К границе подтягивались войска. Все это настораживало, однако в крепости шла обычная мирная армейская жизнь. Бойцы учились, несли наряды, по выходным загорали под жарким солнцем, смотрели кино, концерты...

Ночь на 22 июня была тихой и теплой. В гарнизоне бодрствовали только дежурные. Они не сразу поняли, что произошло, когда ровно в 4 часа тишину разорвал пронзительный вой снарядов и грохнули взрывы. Канонада вспугнула чуткий сон бойцов. Одеваясь на ходу, они бросились по боевым постам. Прибегав на батарею, я на месте своего орудия увидел искореженные взрывом куски металла.

В расположении дивизиона все чаще рвались снаряды, один ударил почти рядом со мной. Я упал и почувствовал боль

ЛЕБЕЖЕНИНОВ Ростислав Михайлович

(02.05.1920—?)

Красноармеец,
связист

1941-1945

в правой руке. «Кажется, ранен», — подумал я. Рука не действовала. Устроившись поудобнее, я выпустил из автомата первую в своей жизни очередь не по мишеням, а по живому врагу, и сразу стало все ясно: это настоящая война, надо быстрее усваивать ее законы».

Из воспоминаний Н. Горских

«В конце 1939 года я был направлен на заставу № 5, расположенную в 800–1000 метрах от реки Буг и в 9 км от Бреста.

К весне 1940 года обстановка на нашем участке границы стала резко меняться. На сопредельной стороне начались земляные работы, появилась военная техника: танки, тягачи с артиллерией, участились и нарушения государственной границы. Однажды нам удалось задержать группу диверсантов, переодетых в советскую форму.

Для нас, пограничников, война началась в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Под покровом тумана немцы с ходу решили форсировать реку, но были встречены шквальным перекрестным огнем из всех видов оружия. С большими потерями фашисты вынуждены были отступить. В этот день нами было отбито четыре атаки.

Но силы были не равны. Боеприпасы кончились. В живых на заставе осталось 7 человек. Старший по званию принял решение оставить границу и отходить в направлении расположения штаба комендатуры, а затем погранотряда. Но из-за быстрого продвижения противника соединиться со своим командованием не удалось. Отступая на восток, мы дважды попадали в окружение».

Из воспоминаний Г. К. Мантулло

«В апреле 1941 года обстановка на границе была очень тревожной. Нарушения границы фиксировались чуть ли не каждый день. Ежедневно, как будто невзначай, залетали на нашу территорию немецкие самолеты. Мы понимали, что все это не случайно, но как-то не хотелось верить в худшее.

В субботу 21 июня мы приготовили футбольные и волейбольные мячи: в воскресенье хотели пойти на реку отдохнуть, поиграть, искупаться, но в 4 часа утра 22 июня услышали артиллерийскую канонаду. Вскочили с нар, быстро оделись, взяли оружие и выскочили на улицу. Над границей поднималось яркое зарево огня от немецкой артиллерии. На территории части уже горели казарма первого дивизиона и вещевого склад. Мы двинулись к границе. Снаряды летели, как дождь. Нас спасало то, что мы ушли вперед. Огонь был сзади, но все равно мы быстро теряли людей. Особенно опасно было в момент, когда выводили орудия из-под огня. Как только удалось их вывезти и развернуть, открыли огонь. Стреляли, пока были снаряды. На большой высоте над нами шли на восток самолеты. Они не сбрасывали на нас своего смертоносного груза, считая, что хватит и артиллерии.

Мы продержались до 6 часов утра. И тут немцы решили закончить с нами с помощью авиации. Налетели самолеты, на бреющем полете прочесывали пулеметным огнем наши оборонительные позиции.

Снаряды закончились. Связи с командованием не стало. Из двух тысяч человек четверста были убиты, сотни ранены».

Из воспоминаний В. М. Ненахова

«Штурмовой авиационный полк, в котором мне пришлось работать в 1941 году, имел базу недалеко от Брестской крепости.

В конце мая мое здоровье пошатнулось: появились какие-то покалывания в области живота. Дальше — больше и больше, а 10 июня я лежал в военном госпитале Бреста. К 20 июня врачи установили, что необходима срочная операция, и в этот день мне привелось целых 3 часа пролежать на хирургическом столе.

1941-1945

Все обошлось благополучно. Не двигаясь, лежу, принимаю строгую норму бульона, отдыхаю физически. На рассвете 22 июня началась война. Грохот взрывов. Все горит. Подбегает сестра: «Идемте!»... Тяжело рассказывать, как обгорелые солдаты, старики, дети, полуодетые женщины укрывались в подzemелье крепостного вала, как ворвался в это убежище немец — и из 18 человек осталось только шестеро, как спасшиеся перебрались в какой-то потайной шкаф, откуда начальник госпиталя Маслов под покровом темноты в ночь на 23 июня перевел нас в крепостное овощехранилище.

Немцы походным порядком, с победными кличами, с музыкой двигаются на восток. Другие штурмуют внутренний земляной вал крепости, отыскивают несдавшихся и борющихся советских патриотов. Отдельные гитлеровцы стоят на постах, какой-то пулеметчик постреливает у самой отдушины овощехранилища, где мы укрываемся. Он, видимо, услышал плач и крики детей... И вот около 10 часов 25 июня затрещала дверь нашего подzemелья.

Мой больничный халат заметил немец-врач. Чисто говорит по-русски.

— Оперирован?

— Двадцатого.

— Ничего, выдержишь. Война кончится скоро, немецкие войска заняли Минск. Что? Не веришь? Садись!

Как дрова, бросали людей в автомобили, как мертвую кладь, вытряхнули всех за рекой Буг, уже на польской территории».

Судьба Ростислава Лебеженинова в эти грозные июньские дни 1941 года остается неизвестной, поскольку пути-дороги многих военнопленных порой были запутанными.

Так, наш земляк И. Логинов 4 года находился в немецком плену. Был в лагере «Освенцим» на польской территории. На руке его навечно отпечатан несмываемый номер: 172595. Был в Германии в лагере «Рюдерсдорф». Совершал два побега. А когда английские и американские войска вошли в Германию, его переместили сначала в Гамбург, а потом в Бохум. Из лагеря «Бохум» вместе с другими заключенными удалось сбежать. Беглецы попали в американскую комендатуру и присоединились к лагерю русских военнопленных. 25 декабря 1945 года И. Логинов встретился со своей семьей в городе Кыштыме, на Урале.

В КАНУН ВОЙНЫ

*В ночь на 22 июня 1941 года
В гарнизонном клубе Бреста
шла репетиция местной
самодеятельности.*

*Брест в сорок первом.
Ночь в разгаре лета.
На сцене самодеятельный хор.
Потом: «Джюльетта,
о, моя Джюльетта!» —
Вздыхает руки молодой майор.*

*Да, репетиция
сегодня затянулась,
Но не беда:
ведь завтра выходной.
Спешат домой
вдоль сладко спящих улиц
Майор Ромео с девочкой-женой.*

*Она и впрямь
похожа на Джюльетту
И, как Джюльетта,
страстно влюблена...*

*Брест в сорок первом.
Ночь в разгаре лета,
И тишина, такая тишина!*

*Летят последние минуты мира!
Проходит час,
потом пройдет другой,
И мрачная трагедия Шекспира
Покажется забавною игрой.*

Ю. Друнина

МАЛЫХ Виктор Григорьевич

(1926—1944)

Красноармеец

Война — катастрофа общечеловеческая

В экспозиции школьного музея «А завтра была война» особое, трепетное чувство вызывает один экспонат. На первый взгляд, очень заурядный. Тетрадка. Обычная для конца 30–40-х годов прошлого века школьная тетрадь в линейку. На корочке с обратной стороны — портрет А. С. Пушкина работы Кипренского и стихи «У Лукоморья дуб зеленый». На другой, лицевой стороне надпись:

*Тетрадь
по русскому языку
ученика 6 класса
средней школы № 1
Малых Виктора*

Экспонат помещен в деревянную рамку под стекло. Внизу под тетрадью крупным шрифтом черного цвета другая надпись:

*Тетрадь Малых Виктора. 1940 год.
Погиб в 1944 году.*

Тетради этой уже более 70 лет. Ее владельцу было бы сейчас 86!

Стареют не только люди. Стареет и бумага. Постарела и тетрадь Виктора: листы стали хрупкими, ломкими. Боятся небрежных рук, неосторожного прикосновения. Боятся равнодушного, брошенного в спешке взгляда. Она, эта тетрадка, вправе надеяться на понимание школьников, мальчишек и девочек нового XXI века. Открываем первую страницу тетради:

*6 сентября.
Классная работа.
Правописание «НЕ» с глаголами.
Упражнение № 128.*

Почерк ровный. Буковка к буковке, и каждая выдержана по всем правилам требуемой в то время каллиграфии: тонкая волосяная линия, нажим, опять волосяная линия... Старался мальчишка, как стараются и дают себе слово в начале учебно-

1941-1945

го года все школьники. Для внимательного, чуткого слушателя и зрителя эта рамочка с тетрадью уже не экспонат. Это история. История короткая, вобравшая в себя тысячи судеб таких же 18-летних парней нашей страны. Школьник. Солдат. Это о них, мальчишках-солдатах, писал поэт Е. Винокуров:

*Вчера мы писали диктанты,
Чертили на досках круги,
А утром уже интенданты
Нам выдали сапоги...*

Ушел Виктор на войну в 1943 году в неполные 18 лет. Был отправлен на Белорусский фронт и начал свою службу где-то под Витебском. Там шли ожесточенные бои с фашистами. Всего два письма получили родные Виктора.

6 февраля 1944 года.

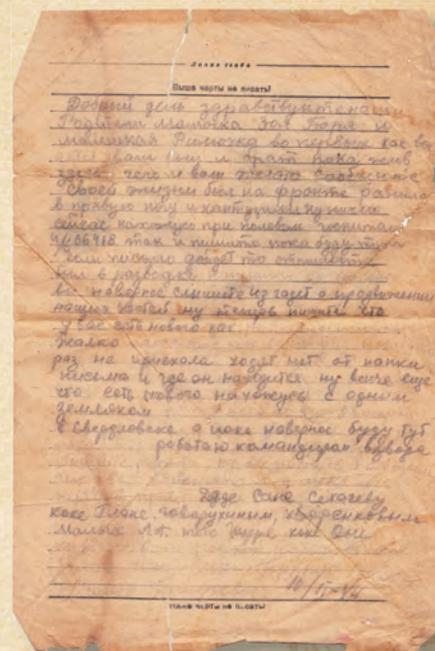
«Первый раз в своей жизни был на фронте. Ранило в правую ногу и контузило. Но ничего, сейчас нахожусь при полевом госпитале. П/п 66418. Если письмо дойдет, то расскажите, что я был в разведке. Нахожусь с одним земляком».

«Здравствуйте, мои дорогие родители! Мама, сестра Зоя, Римочка и брат Борис. Сообщаю, что жив, здоров, чего и вам желаю. Получил от вас письмецо. Узнал, что у вас положение направилось. Бурка отелилась. Налог не платите. Ну, хорошо. Мама, обо мне не беспокойся. Я живу хорошо и лучше некуда. Поправляйся, выздоравливай. Готовьтесь к зиме. Заготавливайте сено, дрова. Оборудуйте хорошо к зиме для картошки погреб. Хорошо оборудуйте запоры к нему. Мама, ты пишешь, что Язовских убило, убило и Юрку Макеева. Так я тоже каждую минуту ожидаю этого же самого. Бегаешь, бегаешь, но где-нибудь да и стукнет. Конечно, я всячески стараюсь оберегаться от всякой такой катастрофы.

Ведь жить охота, ведь я еще молодой. Я, мама, связист и связной у командира. А еще наводчик у миномета. Так что работы хватает. Сейчас нахожусь на глазах — понимайте, повоенному НП. У меня очень много друзей. Мы — как единая семья.

Мою маленькую сестренку Риму поцелуйте так крепко, чтоб у нее губки покраснели.

До свидания. С приветом. Виктор. Привет Говорухиным, тете Лиде, Марусе, Вовке, Юльке, бабушке...».

Конверт и письмо
Виктора Малых с фронта

* * *

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.*

*Ему как мавзолеей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.*

*На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.*

*Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...*

С. Орлов

В письме Виктор перечислил, наверное, всех жителей своей деревни, 38 приветов. И стало это письмо последним поклоном родной земле и родному дому. Трудно без волнения и грусти читать эти строчки. Сколько же бессонных ночей принесли матери Витины слова: «Бегаешь, бегаешь, но где-нибудь да и стукнет». Он, 18-летний парень, понимал, что война — катастрофа. Катастрофа не просто личная. Война — катастрофа общечеловеческая.

Из воспоминаний Г. Д. Карташова, участника боев под Витебском

«На путях к Витебску немцами были заминированы большие площади, как по фронту, так и в глубину. Для разминирования этих полей была применена новинка. К тяжелому танку КВ были прикреплены катки, которые во время хода танка давили своей тяжестью противопехотные мины. Они взрывались, и по ширине танка возникали проходы, свободные от мин. По этим проходам шла пехота, шли и мы. Преодолев полосы минных заграждений, дальше стали продвигаться по дорогам.

Медленно по дороге двигался и мой взвод. Шли, как обычно, тяжело нагруженные. Телефонные катушки проводов, аппараты, шанцевый инструмент, оружие, недельный сухой паек — все несли на себе.

Нас обогнал танк КВ и скрылся за поворотом дороги. Мимо нас прошел младший лейтенант с солдатами. И вдруг на повороте дороги раздался сильный взрыв противотанковой мины. Поднялся столб огня и дыма. Мы все попадали на землю. Когда рассеялись дым и пыль, мы не поверили своим глазам. Шли три человека: офицер посередине, солдаты по краям, и вдруг вмиг все исчезли. От них ничего не осталось. Только фуражка лейтенанта лежала в гнезде полотна дороги, где была установлена мина. Никаких документов, вещей погибших не нашли. Откуда? Так и остались чьи-то три сына навечно без вести пропавшими».

1941-1945

Прошу не отказать...

Родился Владимир 10 июля 1925 года. В детстве он был мальчиком общительным, дружелюбным, имел много друзей-товарищей. Как и все ребята, любил играть в войну между «белыми» и «красными». Очень смывленный, ответственный во всех делах, Володя был пионером, комсомольцем, любил спорт, отлично ходил на лыжах, совершая дальние походы вместе со своим учителем физкультуры В. М. Соломеиным. Школу окончил на «отлично» и летом несколько месяцев работал на ПМЭЗ, а в 1943 году поступил учиться в Уральский индустриальный институт им. Кирова (ныне УГТУ-УПИ).

В марте 1943 года при организации первого Уральского добровольческого танкового корпуса (УДТК) Владимир пишет заявление в комитет комсомола УПИ с просьбой о зачислении его добровольцем в танковый корпус. Заявление заканчивалось словами: «Прошу не отказать в моей просьбе».

«Он не мог поступить иначе, — вспоминает Е. И. Моисеева. — Ведь мы все воспитывались на героических подвигах Чкалова, героев-папанинцев, Байдукова, Ляпидевского. Росли мы, как пелось в песне, в «буднях великих строек», рядом с нами строился Пышминский медеэлектродитный завод, Уралмаш, Эльмаш, Магнитогорский металлургический завод. И мы, комсомольцы, были свидетелями великих свершений, старались не оставаться в стороне, стремились к знаниям и верили в прекрасное будущее».

Скорее всего, Владимир был зачислен в добровольческий корпус от города Верхней Пышмы. Бойцы УДТК принимали присягу 1 мая 1943 года, отправляясь на фронт. Верхнепышминцы, а вместе с ними и Владимир Мальшев, дали клятву землякам, что не посрамят чести трудового Урала, не пожалеют крови, а если понадобится — и самой жизни, ради полного освобождения Родины от фашистской нечисти.

Воистину неизмерима всенародная помощь уральцев в Великой войне: пушками, танками, снарядами и особенно людскими ресурсами. Сотни тысяч уральцев в первые же дни войны отправились на фронт. Людские ресурсы иссякли, но когда в самые тяжелые дни войны, зимой 1942 года появилась идея партийных органов Пермской, Свердловской и Челябинской областей о создании Уральского добровольческого танкового

МАЛЫШЕВ Владимир Николаевич

(1925—1943)

Красноармеец,
рядовой

1941-1945

корпуса, десятки тысяч уральцев настоятельно требовали послать их добровольцами. Заявления о зачислении в УТДК подавали студенты, рабочие, артисты оперного театра, колхозники и даже учащиеся.

В первые же дни в областной комитет ВКП(б) стали поступать докладные записки со сведениями о формировании Уральского танкового корпуса. Секретарь райкома ВКП(б) имени Серго Орджоникидзе сообщил:

«Весть о формировании Особого Уральского добровольческого танкового корпуса имени товарища Сталина молниеносно облетела все заводы и предприятия района. Партийные и комсомольские собрания прошли по цехам и отделам с большим патриотическим подъемом. В результате в первый же день было подано парткомам 1200 заявлений, всего за три дня, то есть с 2 по 5 марта с. г., было подано по парткомам 2250 заявлений».

Районные комиссии отобрали только 544 человека, в Медном Руднике было подано 480 заявлений.

Заявление в корпус писали рядовые рабочие, например, слесарь завода № 9 М. В. Еловских, член ВКП(б):

«Желая скорее уничтожить гитлеризм, нанесший всему нашему народу бедствие и зверства, прошу зачислить меня в ряды добровольцев Особого Уральского танкового корпуса им. товарища Сталина. С автоделом знаком, желаю отомстить за гибель двух любимых моих братьев. Прошу не отказать в моей просьбе».

В комиссию поступило заявление комсомольца Г. И. Девленева, рабочего завода № 76:

«Прошу парторганизацию цеха зачислить меня добровольцем в танковый корпус им. товарища Сталина. Перед лицом парторганизации клянусь, что я не опозорю наш коллектив и, если надо будет, отдам свою жизнь за любимую Родину».

Поступали заявления и от беспартийных. Так, М. Н. Кривonos обратился в комиссию райкома партии имени Серго Орджоникидзе:

«В Красной армии служил с 1918 по 1921 год, умело вел борьбу против интервентов, наносил меткие большевистские удары. Надеюсь, что и в настоящее время также буду наносить удары ненавистному проклятому фашизму. Я ненавижу этих гадов, напавших на наш советский народ, ненавижу, потому что они несут с собой порабощение и рабство нашему свободному, трудолюбивому народу. Я хочу с оружием в руках нанести сокрушительный удар по немецким извергам. Клянусь Родине, что буду защищать ее до последней капли крови. Прошу зачислить меня в добровольческий корпус».

Первое боевое крещение УТДК получил в районе деревни Борилово Болховского района Орловской области.

У поселка Шаблыкино в первых же боях погибли мастер электролитного цеха Александр Партин и 18-летний Алеша Салмин. Александр Патрушев, рабочий с обогатительной фабрики, был здесь тяжело ранен.

Владимир Малышев погиб 28 июля 1943 года. Менее месяца сражался 18-летний боец, сдержав клятву не посрамить честь Урала и своего родного поселка.

1941-1945

Первыми в бой — наша единственная привилегия

Посмотрите внимательно на эту фотографию. На ней 17-летний паренек из деревни Балтым Верхнепышминского района Федя Малышкин. Сосредоточенный, твердый взгляд, умные, добрые глаза — в них надежность и мужество. Он весь — олицетворение решительности и смелости, внутренней красоты. Прическа — дань моде конца 30-х — начала 40-х годов, подчеркивает уверенность и чувство собственного достоинства.

Он любящий сын и помощник в семье. В письме с фронта своей маме, Малышкиной Анисье Дементьевне, он посылает посвящение.

*«Привет тебе, моя дорогая мамаша!
Родным и знакомым привет боевой,
Привет от меня деревушке всей нашей,
Поклон тополям и сирени зеленой.
Ты пишешь, родная, что очень страдаешь,
Что грустно на свете тебе без меня.
Родная моя! Ты, наверное, знаешь,
Что я не боюсь ни воды, ни огня.
И, если на то уж пошло, я не струшу,
В позор не введу я родительский дом.
Всю силу свою я на немцев обрушу,
Возьму их тараном, пойду напролом.
Ты пишешь: посевы в полях зеленеют,
Сирень распустилась у нас под окном,
В лесу ароматные ягоды зреют,
И все так отрадно и мило кругом.
Нести нам приходится тяжкое бремя,
Но воинам русским оно по плечу,
Дотла истребим людовоедское племя,
Огнем беспощадным сожжем саранчу.
Мамаша, мы верим, Победа — за нами!
И сил не жалея, с врагами я бьюсь.
Вот это письмо сохрани ты на память,
Прочтем его вместе, когда я вернусь.
Целую тебя и прошу лишь не плакать,
Так хочется нежно тебя мне обнять —
Минут через десять иду я в атаку.
Вот все, что хотел я тебе написать.*

19.04.1944 год. Федя»

МАЛЫШКИН Федор Михайлович

(1924—15.09.1944)

Лейтенант,
комсорг первого
стрелкового батальона
254-го гаубичного
стрелкового полка
56-й гаубичной дивизии
им. А. Матросова

Награжден медалью «За отвагу»,
орденом Красной Звезды,
орденом Отечественной войны
I степени

1941-1945

Эта лирическая весточка с фронта хранится в городском музее вместе с орденом Отечественной войны I степени, которым Федор Малышкин, деревенский парень двадцати лет от роду, был награжден посмертно. «За героизм и мужество, проявленные в бою за освобождение латвийской деревни Цырета»...

Еще Маяковский заметил: слова от частого употребления теряют исконный смысл, «ветшают, как платье». Но когда ставишь рядом такие понятия, как Родина, свобода, жизнь, то всегда заново открываешь для себя фразу: «Героизм и мужество, проявленные при защите Родины...». Вот тогда и понимаешь истину, которую это выражение несет: она уводит в бессмертие.

Ушел Федор на войну в августе 1942 года и попал на Калининский фронт. Службу он начал в 56-й гаубичной дивизии, в той самой, где 28 февраля 1943 года в бою за деревню Чернушки у реки Ловать Псковской области гвардии рядовой первой роты Александр Матросов закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, препятствующего продвижению подразделения.

Сообщение командования о беспримерном подвиге Матросова стало известно каждому солдату. Его поступок воодушевлял солдат и офицеров. «Отомстить за смерть товарища, стоять насмерть!» — писала в то время газета «Красная звезда». Дивизии было присвоено имя А. Матросова. В марте войска Калининского фронта вышли к оборонительному рубежу противника северо-восточнее Духовщины, Спас-Деменска. 17 марта закончились наступательные бои Северо-Западного фронта в районе Старой Руссы, и был ликвидирован плацдарм противника на восточном берегу реки Ловать. Войска фронта вышли на реку Редья. В августе 1943 года началась Смоленская наступательная операция Западного и левого крыла Калининского фронтов, продолжавшаяся до 2 октября. 29 августа в ожесточенных боях, проявив мужество и героизм, Федор сумел отразить атаку противника, уничтожив пулеметную точку, а в рукопашной схватке убил четырех гитлеровцев. За храбрость и мужество был награжден медалью «За отвагу». За умелое руководство ему было присвоено звание лейтенанта. Перед боем Федор Малышкин стал кандидатом в ряды ВКП(б).

В августе 1944 года 254-я стрелковая дивизия вошла в состав первого Прибалтийского фронта, освобождая Латвию. 7 августа комсорг первого батальона Федор Малышкин получил задание взять латышский хутор, в котором окопались гитлеровцы. На призыв «Вперед!» первыми в бой поднимались коммунисты и комсомольцы — это была их единственная привилегия. Проявив смекалку и находчивость, Федор и четверо бойцов обошли хутор с тыла. Завязался бой. В ходе боя были убиты 9 гитлеровцев и взяты в плен 12 немецких солдат. За умелое руководство операцией командование представило Федора к награждению орденом Отечественной войны I степени, но отмечен он был орденом Красной Звезды.

14 сентября 1944 года подразделение Малышкина получило задание овладеть железнодорожной станцией вблизи небольшого латышского города. Станция усиленно охранялась фашистами. Нужно было обойти немецкую группу войск и ударить с тыла, сохранив в целостности узловой пункт. Разведчики умело убрали часовых, и тогда Федор поднял в атаку свой батальон и с криками «Ура!» внезапно ворвался в здание станции. Бой длился несколько часов. Федор дрался отчаянно, навязывая фашистам рукопашную схватку. Это было его последнее сражение. За взятие станции комсорг батальона Федор Малышкин был посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени.

1941-1945

Будь проклята эта война!

Степан Федорович Марышев — учитель математики, человек сугубо штатский, добрый, любящий муж и отец. В 1938 году закончил физико-математический факультет Московского государственного педагогического института по специальности «Физика» и был направлен в Свердловск, в среднюю школу № 1 поселка Медный Рудник.

Оставив крохотную дочку Галочку, ушел воевать и погиб под Сталинградом. В письме к жене и дочке Степан писал:

«Будь проклята эта война! Когда она кончится, люди не забудут ее во веки веков».

Из воспоминаний А. Протасевича, ученика Степана Федоровича

«В ладно сшитом костюме, мягкий и застенчивый, Степан Федорович Марышев зашел к нам в класс. Казалось бы, ему не мелом и тряпкой орудовать, а пушкинского Ленского в опере Чайковского петь. Но как он знал математику! Как вскоре пригодились артиллеристам, пехотинцам, саперам его синусы, косинусы, теоремы.

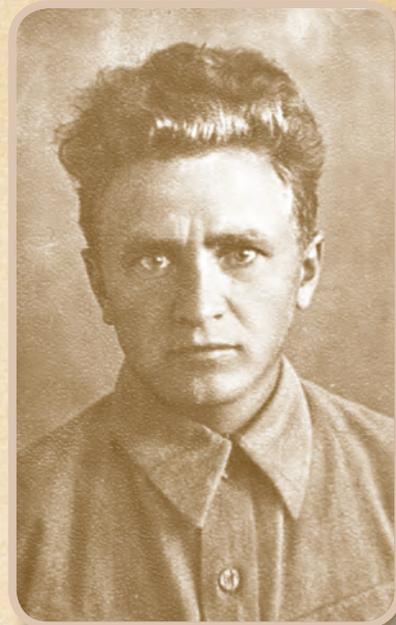
Трудно было представить, что он уже обстрижен наголо, ведь у него были пышные кудрявые волосы. Трудно представить его в солдатской гимнастерке, ботинках с обмотками, может, даже в обмундировании «БУ».

С начала Великой Отечественной войны на учителей была наложена бронь, но уже в начале 1942 года она была отменена. В 1942 году ушли на фронт из средней школы № 1 восемь учителей. В марте 1942 года ушел на войну и С. Ф. Марышев и сразу попал на Сталинградский фронт, в самое пекло войны».

Из воспоминаний В. Гриневича

«Под Сталинградом нас бомбили без конца. Служить в стрелковом батальоне на фронте — дело непростое. Прибудет новое поколение, а после первой атаки ряды редеют.

Мы получили тогда задачу не допускать прорыва противника к Сталинграду. В эти дни трудно было отличить небо от земли. Помню непрерывные атаки фашистских танков, удары с воздуха, мощный огонь орудий и минометов, раскаленную безводную степь, едкую пыль и гарь... Но за нами была Волга. За нами

МАРЫШЕВ Степан Федорович

(1912—1943)

Красноармеец

1941-1945

был Сталинград. Так мы стояли насмерть. Прямой наводкой били по атакующим танкам, по вражеской пехоте. Немцы отступили. Я еще не знал тогда, что Сталинградский фронт протянулся на 700 км, что противник имел преимущество в силе.

Бои под Сталинградом продолжались. Наши солдаты героически отстаивали каждую пядь земли, наносили немцам удар за ударом. Наша пехота металась в пыли, дыму и гари, солдаты не могли подняться, но не думали отступать. А танки приближались к переднему краю обороны пехоты. Появились немецкие бомбардировщики. На земле, на небе — всюду был огонь, всюду смерть. Город Сталинград жил напряженной жизнью прифронтового города. Работали заводы, магазины, ходили трамваи, по Волге плыли пароходы. 21 августа, решив морально подавить наши войска и утратить население города, немцы разбросали листовки, в которых говорилось: «22 августа буду Сталинград бомбить, а 23 августа вас в Волге топить».

Воспоминания Г. Щербакова

«В ночь на 23 августа сотни самолетов налетели на город и начали варварски бомбить его, рассыпая свой смертоносный груз по всем улицам. Весь город, растянувшийся узкой полосой на 70 км по берегу Волги, к рассвету горел от взрывов бомб. Рушились дома и корпуса заводов, взлетали вверх камни мостовой, бурлила Волга, сгустки пламени при взрывах поднимались в небо красными облаками. Черный дым сплошной пеленой, шириной в несколько километров потянулся вниз по Волге. Гибли тысячи мирных жителей».

«...Во время наступления наших войск под Сталинградом в ноябре 1942 года было получено задание — узнать, есть ли в нашем подбитом танке, стоящем на нейтральной полосе, немцы. Встаем из окопа и идем в полный рост. Шаг за шагом, ближе и ближе к танку. 500 метров, 400. За нашим движением наблюдают наши... Танк молчит. 250 метров — из танка несется пулеметная очередь по нам, пули со свистом пролетают мимо. Падаем. Задание выполнено. Ползем назад, вплотную прижимаясь к земле, головой и руками разгребая снег. Вторая, третья очередь. Пули ложатся вокруг. В перерыве между свистом пуль вскакиваем, бежим метров 10 и снова падаем.

Отошли уже на 50 метров. Снова перебежка. Чувствую удар по ноге, как тяжелым молотком. Падаю, ногу трудно даже тянуть: боль расходится по всему телу, сапог заполняется горячей кровью. Григорий, упав рядом, вопросительно смотрит на меня. «Ранило», — говорю. С трудом заползаю за едва возвышенный бугорок снега. Григорий подползает ко мне ближе, подает ремень. Снимаю с себя плащ палатку, связываю свой и его ремни и привязываю к углу палатки. Один конец ремня — Григорию. Ложусь на палатку. Он ползет, я помогаю ему локтями. И так метр за метром...

Резкий свист противотанкового снаряда над головой, затем второй, третий. Взрыв в танке — и тишина. Григорий встает в полный рост и тащит меня. Я вижу: у него по щеке течет кровь. Начинается наша артподготовка. Скоро атака.

Я еду в госпиталь...»

Официальные документальные данные из книги «1418 дней войны»

5 августа 1942 года. Ставка ВГК (Верховного Главнокомандования) разделила Сталинградский фронт на Сталинградский и Юго-Восточный фронты. Советские войска отошли из района Котельниковский на северный берег реки Аксай.

1941-1945

23 августа 1942 года. 14-й танковый корпус 6-й немецкой армии прорвался к Волге севернее Сталинграда в районе Ерзовки. Советские войска отразили удар противника на Сталинград с севера вдоль Волги. Авиация противника совершила на город около 2 тысяч самолето-вылетов.

Завершилась Ржевско-Сычевская операция: советские войска продвинулись на 30–45 км, ликвидировали плацдарм противника на левом берегу Волги в районе Ржева, сковали крупные силы группы армий «Центр» и вынудили противника перебросить в район операции 12 дивизий с других участков советско-германского фронта (в том числе с юга).

Противник прорвал оборону войск Юго-Восточного фронта и вклинился в расположение советских войск между железной дорогой Сальск — Красноармейск и озером Цаца на глубину до 25 км.

2 сентября 1942 года. 62-я и 64-я армии отошли на рубеж внутреннего оборонительного обвода Сталинграда, 57-я армия закрепились на рубеже Ивановка, озеро Цаца.

5 сентября 1942 года. Начались наступательные действия советских войск севернее Сталинграда с целью ликвидировать коридор противника к Волге в районе Ерзовки.

12 сентября 1942 года. Войска противника вышли к Сталинграду с запада и юго-запада. Оборона города возложена на 6-ю (генерал-лейтенант В. И. Чуйков) и 64-ю (генерал-майор М. С. Шумилов) армии.

14 сентября 1942 года. Корабли Волжской военной флотилии начали переброску через Волгу 13-й гвардейской стрелковой дивизии (генерал-майор А. И. Родимцев) для усиления обороны войск 62-й армии.

16 сентября 1942 года. Части 13-й гвардейской и 112-й стрелковой дивизии отбили у противника Мамаев курган. В Сталинграде на отдельных участках фронта противник вышел к Волге.

27 сентября — 4 октября 1942 года. В Сталинграде советские войска вели бои за удержание заводских поселков и территории заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады».

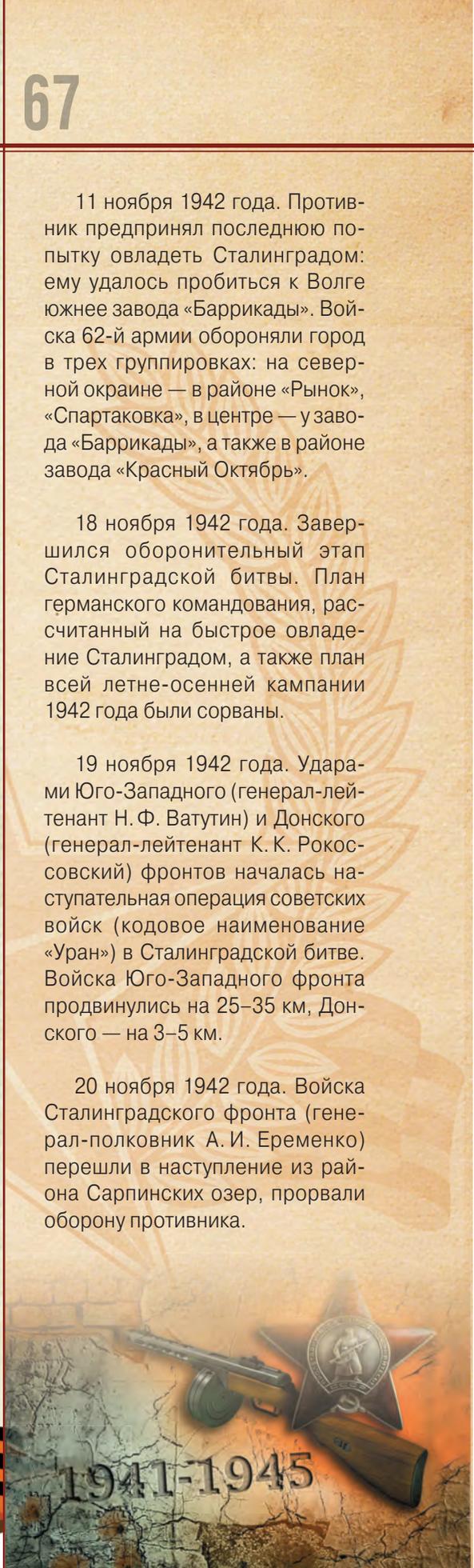
В ходе частных наступательных операций в районе озер Сарпа, Цаца, Барманцак советские войска расширили плацдарм на правом берегу Волги, выбили противника из межозерных дефиле.

11 ноября 1942 года. Противник предпринял последнюю попытку овладеть Сталинградом: ему удалось пробиться к Волге южнее завода «Баррикады». Войска 62-й армии обороняли город в трех группировках: на северной окраине — в районе «Рынок», «Спартакровка», в центре — у завода «Баррикады», а также в районе завода «Красный Октябрь».

18 ноября 1942 года. Завершился оборонительный этап Сталинградской битвы. План германского командования, рассчитанный на быстрое овладение Сталинградом, а также план всей летне-осенней кампании 1942 года были сорваны.

19 ноября 1942 года. Ударами Юго-Западного (генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин) и Донского (генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский) фронтов началась наступательная операция советских войск (кодовое наименование «Уран») в Сталинградской битве. Войска Юго-Западного фронта продвинулись на 25–35 км, Донского — на 3–5 км.

20 ноября 1942 года. Войска Сталинградского фронта (генерал-полковник А. И. Еременко) перешли в наступление из района Сарпинских озер, прорвали оборону противника.

ДЛЯ МИРА ВСЕГО

*Сила силу разбила!
И — пустила «в распыл»...
Справедливости сила,
Сталинград их разбил!
Сталинград — победил!*

*Лет течением не смыло
Этот день, этот час!
Сталинград! Это — было!
Это — было — при нас!*

*Если б не отстояли
В смертной битве его —
На века бы отстали
Судьбы Мира всего.*

*И в каком только мраке
Оказались бы мы,
И — в тифозном бараке
Умирали б умы.*

*Все бы — там оказалось,
Под расстрелы легло.
Всей Земли бы касалось
Этой жути крыло...*

*Судьбы Мира висели —
На таком волоске!
Не забыли — доселе —
Во временном далеке.*

*Вспять — не ринутся реки,
Он — для Мира всего —
Сталинград! — Торжество!
И — никто и вовеки
Не отменит его!
Не отнимет его!*

М. Львов

23 ноября 1942 года. Подвижные соединения Юго-Западного и Сталинградского фронтов встретились в районе Калача, Советского и завершили окружение 6-й армии и части сил 4-й танковой армии противника (330 тысяч человек).

Капитулировала распопинская группировка противника. Соединения левого крыла Сталинградского фронта выдвинулись на рубеж реки Аксай, Уманцево, направляя удары на Котельниковский.

12 декабря 1942 года. Армейская группа «Гот» перешла в наступление с целью деблокировать окруженные под Сталинградом войска (кодовое наименование операции «Зимняя гроза») в районе Котельниковский и прорвала оборону советских войск. Началась оборонительная Котельниковская операция войск левого крыла Сталинградского фронта (генерал-полковник А. И. Еременко), продолжавшаяся до 30 декабря.

30 декабря 1942 года. Завершилась Котельниковская наступательная операция советских войск. Сорвана попытка немецкого командования деблокировать окруженную под Сталинградом 6-ю и 4-ю танковые армии противника.

Соединения армейской группы «Гот» отброшены на реку Маныч. Завершилась Среднедонская операция: советские войска продвинулись на 150–200 км и вышли в тыл группе армий «Дон». Противник был вынужден отказаться от дальнейших попыток деблокировать Сталинградскую группировку.

31 января 1943 года. В Сталинграде капитулировала южная группа войск 6-й немецкой армии во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом.

Капитулировала северная группа войск 6-й немецкой армии. Войска Донского фронта закончили операцию «Кольцо». Завершилась наступательная операция советских войск в Сталинградской битве: действовавшая на Сталинградском направлении группировка противника была разгромлена...

Найти точное место и дату гибели С. Ф. Марышева нам не удалось, но в 2000 году в честь Великой Победы над фашизмом школьный музей провел викторину среди учащихся, посвященную Сталинградской битве.

Победителям викторины удалось побывать в городе-герое Волгограде и возложить на Мамаевом кургане горсточку уральской земли и памятную ленту в знак благодарности защитникам Сталинграда. В Пантеоне славы на Мамаевом кургане к фамилии Марышева Степана Федоровича ребята возложили цветы — красные маки.

1941-1945

Погиб, защищая Родину

Из воспоминаний учителя химии А. И. Березиной

«Школу Николай окончил в 1939 году. Отец у него был неродной, по фамилии Веселов, работал на обогатительной фабрике.

Коля Москвин — невысокий, темноглазый паренек с мягким характером и добрым сердцем. Там, где был Коля, всегда была улыбка на лице товарищей. Я не помню, чтобы его лицо когда-нибудь выражало грусть. За свой веселый и мягкий характер он пользовался любовью среди товарищей.

Комсомолец с января 1937 года. В 1937 году был агитатором по выборам в Верховный Совет СССР. Обучал ребят агитационной работе Сычев Сергей Васильевич, учитель истории. Сейчас он живет в Москве.

Классным руководителем Николая была Ипатова Мария Павловна, преподавателем — Деменева Валентина Петровна. Коля любил историю, литературу, увлекался шахматами.

На войну ушел в 1942 году и погиб, защищая Родину».

Нам неизвестно отчество Николая. В электронном архиве «Мемориал» среди защитников отечества 1941–1945 годов фамилия Москвин встречается около 200 раз. У многих нет данных о месте призыва, поэтому точной информации о времени и месте гибели Николая, к сожалению, найти не удалось.

МУЖЕСТВО

*«А было страшно — бой, атака?»
И ты без ложного стыда
Сказал ей: «Да, бывало всяко»,
А не ответил: «Ерунда!»*

*И я в бесстрашие не верю,
Но знаю прочно и давно,
Что кроме страха в полной мере
Нам чувство мужества дано.*

*Лишь тяжела была минута,
Пока под пулями вставал,
А после — мужество примкнуто,
Как штык, разящий наповал.*

*Оно присуще тем, кто в бурю
Со всеми жил одной судьбой,
Кто шел в огонь, глаза не жмуря,
И вел победу за собой.*

А. Ахматова

МОСКВИН Николай

(1921–?)

Красноармеец

1941-1945

НАУМОВ Василий Александрович

(1926—20.09.1944)

Стрелок-радист
бомбардировщика № 22
336-го авиаполка
дальнего следования

Последний вылет бомбардировщика № 22

В ночь с 19 на 20 сентября 1944 года с аэродрома Цюнув, расположенного в 32 километрах западнее Львова, взмыл в небо советский бомбардировщик с бортовым номером 22. Перед его экипажем была поставлена задача — бомбить железнодорожный узел Чоп на границе Венгрии и Чехословакии.

Их было семеро. Все, как на подбор, молодые, смелые, энергичные. Старшему не было и тридцати, самому младшему только-только исполнилось 18. Это был Василий Наумов, бывший ученик школы № 1 поселка Медный Рудник.

«В школе у Васи любимым предметом было рисование, — вспоминает его сестра Анна Александровна Рыжкова. — Он хорошо рисовал. Любил уроки пения. Обладал неплохим голосом».

После окончания семи классов Василий поступил в Свердловский техникум. В 1941 году в здании этого техникума разместился госпиталь, и Василию пришлось доучиваться уже в другом учебном заведении — кулинарном. В 1943 году его призвали в армию. После девятимесячной учебы в Челябинске направили на фронт.

С фронта от Василия пришло не более двух писем, в которых он просил родных, особенно маму, не беспокоиться о нем. А потом пошли письма из части. В первом сообщалось, что 19 сентября 1944 года на задание вылетело 18 самолетов, вернулось 17. Не вернулся тот самолет, на борту которого находился Василий Наумов. В письме также говорилось, что о судьбе экипажа сведений пока никаких не имеется. Недели через две из той же части пришло второе письмо. В нем сообщалось, что самолет разбился, в живых остались только двое. Через три месяца, в январе 1945 года мать Василия Лукерью Сергеевну Наумову пригласили в военкомат и вручили похоронку.

Остались в живых только штурманы бомбардировщика № 22 Николай Глызин и Роман Фонкин.

1941-1945

Вспоминает Николай Глызин

«Наш экипаж был из 336-го авиаполка дальнего действия. На Чоп тогда направили только наш самолет, потому что другие срочно десантировали грузы словацким партизанам. Помню, что аэродром, куда они летели, носил красивое название «Три Дуба».

Итак, летели мы на Чоп. Оказывается, его только что отбомбили. Кто? Мы знали одно: это наши из-за Карпат.

Самолеты улетели, и можно было подумать, что с немцами уже покончено: попадали, как срезанные, казармы, с путей сошли вагоны. Но вот луч прожектора выхватывает из темноты крыло нашего самолета. Даю команду: «Боевой!» Это значит, что ложимся на боевой курс. Самолет пошел на снижение с таким тяжелым ревом, словно сам хотел врезаться в станцию со всеми своими бомбами. А я в прицел вижу: самолет ниже и ниже, словно помчался по путям, прямо на цистерны. Грохнули двумя фугасными — каждая по полтонны, а следом сыпанули зажигательных бомб.

Обратно возвращались под грохот зенитных батарей. Летели от луны — было темнее, но зато вместо всполохов от зенитных разрывов в небе появились звезды. Стали даже шутить, что, мол, хорошо летим, не слышно даже комаров. Но один «кровопивец» ME-100 вскоре появился. Его сперва даже не заметили, но он решил сверху посветить: сбросил прямо на хвост самолета осветительную ракету. Чтобы выйти из-под ее света, бомбардировщик начал резко снижаться и менять курс. И тут, как назло, заклинило пулемет. А «мессершмидт» тут как тут: уже снизу целится.

В то время самолет находился над украинским селом Турья Пасека. Горел не только самолет, начала гореть на членах экипажа одежда. В любой момент многотонная машина могла взорваться и врезаться в сельские дома. Чтобы предотвратить это, командир экипажа направил бомбардировщик на подлесок».

Украинский писатель Василий Басараб в очерке «Огненный полет» рассказывает о судьбе членов экипажа:

«Снова огонь опалил лицо, снова будто выжег ему глаза — и в тот же миг его охватило холодное темное пламя, которое, вихрясь, сорвало с головы шлем; а рука непривычно хваталась за грудь, спасательное кольцо, и еще спустя мгновение так сильно дернуло, что слетели сапоги. Ожидал удара о землю, но на земле что-то вспыхнуло и гроыхнуло — и глаза прозрели: заметил в отдалении темное очертание вершин и сразу

подтянулся на лямках парашюта. Когда очнулся, то увидел, что лежит на сельской дороге. Где-то слышалась беспорядочная стрельба, и он догадался, что это в самолете, где-то очень близко, рвутся от огня патроны.

От плена их спасло то, что жандармы, прибывшие на место падения самолета, обнаружили там 5 погибших членов экипажа и посчитали, что это все, и дальнейшие поиски прекратили».

Следопыты села Порошково, где похоронены погибшие летчики, разыскали всех родных членов экипажа. Они нашли двоюродную сестру, тетю, брата, сестру Василия Наумова. В школьном музее хранится книга украинского писателя Василия Басараба, в которой автор описывает последний вылет самолета. Хранятся также несколько фотографий и веточка вереска с могилы Васи Наумова. На фотографиях украинские пионеры села Порошково стоят в почетном карауле у могилы Васи, а рядом — приехавший поклониться праху брата Николай Александрович Наумов, житель села Балтым.

НОВГОРОДЦЕВ Владимир Германович

(1924—06.02.1945)

Гвардии ефрейтор

Награжден
орденом Красной Звезды,
медалью «За отвагу»

Погиб смертью русского героя

Взгляните на эту фотографию. На ней изображен совсем мальчишка, 1924 года рождения. Его ровесников почти полностью выкосила война. Не обошла эта горькая участь и Володю Новгородцева, только что начавшего познавать в цехе № 2 Пышминского медеэлектролитного завода азы слесарного дела.

25 мая 1942 года Володю мобилизовали на фронт, а 6 февраля 1945 года, за три месяца до окончания войны, он погиб в боях за освобождение Польши.

Сообщил об этом печальном событии родителям товарищ по оружию Григорий Колясник. Вот что он писал в своем письме:

«Сегодня 12 февраля. Ровно в 9 часов 30 минут вечера мы получили от вас подарок сыну Володе. Как ни грустно об этом говорить, но ваш сын погиб смертью русского героя в неравном бою с фашистами. Похоронили Володю у барского дома в садике под салют имеющегося у нас вооружения. Скоро вам должны прийти по почте некоторые его документы: орден, медали и благодарности от тов. Сталина за умелые боевые действия. За смерть Владимира Германовича будем мстить до последнего дыхания».

А вот строки из писем самого Владимира Новгородцева:

7 декабря 1943 года.

«Здравствуйте, родные папа, мама, Веня и Леля. Пишу письмо в 4 часа ночи. Рядом железная печка топится. На столе лампа горит. Светло. Тепло. Сегодня дежурю. Находимся во фрицевских блиндажах. Блиндаж большой, теплый. Фрицы хотели в нем зимовать, но не пришлось.

5 декабря выпал снег. Ночью застывает, а днем тает. У вас, наверное, снега уже по колено. Кончаю писать. Надо дров подложить, а то прогорают. Ваш сын Новгородцев В. Г. ».

26 декабря 1943 года.

«Вы много раз спрашивали у меня, где я нахожусь. Подробно я вам объяснить не могу, а если кратко, то в Запорожской области, на правом берегу Днепра. А погода здесь такая: день — мороз градусов 15, а два дня — грязь. Валенки нам дали, но мы и сапоги носим с собой.

Ваш сын Новгородцев В. Г.».

1941-1945

5 марта 1944 года.

«Сейчас два часа дня. Сажу в ровике, накрытый плащ-латкой. Изредка фриц кидает мины. Но это все ерунда. Погода, правда, сырая. И не только сегодня, а уж дней пять. Но все же мы не грустим, а изредка да затынем песню. Ничего, скоро будет лето, и будет совсем другое дело. Скоро должны принести обед. Ждем. Пока все.

Ваш сын Новгородцев В. Г. ».

2 апреля 1944 года.

«Новостей у нас, конечно, много. Это вы сами знаете по газетам. Скоро настанет час, когда кончится эта война, и, быть может, будем опять все вместе.

За все пакости, что наделали эти макаки здесь, на Украине, мы им мстим и мстим. Нахожусь в Николаевской области, недалеко от самого города.

Пока все. До свидания. Жду ответа.

Ваш сын Новгородцев Владимир».

8 августа 1944 года.

«Пытаюсь описать, как прошел сегодняшний день. С утра ходил за завтраком, так как подошла моя очередь. Хлопцы сходили в сад за фруктами, но принесли только сливы. Больше ничего нет. Все выбрали. И вот, пишу письмо и уплетаю сливы. Ох, и сладкие!

Минут пятнадцать назад наш комбат гонял фрицев. И я — участник этого. Передавал команды. Это моя работа. А также ходил за обедом. А время уже собираться за ужином. Вот так примерно в данное время проходят дни.

Купаться в Днестре уже не хожу. Нельзя: малярия меня трясет после купания. Да и надоело уже. Скорее бы вперед. Там, впереди, все наши трофеи. Вот видите, на чем пишу. Ну, ничего, будем живы, все будет.

Ваш сын Владимир».

27 ноября 1944 года.

«Привет из Польши. 2 часа ночи. Все уже спят, а мне не спалось, и я решил написать.

Пишу при лампе, и то она уже гаснет: нет горячего. Не знаю, хватит или нет. Немного о себе. Жизнь проходит по-старому, то есть по-тыловому. По правде сказать, уже и надоело.

А между прочим, сегодня мой день рождения. Но справить его позабыл. Попозже, но все-таки я его справлю. Ведь, как говорится, лучше позже, чем никогда. А в основном, прекрасная маркиза, все хорошо как никогда. Ну и так далее.

Живу у пана. Вот он сейчас подошел и рассказал мне, как он служил в русской армии. Вообще старина веселый. Впрочем, ну его к монаху. Порубать что-то захотел. А пюре картофельное рядом. Ну что же, на него Богу не молиться? Ведь дело солдатское: встал ночью — рубай.

Ну, пожалуй, хватит, а то уж совсем заболтался. С тем до свидания. Ваш сын Владимир».

28 ноября 1944 года.

«Ну что ж! Еще раз здравствуйте, пишу 28 ноября. Решил еще с грузчиком поговорить, вернее, не поговорить, а спеть ему песенку. Так слушай.

*Спит деревушка.
Где-то старушка
Ждет — не дожидается сынка.
Сердцу не спится, старые спицы
Мелко дрожат в руках.
Ветер соломой шуршит в трубе,
Песню мурлычет кот в избе.
Спи, успокойся, шалью укройся,
Сын твой вернется к тебе.
Утречком ранним
ветром неожиданным
Сын твой вернется домой.
Крепко обнимет,
валенки снимет,
Сядет за стол с тобой.*

1941-1945

*Будешь смотреть,
не спуская глаз,
Будешь качать головою не раз,
Нежно и сладко
плакать украдкой,
Слушая сына рассказ.
Ласково солнце глянет в оконце,
Стает с окошечка лед,
Жизнь фронтовая, даль голубая,
Где протекал полет.
Глянешь на сына разок-другой.
Летная куртка и брови дугой.
Крепко прижмешься
и улыбнешься,
Не пропадет, мол, такой.*

Вот и все. Мировая вещь? А?».

Из письма В. С. Позднякова, друга Владимира Новгородцева

«Володя Новгородцев. Ведь он еще совсем мальчишка, а ведь это он и ему подобные сверстники грудью стояли на защите наших рубежей в борьбе со злейшим врагом всего человечества — немецким фашизмом. Это они преградили дорогу коричневой чуме, промаршировавшей в своих грязных сапогах по всей Европе. Это они горели в танках. Это они бросались на пулеметные жерла дотов. Бросались, не думая о своей жизни,

а для того, чтобы ценой своей жизни спасти от смерти сотни и тысячи своих товарищей по борьбе. Поэтому вот и числятся с тех пор в списках погибших такие мальчишки, как Володя Новгородцев, Ваня Булатов, Веня Пьянков, Гриша Пахоруков, Геша Елькин и многие другие, бывшие ученики Верхнепышминской школы, в которой теперь учитесь вы. Гордитесь их именами. Именами этих беззаветных мальчишек, подвиги которых овеяны славой и человеческой доброй памятью. Ведь благодаря им вы теперь учитесь и живете в такое счастливое время. Живете в нашем прекрасном настоящем, под мирным небом, с целеустремленной надеждой, во славу нашей Великой Родины! Только учитесь хорошо и учитесь много и многому, потому что вы, и никто другой, должны прийти на смену своим старшим поколениям. Прийти смелыми, мужественными, достойными, чтобы быть готовыми всегда и ко всему, что потребуется выполнять на вашем жизненном пути.

Жизненный путь человека, будь то мирное или военное время, не прост и не легок. В нем всегда есть место трудностям и подвигам, для того вот и нужно быть готовым выстоять при любых тяготах и невзгодах, в любом, казалось бы, безвыходном положении, — только в этом случае каждый из вас сможет потом гордиться и собой, и своим поколением, передавая обретенный в трудностях опыт более молодым.

О личности бывшего ученика вашей школы Володи Новгородцева, погибшего в Великой Отечественной войне, я знаю немало. Он был, как и брат его — Вениамин, моим соседом и другом. Жили мы с ним по ул. Красных Партизан. Мы — в доме № 40, они — в доме № 42. Росли мы вместе, учились тоже в одной школе, в которой теперь учитесь вы.

Детство и школьные годы у нас, как и у всех детей нашего поколения, проходили не беззаботно. Начиналась индустриализация страны. Строились и возводились фабрики и заводы, где трудились наши родители, не жалея на то ни сил, ни времени. Это их руками построен был медеэлектролитный завод, обогатительная фабрика, шахты, наши школы. И мы, чтобы хоть как-то облегчить их труд, брали на себя обязанности по дому и по хозяйству. Возили из леса и готовили на зиму дрова, собирали грибы и ягоды, заготавливали для скота корм, постоянно выполняли различные работы в огородах, носили из колодцев воду, убирали во дворах снег, и много, много других забот и хлопот лежало на наших плечах.

Но тем не менее наше «босоногое детство» запомнилось нам. Мы катались на коньках и лыжах, купались и загорали на реках и озерах, играли в футбол, городки, лапту и многие другие игры, без которых детство не представлялось нам и не мыслилось.

1941-1945

Школьное время нашего поколения отличалось от вашего, современного. Мне хочется отметить внезапное повзросление и возмужание вчерашних «школяров», когда их детство опалила, оборвала вспыхнувшая война... И казалось, ничего уже нет особенного в том, что, надев на свои жиденькие и неокрепшие плечи солдатские гимнастерки, шинели и вещмешки, встали мальчишки в ряды защитников нашей великой Родины.

С Володей мы переписывались все время, сколько он был на фронте, пока не была получена похоронка... Это мне, Ваське Позднякову, писал он письма с фронта, но не было заветным в то время хранить солдатские письма — не сохранил их и я, о чем приходится теперь горько сожалеть. Но зато свято храню фотографию, присланную мне Володей с фронта. Я храню ее в память о своем погибшем друге и о детстве, пролетевшем, как сон. Фотография эта мне очень дорога, но тем не менее я высылаю ее для школы, чтобы и другие видели и знали, каким был Володя в те далекие, опаленные войной годы».

Письмо Николая Осова

«Здравствуйте, дорогие родители Новгородцева Владимира Германовича. Пишет вам его товарищ Николай и сообщает вам о его жизни. Правда, трудно выразить это, но ничего не поделаешь — война. Ваш сын 2 февраля 1945 года во время расширения плацдарма был убит. Он погиб смертью храбрых, и его имя не забудут все воины. Мы будем хранить его имя в сердцах своих и будем мстить за него, только прошу вас, не расстраивайтесь. Ведь у меня тоже погибло два брата, и сам тоже смотрю смерти в глаза.

На этом до свидания.

Жму ваши руки, Н. Осов».

Во многих письмах родным Володя посылал тексты песен. Сегодня едва ли можно установить их авторство. Ниже мы публикуем еще две неизвестные никому фронтовые песни.

Здравствуйтесь дорогие родители
Новгородцева Владимира Германовича
Обижен Вам его товарищ Осов Николай
и сообщает Вам о его жизни.
Правда трудно выразить это,
но ничего не поделаешь война.
Ваш сын 2 февраля 1945 года
во время расширения плацдарма
был убит, он погиб смертью храбрых
и его имя не забудут все воины.
Мы будем хранить его имя в сердцах
своих и будем мстить за него
только прошу вас не расстраивайтесь
ведь у меня тоже погибло два брата
и сам тоже смотрю смерти в глаза.
На этом до свидания
Жму Ваши руки Н. Осов

*В степях далекой Украины
Сражался с фрицем паренек.
В кармане карточку Галины
Дороже жизни он берет.*

*Свистели пули, рвались мины,
Валились люди на глазах,
Но имя девушки Галины
В нем подавляло всякий страх.*

*И вот 12-го мая
Пошел на Харьков паренек,
Его поймала пуля злая —
Он дальше двигаться не мог.*

*Он видит: фрицы ползут к тылу,
Парнишка вскинул автомат,
Шел за себя и за Галину,
Шел за любимый Ленинград.*

*Все тише слышались удары,
Бой удалялся, утихал.
Его подняли санитары,
Парнишка в госпиталь попал.*

*Врачи лечили, будто сына,
И он пошел обратно в бой.
И сердце девушки Галины
Носил по-прежнему с собой.*

*Но между Харьковом и Курском
Паренек и тысяча бойцов
Остались в коридоре узком:
Попали в тесное кольцо.*

*Была тяжелая картина,
Но все ж прорвался он к своим,
И сердце девушки Галины
Было, как раньше, вместе с ним.*

1941-1945

Последнее стихотворение, высланное Володей родным

*О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?
Гармонь твоя стонет и плачет,
И ленты повисли, как траурный флаг,
Скажи нам, что все это значит?
Не ты ли, моряк, в рукопашном бою
Сражался с врагами геройски.
Так что же тревожило душу твою,
Скажи нам, товарищ, по-свойски.
Друзья, я вам горе свое расскажу,
От вас я таиться не стану.
Незримую жгучую рану ношу,
Кровавую жгучую рану.
Есть муки, которые смерти страшней,
Они мне навеки достались.
Над гордою светлой любовью моей
Немецкие псы надругались.
Ее увели на позор и на стыд,
Скрутили ей нежные руки...
Отец ее ранен, братишка убит,
Так мне написали подруги.
Я сон потерял и во мраке ночей,
Как только глаза закрываю,
Любовь свою вижу в глазах палачей
И в кровь свои губы кусаю.
И нет мне покоя ни ночью, ни днем,
От ярости я задыхаюсь.
И только в атаке, в бою под огнем
Я мстью своей утешаюсь.
С товарищем вместе тоскует гармонь,
Рыдает и плачет трехрядка.
Скорей бы услышать команду «Огонь!»
И броситься в смертную схватку.*

ОГАРКОВ Леонид Семенович

(1921—1941)

Красноармеец

Погиб за Украину

Из воспоминаний Ю. С. Кустовой,
сестры Леонида Огаркова

«Наша семья родом из Орловской области из города Болхова, переехала на Урал на строительство ПМЭЗ.

Леонид в 1940 году закончил 10 классов средней школы № 1. Очень любил читать, увлекался футболом, участвовал в соревнованиях по лыжам, любил играть в шахматы. За участие в лыжных состязаниях несколько раз получал грамоты. Часто целые дни проводил в лесу, уходил на 30 километров. Очень любил животных.

В 1940 году после окончания 10-го класса был призван в армию и направлен в город Хмельницкий Винницкой области вместе со своим другом Омеличкиным. В армии он тоже не раз занимал первые места в различных спортивных соревнованиях. Леонид был зачислен в ВДВ. Там, в Хмельницком, в армии его и застала война.

Последнее его письмо было получено в начале войны, когда шли бои на Украине. Он писал, что обстановка на фронте очень тревожная и что они готовятся к бою. Больше писем не было. Возможно, для него этот первый бой был последним».

На запрос родителей о судьбе сына был получен ответ, что лейтенант Огарков Леонид Семенович погиб, защищая Родину. А вот выписка из архивной справки ЦАМО города Подольска Московской области от 06.12.2001 года № 9/137391:

«Рядовой Огарков Л. С., 1921 года рождения, уроженец Орловской области города Болхова, призван Орджоникидзевским РВК г. Свердловска, пропал без вести в декабре 1941 года.

Основание ЦАМО, донесение № 2764 с 1949 года».

Сложная обстановка на фронтах Великой Отечественной войны не позволяла установить судьбу многих военнослужащих, поэтому они были признаны пропавшими без вести.

В какой части проходил службу Леонид, где и при каких обстоятельствах пропал без вести, сведений в донесении нет.

По архивным данным, город Хмельницкий был захвачен немецкими войсками 8 июля 1941 года. В районе города был создан лагерь для военнопленных под названием «Шталаг-355»,

1941-1945

в котором было уничтожено около 60 000 советских солдат, а сколько всего было там советских военнопленных — неизвестно. В городе шли массовые расстрелы мирных жителей. Погибло более 16 тысяч мирного населения. Лагерь размещался в районе Раково — Гречаны. В составе «Шталага-355» было 3 подразделения, на территории бывшей железнодорожной станции Гречаны. В самом городе были выстроены бараки. В Ракове пленные были распределены в бараках по национальности. В день выдавали по 300 граммов хлеба, смешанного с отрубями, и две тарелки супа из ботвы.

Как сложилась судьба Леонида Огаркова, сказать трудно: находился ли он в лагере «Шталаг-355» или отступал вместе с советскими войсками.

Город Хмельницкий расположен в 250 км от границы, юго-восточнее главного удара немецких войск в направлении Владимир-Волынский — Луцк — Дубно, и потому можно предполагать, что командование части, в которой служил Леонид, предприняло все меры, чтобы не дать врагу уничтожить военный гарнизон.

Погиб Леонид в декабре 1941 года, то есть, возможно, целых полгода он вместе с отступающими солдатами отражал вражеские атаки, выходил из окружения, терял своих однополчан, подвергался артобстрелам и налетам немецкой авиации.

Официальные документальные данные из книги «1418 дней войны»

Из воспоминаний Г. К. Жукова

«К стратегической обороне наши войска переходили в процессе вынужденного отхода. Действовать приходилось в невыгодных оперативно-тактических группировках, а при недостатке сил и средств мы не могли иметь глубокого построения обороны и особенно ее костяка — противотанковой обороны.

Нельзя не упомянуть о слабости зенитных средств нашей противовоздушной обороны. Господство в воздухе в начальном периоде войны было на стороне противника, что значительно подрывало боевую устойчивость нашей армии».

Из воспоминаний И. Х. Баграмяна

«Первые дни, после того как на тылы войск Юго-Западного фронта вышли фашистские танковые группировки, гарнизон

города Гадяча являлся единственной частью, которая на участке в несколько десятков километров преграждала пути продвижению противника на Восток.

Гарнизон Гадяча оказывал большую помощь выходившим из окружения. Сколько людей, оборванных, голодных, израненных, одели, обули и накормили хозяйственники гарнизона во главе с Алексеевым и Гарчиковым.

На рассвете 20 сентября оказались у хутора Дрюковщина — километрах в 15 юго-западнее Ловицы.

В колонне штаба фронта насчитывалось более 1000 человек, из них 800 офицеров. С ними по-прежнему находились генерал-полковник Н. П. Кривонос, члены военного совета фронта М. А. Бурмистенко и др. С колонной следовали 6 бронемашин, 2 противотанковых орудия и 5 счетверенных зенитных пулеметных установок.

А фашисты уже обнаружили исчезнувший ночью штаб фронта. Когда утренний туман рассеялся, советские разведчики доложили: с востока и северо-востока идут немецкие танки. Прибывшие с юго-запада отставшие бойцы сообщили, что и с этого направления приближаются вражеские мотоциклисты и танки.

Минут через двадцать враг атаковал рощу с трех сторон. Танки

вели огонь из пушек и пулеметов, за ними шли автоматчики. В гром и треск вплетались редкие выстрелы наших пушек — их было мало, да и приходилось беречь каждый снаряд. Танки прорвались к восточной опушке рощи. С ними вступили в схватку офицеры, вооруженные гранатами и бутылками с бензином. Две вражеские машины загорелись, остальные откатились.

Командующий, члены Военного совета, генералы Тупиков и Потапов стали совещаться, как быть дальше: сидеть в роще до вечера или прорываться сейчас же. Но тут началась новая атака. Подъехавшая на машине немецкая пехота сходу развернулась в цепь и двинулась в рощу под прикрытием огня танков. Когда они достигли опушки, окруженные во главе с Кирпоносом, Бурмистенко, Рыковым, Тупиковым, Потаповым и Писаревским солдаты бросились в контратаку. Гитлеровцы не выдержали рукопашной схватки и отступили.

В контратаке генерал Кирпонос был ранен в ногу. Его на руках перенесли на дно оврага, к роднику. Сюда же доставили раненого и тяжело контуженого командарма Потапова. Боевой начальник штаба генерал Писаревский геройски пал на поле боя.

Примерно в половине седьмого вечера Кирпонос, Бурмистенко и Тупиков в кругу командиров обсуждали варианты прорыва, который намечалось осуществить с наступлением темноты. В это время противник начал интенсивный минометный обстрел. Одна мина разорвалась возле командующего. Кирпонос без стога приник к земле. Товарищи кинулись к нему. Генерал был ранен в грудь и голову. Через две минуты он скончался. Адьютант командующего, майор Гненный со слезами на глазах снял с кителя генерала Золотую Звезду и ордена.

Ночью Тупиков повел людей в атаку. Внезапно, без единого выстрела они ринулись на врага. Пока растерявшиеся фашисты пришли в себя, многие наши бойцы и командиры пробили себе дорогу. После долгих мытарств они вышли к своим. Среди них были генералы Добыкин, Данилов и Панюхов, полковник Глебов и другие наши товарищи. Генерала Тупикова с ними не оказалось: он погиб в перестрелке у хутора Овдиевка, в двух километрах от рощи Шумейково.

Об участии других наших товарищей, которые не смогли пробиться из рощи, стало известно уже после освобождения Левобережной Украины в 1943 году. Жители окрестных хуторов рассказывали, что в роще еще более суток длилась перестрелка.

24 сентября, когда все стихло и гитлеровцы уехали, колхозники пробрались к месту боя. Они увидели бездыханные тела советских бойцов и командиров, которые погибли, не выпустив оружия из рук. В магазинах пистолетов и винтовок не оставалось ни одного патрона.

Ныне здесь над братской могилой высится величественный памятник — могучая фигура советского солдата с автоматом в руках. А у родника — мраморная плита с надписью: «На этом месте 20 сентября 1941 года погиб командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Кирпонос М. П.».

ИЗ ПИСЬМА

*Когда я вижу, как убитый
Сосед мой падает в бою,
Я помню не его обиды,
Я помню про его семью.*

*Мне представляется невольно
Его обманчивый уют.
...Он мертв уже. Ему не больно,
А их еще... письмом убьют!*

И. Уткин

1941-1945

Со всеми жил одной судьбой

Николай учился в средней школе № 1 вместе со своим другом Леонидом Огарковым. Вместе они 15 декабря 1940 г. ушли на действительную службу, которая проходила на Украине. Леонид Огарков служил в городе Хмельницком, а на расстоянии каких-нибудь 60–70 км к северо-западу от него начал службу Николай Степанович Омеличкин — в городе Староконстантинове (Киевский военный округ, командующий округом М. П. Кирпонос).

По данным архивов, Николай Омеличкин пропал без вести под Каменец-Подольским. В донесении не сохранилось сведений ни о части, в которой служил Николай, ни о том, как и где он пропал без вести.

К 9 июля 1941 года закончились приграничные сражения в Прибалтике, Белоруссии, Западной Украине. С начала войны фронт переместился от западной границы СССР от города Пярну через Псков, Витебск к югу по реке Днепр до города Речицы; далее линия фронта шла через Староконстантинов, Каменец-Подольский, реки Прут и Дунай до Черного моря.

3 августа части 6-й и 12-й армии оказались в окружении, что осложняло обстановку на стыке Юго-Западного и Южного фронтов (отдельные группы этих армий, прорываясь на восток, сражались до 15 августа).

Мощный и неожиданный удар врага и его стремительное продвижение вглубь территории на некоторое время ошеломили наши неподготовленные войска. Чтобы привести их в боевую готовность, потребовалось длительное время.

Из воспоминаний К. К. Рокоссовского

«Наблюдались случаи, когда даже целые части, попавшие под внезапный фланговый удар группы вражеских танков и авиации, подвергались панике...

Боязнь окружения и страх перед воображаемыми парашютными десантами противника в течение длительного времени были настоящим бичом наших солдат. Подлинный героизм проявляли гарнизоны Бреста, Либавы. Сейчас на первый план была поставлена задача задержать, остановить врага. Это вопрос жизни и смерти для всей страны. И только там, где были крепкие кадры командного и политического состава, люди в любой обстановке дрались уверенно, оказывая врагу организованный отпор...

**ОМЕЛИЧКИН
Николай
Степанович**

(1922–?)

Красноармеец

1941-1945

Главнейшими целями нашей стратегической обороны в тот период были:

— задержать фашистские войска на оборонительных рубежах возможно дольше, с тем чтобы выиграть максимум времени для подтягивания сил из глубины страны и создания новых резервов, переброски и развертывания их на важнейших направлениях;

— нанести врагу максимум потерь, измотать и обескровить его и этим несколько уравновесить соотношение сил;

— обеспечить мероприятия, проводимые партией и правительством по эвакуации населения и промышленных объектов вглубь страны, выигрывать время для перестройки промышленности на нужды войны;

— собрать максимум сил для перехода в контрнаступление, с тем чтобы не только сорвать гитлеровский план войны, но и разгромить фашистскую Германию и ее сателлитов».

СОРОКОВОЙ ГОД

*Сороковой год.
Пороховой склад.
У Гитлера дела идут на лад.
А наши как дела?
У пограничного столба.
Где наш боец и тот — зольдат, —
Судьбе глядит в глаза судьба
С утра до вечера. Глядят!*

*День начинается с газет.
В них ни словечка — нет,
Но все равно читаем между строк,
Какая должность легкая — пророк!
И между строк любой судьбу прочтет,
А перспективы все определяют:
Сороковой год.*

*Пороховой склад.
Играют Вагнера со всех эстрад.
А я ему — не рад.
Из головы другое не идет:
Сороковой год —
Пороховой склад.*

*Мы скинулись, собрались по рублю,
Все, с кем пишу, кого люблю,
И выпили. И мелем чепуху,
Но Павел вдруг торжественно встает:
— Давайте-ка напишем по стиху
На смерть друг другу. Год — как склад
Пороховой. Произведем обмен баллад
На смерть друг другу.
Вдруг нас всех уьет,
Когда взорвет
Пороховой склад
Сороковой год...*

Б. Слуцкий

1941-1945

«Если враждебной шрапнелью...»

*Если враждебной шрапнелью
Случайно меня поразит,
И сердце под серой шинелью
Навеки в груди замолчит,
То пусть это тусклое фото,
Когда его в руки возьмешь,
Напомнит знакомое что-то...
Ты вспомнишь и тихо вздохнешь.*

Эти стихи были написаны Андреем Осеевым на обратной стороне его фотографии, присланной родным с фронта. И вот в наших руках это «тусклое фото», хрупкий, пожелтевший от времени снимок солдата. Солдата Великой Отечественной войны, юного защитника Страны Советов. Новенькая, еще не побывавшая в бою серая шинель, из-под которой виднеется белая полоска — подворотничок на вороте гимнастерки. По-молодецки горделиво надета шапка с красной звездой. Аккуратность, отличная солдатская выправка. Это Андрей Осеев, верхнепышминец, ученик школы № 1 поселка Медный Рудник. Светлый взгляд, добрые, умные глаза. Смотришь на эту фотографию, и возникает грустное щемящее чувство. Вспоминается стихотворение поэта-фронтовика Е. Винокурова: «Не могли мы то слово война ни понять, ни осмыслить, как надобно, с другом».

Призван в армию Андрей Осеев был в 1942 году. Служил в 16-й стрелковой дивизии. 5 апреля 1945 года в Литве Андрей погиб и похоронен в деревне Любава под городом Приекувье Лиепаевского района.

Дивизия была сформирована 16 февраля 1942 года, ее личный состав состоял в основном из литовцев. Командиры почти всех подразделений были литовцами. В боевых донесениях дивизии отмечается, что в 1945 году в районе деревни Любава шли кровопролитные бои. Деревня, за которую сражалась рота Андрея Осеева, неоднократно переходила то к немцам, то в распоряжение наших войск. Есть в списках безвозвратных потерь ЦАМО г. Подольска такая запись: «Труп Осеева А. Д. оставлен в расположении войск противника». Позже, когда наши войска полностью захватили деревню Любава, уничтожив противника, тело Андрея было захоронено в братской могиле в деревне.

**ОСЕЕВ
Андрей
Дмитриевич**

(1923—1945)

**Старший сержант
16-й стрелковой дивизии**

1941-1945

Всматриваешься в пожелтевшую фотографию, и так не хочется верить в гибель этого славного парня.

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО

*Мелькали дома и опушки,
Дымился туман над водой.
И мылся в гремящей теплушке
Чуть свет лейтенант молодой.*

*Он ждать не хотел остановки,
Входя в ослепительный день.
А сзади его для страховки
Держали за брючный ремень.*

*Стоял он в летящем вагоне,
Судьбу принимая свою,
И лили ему на ладони
Воды неудобной струю.*

*В разбитом очнувшись мире,
Мечтавшем забыть про беду,
Уже километра четыре
Он мылся на полном ходу.*

*Смеющийся, голый по пояс,
Над самым проемом дверей.
И яростно нес его поезд
В пространство — скорей и скорей!*

*Пред странами всеми, что плыли
В предчувствии мирной страды,
Военного пота и пыли
Усердно смывал он следы —*

*Весной сорок пятого года,
Своею удачей храним...
Солдаты стрелкового взвода,
Как в раме, стояли за ним.*

К. Ваншенкин

За великую правду в огне умирал

Анатолий Парсницкий. Фамилия в поселке Медный Рудник очень редкая. Жил Толя по улице Калинина, 18 вместе со своей мамой Софьей Трофимовной Нетто. Его лучшим школьным другом был Борис Суворов. Их связывала крепкая дружба, хотя Борис был младше Анатолия на один год.

Из воспоминаний В. П. Деменевой, классного руководителя Бориса Суворова

«Борис с огромным уважением и особой заботливостью относился к Анатолию. Импонировали они друг другу серьезно. Бывало, на школьных вечерах стоят вместе или сидят оба в сторонке. Кругом там песни, веселье, но они решают свои серьезные проблемы. В своих письмах с фронта Борис постоянно спрашивал меня о Толе. А я ничего ему ответить не могла, так как писем с фронта от него почти не было».

Воспоминания Михаила Северюхина, выпускника 1941 года, участника Великой Отечественной войны

«21 июня в школе у нас был выпускной бал. Мы закончили 10 классов. 22 июня всем классом пошли на озеро Балтым, там и узнали, что на западе и юге нашей страны падают на города фашистские бомбы, гибнут наши люди. Мы вернулись с Балтыма, всем классом ринулись в райком комсомола требовать «немедленно отправить нас на фронт». Имея значки ГТО («Готов к труду и обороне»), мы наивно полагали, что и в самом деле готовы сразу вступить в бой. Райком комсомола и райком партии размещались в одном деревянном барачного типа здании. Возле него была огромная толпа народа. Наверное, все мужское население поселка собралось там. Были и женщины. На крыльце и в дверях была плотная пробка, не менее плотной была она и в коридоре. Пройти нам всем было невозможно. Виктор Лебедев, наш самый спортивный парень, вызвался пробраться один и от имени всех передать наши требования. Ждали мы его долго. Пробирался он с трудом.

Вышел с оторванными пуговицами на рубашке и грустно так сообщил: «Юра (секретарь райкома Ю. Спицин, именем которого названа одна из улиц Верхней Пышмы) сказал: «Ждите. Попадёте — вызовем».

ПАРСНИЦКИЙ Анатолий Иннокентьевич

(1924—1943)

Лейтенант, командир танка
101-й танковой бригады

1941-1945

У СГОРЕВШЕГО ТАНКА

*Бронейбойным снарядом
Разбитый в упор лобовик,
Длинноствольная пушка
Глядит немигающим взглядом
В синеву беспредельного неба...
Почувствуй на миг,
Как огонь полыхал,
Как патроны рвались и снаряды,*

*Как руками без кожи
Защелку искал командир,
Как механик упал,
Рычаги обнимая,
И радист из «ДТ»
По угрюмому лесу пунктир
Прочертил,
Даже мертвый,
Крючок пулемета сжимая.*

*На кострах умирали когда-то
Ян Гус и Джордано Бруно,
Богохульную истину
Смертью своей утверждали...
Люк открой
и взгляни в эту башню...
Где пусто, черно —
Здесь погодки мои
За великую правду
В огне умирали!*

С. Орлов

Мальчикам нашим долго ждать не пришлось. Их вскоре вызвали и направили в военное училище. Одни стали танкистами, другие артиллеристами. Я был направлен в пехотное училище.

Накануне моего отъезда на фронт, мы все втроем сфотографировались в пышминском лесу: Толя, Борис и я. Фотографировал нас Толя Парсницкий с помощью нитки, которую привязывал несколько раз к фотоаппарату, а сам фотоаппарат он прикрепил к дереву. Мы жили по соседству и дружили друг с другом. После ухода в армию я не встречал больше ни Бориса, ни Толю...

Как мне стало позже известно, Толя сгорел в танке в Отечественную войну».

Анатолий, не закончив 10 классов, весной 1942 года ушел в армию вместе с большинством ребят своего класса. Учился вместе с Александром Шаманаевым на курсах в танковом училище в Кургане. После окончания училища, получив звание младшего лейтенанта, все выпускники были направлены на фронт.

Более точных данных о дальнейшей судьбе и месте гибели Анатолия нет. Известно лишь, что он погиб в 1943 году. Мама Анатолия, Софья Трофимовна Нетто, уехала из Верхней Пышмы, получив трагическое сообщение о сыне.

В электронном архиве «Мемориал» значится: «Парсницкий Анатолий, танкист, пропал без вести в 1943 году». Скорее всего, на Орловско-Курской дуге.

1941-1945

Он был храбрым и свою жизнь отдал за освобождение земли русской

В сентябре 1943 года в дом Пахоруковых пришло письмо. Обычное солдатское письмо. Треугольничек. На письме Гришин адрес. Штамп: «Проверено военной цензурой». «От Гриши письмо!» — обрадовалась Мария Степановна. Та же воинская часть, но почерк... Почерк незнакомый. Кольнуло сердце у матери Григория. Почему не сам-то Гриша? Распечатала письмо. Из первых же строчек поняла: что-то с Гришей. Неужели?..

«Здравствуйте, уважаемая мать нашего боевого гвардейца Пахорукова Г. В.!

Ваш сын героически сражался с немецкими оккупантами за освобождение нашей священной земли от немецких зверей. Мать, ваш сын — офицер нашей доблестной Красной армии, как и многие другие, гвардейски громил врага, отдавал все силы для быстрого изгнания с нашей Родины немецких оккупантов. В одном из боев злодейский осколок задел его, и он был тяжело ранен. 10 августа 1943 года был направлен в госпиталь, но по дороге скончался. Мать, благодарим за воспитание сына-офицера, он был храбрым и свою жизнь отдал за освобождение.

С большим фронтовым приветом, Катрич Дмитрий Александрович».

И сразу все померкло в доме. Помутнело в глазах у Марии Степановны. Строчки письма слились в одно большое черное пятно. Сколько сидела в немом оцепенении с письмом в руках, она не помнит. Все не верила. Не может быть. Наверное, ошибка какая-то. Слез не было. Только в горле все сжалось. Она все вспоминала и вспоминала... И корила себя за то, что не пошла тогда провожать его до Развилоч...

Уходил Гриша на фронт вместе со своими одноклассниками. Ушли они весной, не окончив 10 классов. В тот день в школе учителя пригласили всех ребят, уходивших на фронт, в учительскую. Посадили за стол, хотели угостить их на прощание перед дальней дорогой. На столе, как позволяло то время, капуста квашеная, картошка. Каждому по кусочку хлеба, стакан чая с сахаром и венской булочкой. Но никто не притронулся к еде. Учителя и одноклассницы желали быстрее возвра-

ПАХОРУКОВ Григорий Васильевич

(1924—1943)

Гвардии лейтенант
26-й гвардейской
стрелковой дивизии
57-го гвардейского
артиллеристского полка,
командир огневого взвода

1941-1945

щаться домой, возвращаться с Победой. «Ждем вас, очень ждем вас», — говорили девчата, смущаясь. Все верили, что они обязательно придут домой. Ребята все крепкие, здоровые, сильные. «Вы сильные духом, — говорила Прасковья Павловна, директор школы. — Вы выдержите. Будет трудно, но вы выдержите. Вернетесь с фронта, вам аттестаты зрелости выдадут». А было им всего-то 18 годков, а Грише еще и 18 не исполнилось.

А потом всем классом пошли провожать. Шли пешком. Дорогой ребята смеялись, бросали в девчонок снежками. Весна ведь была. Снег уже подтаивал. «Долго стояли мы, — рассказывала девочка-одноклассница, — пока наши парни не исчезли из вида уже у деревни Пышмы».

Сначала Гришу направили на учебные курсы, на 4 месяца. После окончания курсов присвоили звание лейтенанта и отправили на фронт. Мария Степановна все хотела узнать, где, на каком участке большого фронта воюет ее Гриша. В одном письме он написал название города, но цензура все зачеркнула.

В конце сентября 1943 года пришла похоронка. В ней было написано: умер от ран 07.09.1943 года и похоронен около деревни Лидино, в километре юго-западнее от нее, в Орловской области.

Из книги А. Верта, английского корреспондента газеты «Санди таймс» и радиокompании BBC

«После поражения немецкой армии под Сталинградом Гитлер заявил, что немецкая армия должна наверстать летом то, что было упущено зимой. Ему крайне нужна была эффективная победа — что-нибудь вроде победы Красной армии под Сталинградом. Курский выступ между Орлом на севере и Белгородом на юге (выступ, который советские войска заняли прошлой зимой) представлялся самым подходящим местом для нанесения сенсационного поражения русским.

Советское командование рассматривало Курский выступ как плацдарм для развития наступления с задачей освобождения Орловской и Брянской областей на северо-западе и Украины на юго-западе. Здесь оно сосредоточило колоссальные силы. Начиная с марта месяца русские укрепляли выступ, вырыв тысячи километров окопов, соорудив тысячи огневых точек. Глубина обороны по северному, западному и южному краям выступа достигла 100 километров.

Курский выступ представлялся особенно подходящим местом для нанесения такого удара. В результате одновременного наступления немецких войск с севера и юга окажется отрезанной мощная группировка русских солдат. Надеялись также разгромить и те оперативные резервы, которые противник введет в бой. Кроме того, ликвидация этого выступа значительно укоротит линию фронта... Правда, кое-кто даже тогда утверждал, что противник ожидает наступления немцев именно в этом районе и поэтому есть опасность потерять больше своих сил, чем нанести потерь русским... Однако переубедить Гитлера было невозможно, и он считал, что операция «Цитадель» увенчается успехом, если предпринять ее в скором времени».

Немцы сосредоточили вокруг выступа две тысячи танков (по советским данным — более трех тысяч), из них более половины — на южном участке, где командовал генерал Гот, и около двух тысяч самолетов.

«При таком массовом сосредоточении войск Гитлер ожидал сражения с большой уверенностью в победе. Он не сомневал-

1941-1945

ся, что северная и южная группировки прорвут оборону русских и замкнут кольцо окружения восточнее Курска. Однако вопреки ожиданиям понадобилось очень мало времени, чтобы убедиться, что наступление провалилось, хотя наши войска напрягли силы до предела. Наши атакующие части глубоко вклинились в оборону русских, но несли очень тяжелые потери, а 7 июля русские бросили в бой еще большее количество тяжелых танков. Немецкая 4-я танковая армия вела особенно тяжелые бои. Максимум, на что она могла надеяться, — это не быть отброшенной назад. Возникли серьезные сомнения относительно исхода операции «Цитадель». Тем не менее 10 июля Гитлер приказал продолжить наступление.

В действительности после первоначальных тактических успехов в Курской битве уже давно наступила пауза, а 12 июля русское командование неожиданно нанесло удар в направлении Орла — в тыл 9-й немецкой армии (северный край Курского выступа)...

13 июля Гитлер неохотно отдал приказ прекратить операцию «Цитадель». Это решение было стимулировано также тем фактом, что итальянцы не сумели защитить Сицилию, и вырисовывалась необходимость послать в Италию немецкие подкрепления».

За четыре дня немцам удалось лишь кое-где и неглубоко вклиниться в Курский выступ: на севере — примерно на 16 км по фронту шириной 20 км, на юге — примерно на 50 км по фронту той же ширины. Около 150 км разделяли наступавшие навстречу друг другу немецкие войска, когда битва замерла.

Почти все танковые части немцев были потрепаны настолько, что восстановить их силы было невозможно. В конце концов, немцы потеряли инициативу, и ее перехватила Красная армия.

В первый же день битвы стали ясны два немаловажных факта: то, что Германия бросила в бой огромные силы, и то, что эти силы несут невиданные по масштабам потери, не достигая при этом успеха. В сводке за первый день сражения сообщалось:

«С утра 5 июля наши войска на Орловско-Курском и Белгородском направлениях вели упорные бои с перешедшими в наступление крупными силами пехоты и танков противника, поддержанных большим количеством авиации. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями, и лишь в отдельных местах небольшим отрядам немцев удалось незначительно вклиниться в нашу оборону. По предварительным данным, нашими войсками на Орловско-Курском и Белгородском направлениях за день боев подбито и уничтожено 586 немецких танков, сбито 203 самолета противника. Бои продолжаются».

Вот что сообщил немецкий капрал, захваченный в районе Белгорода:

«Наш медперсонал не успевал оказывать помощь всем раненым. Один санитар сказал мне, что медпункт похож на бойню».

В советской сводке за 15 июля сообщалось о начале контрнаступления на Орел и указывалось, что за три дня после прорыва на ряде участков Орловского клина советские войска продвинулись на 25–50 км.

По имеющимся оценкам, в Курской битве участвовало с обеих сторон 6 тысяч танков и 4 тысячи самолетов. Это была такая гигантская бойня на небольшой территории, страшнее которой еще не было. Район к северу от Белгорода и Харькова (где немцы проникли примерно на 50 км в пределы Курского выступа) превратился в мрачную пустыню — даже все деревья и кусты здесь были сметены артиллерийским огнем. Поле боя все еще было усеяно сотнями сгоревших танков и разбитых самолетов, и даже за несколько километров отсюда в воздухе стоял смрад от тысяч полузарытых трупов.

ПОЛМИГА

Нет,
 Не до седин,
 Не до славы
 Я век свой хотел бы продлить —
 Мне б только
 До той вон канавы
 Полмига,
 Полшага прожить,
 Прижаться к земле
 И в лазури
 Июльского ясного дня
 Увидеть оскал амбразуры
 И острые вспышки огня.
 Мне б только
 Вот эту гранату,
 Злорадно поставив на взвод,
 Всадить ее,
 Врезать как надо
 В четырежды проклятый дзот,
 Чтоб стало в нем пусто и тихо,
 Чтоб пылью осел он в траву...
 Прожить бы мне эти полмига,
 А там я всю жизнь проживу!

П. Шубин

Из воспоминаний К. К. Рокоссовского

«Планомерная подготовка обороны Курского выступа началась с апреля и продолжалась до самого вражеского наступления. Строительство укреплений главной полосы велось войсковыми частями. Вначале предполагалось построить 5 оборонительных полос общей глубиной 120–130 км, позднее на отдельных участках, наиболее важных направлениях глубина была увеличена до 150–190 км.

Всего войсками фронта за апрель — июнь было отрыто до 5000 км траншей и ходов сообщения, установлено до 400 тысяч мин и фугасов. Только на участке 13-й и 70-й армий было выстроено 112 км проволочных заграждений, из которых 11 км — электризованных, и заложено свыше 170 тысяч мин.

Учитывая, что противник собирается широко применять новые силы, свои мощные танки «Тигр» и самоходное орудие «Фердинанд», мы подготовили сильные противотанковые рубежи и максимально насытили их артиллерией. К июлю на правом крыле фронта глубина противотанковой обороны достигла 30–35 км. При создании обороны особое внимание уделялось организации системы огня. Наряду с оборонительными работами войска усиленно занимались боевой подготовкой. Не менее трети всех занятий проводилось в ночное время».

По всей вероятности, Григорий Пахоруков принимал участие в оборонительных сооружениях.

Подготовка к Курской битве

Два месяца 1943 года (апрель — май) шла подготовка к летней кампании. Пулеметчики зря время не теряли, осваивали новое вооружение, автоматические винтовки с оптическим прицелом, противотанковые ружья, ручные пулеметы, знакомились с новыми типами танков противника «Тигр», «Пантера», штурмовой самоходной установкой «Фердинанд», отрабатывали приемы боя с танковым десантом.

В ночь на 5-е число началось наступление немцев на Обоянь. Перед командованием взводов была поставлена задача — занять высоту по указанному ориентиру. Бойцы двинулись в атаку, на них с высоты сыпался свинцовый град пуль. Пошли в обход высоты, но и на занятой высоте было не легче. Не успели расположиться в полуразрушенных окопах, как противник открыл огонь из артиллерии, направил на горстку солдат само-

леты, которые сбрасывали на их головы десятки бомб, гранат, каких-то бочек, при падении издающих жуткий визг.

А утром на рассвете из балки в пойме реки, которая с высоты не простреливалась, стали выползать танки с крестами, шесть из них взяли курс на нашу высотку. Советские бойцы стреляли, стараясь отрезать пехоту от танков. Это удалось — противник отступил назад в балку. На поле остались 4 подбитых танка, а два свернули в лесопосадку, левее зоны нашего обстрела.

Второй день никто из защитников не ел и не пил, но о еде даже не вспоминали. Слишком велико было напряжение. Не успели опомниться после первой танковой атаки, как под вечер пришлось отражать вторую — на этот раз на высоту двинулись около 40 танков. В этом бою из защитников высоты под хутором Веселым остались в живых единицы, и то их спасла наступившая ночь.

В этих боях участвовал наш земляк В. П. Ревтов в должности помощника командира взвода станковых пулеметов, а с 10 июля — командира отделения истребительных танков из 32 бойцов. Он вспоминает, что 12 июля в окопах и близлежащих перелесках осталось от роты 17 человек. Из них сформировали взвод, и командование поставило новую задачу — удержать позиции до подхода на помощь танковой армии.

«Прежние окопы были полуразрушены, полны трупов, и я принял решение окопаться заново позади предыдущей линии окопов. Это было верное решение, потому что основной удар гитлеровской артиллерии пришелся по пустым окопам, и силы бойцов были сохранены... Этот бой пробудил во мне беспредельную ярость к фашистам, потому что на моих глазах гибли лучшие мои товарищи».

В одном из таких боев Григорий Пахоруков был тяжело ранен. Точную дату и место его ранения установить не удалось. По дороге в госпиталь Григорий скончался.

* * *

*На фотографии в газете
нечетко изображены
бойцы, еще почти что дети,
герои мировой войны.*

*Они снимались перед боем —
в обнимку, четверо у рва.
И было небо голубое,
была зеленая трава.*

*Никто не знает их фамилий,
о них ни песен нет, ни книг.
Здесь чей-то сын и чей-то милый
и чей-то первый ученик.*

*Они легли на поле боя, —
жить начинавшие едва.
И было небо голубое,
была зеленая трава.*

*Забывать тот горький год неблизкий
мы никогда бы не смогли.
По всей России обелиски,
как души, рвутся из земли.*

*...Они прикрыли жизнь собою, —
жить начинавшие едва,
чтоб было небо голубое,
была зеленая трава.*

Р. Казакова

ПОТОСКУЕВ
Борис
Иванович

(1924—1942)

Красноармеец

Погиб, верный воинской присяге

Борис Потоскуев был призван в армию в 1940 году и направлен на Дальний Восток, в город Бикин Хабаровского края. В январе 1941 года он пишет в письме родным:

«Я живу хорошо, вступил в ряды ВЛКСМ. Несу общественную нагрузку, рисую, и поэтому времени свободного нет, зато имею уже несколько благодарностей. В армии самое главное — все порученное выполнять, и тогда служить будет легко и хорошо. Хотя у меня времени нет, зато от всякой работы и от нарядов освободили, так как рисую и состою в совете ленинской комнаты. 22 января 1941 года принимал присягу.

Время идет очень быстро, прямо летит. Погода у нас хорошая, были, правда, холода, и даже сулили 60 градусов мороза, мы приготовили полушубки, пимы, а вышло наоборот — начались оттепели. Насчет фотографии прямо не знаю как, ведь очень плохая, уж лучше бы вы подождали, чтоб послать вам, так хоть посмотреть было на что.

Как Витя? Напишите, пусть он физкультуру не забывает, а у меня дело наладилось по физо. С последнего места вышел чуть не на первое.

Как нынче дома? Тепло или нет, а то ведь опять с одной печкой зимуете. Как видно, у вас дело неважное, а главное из-за заборных книжек. Я буду просить, чтобы вам дали, а сейчас придется вам пока еще как-нибудь перебиваться.

Вене написал в письме, чтобы отрабатывать ехал в Свердловск или даже на Медный, ответа от него еще не получил. Получаю письма от Н. Еремина и ему тоже пишу. Пишет, что служить трудновато, я велел ему проситься к нам, как никак, а у нас все равно лучше.

Ребята медновские С. Белоусов, Лишаров, Бармин, Шарков, Артемьев, который жил на Балтыме. Родственник Мальцеву. И еще Литвинов — тоже медновский.

Да, еще передавайте привет Ведерникову и Славке Ж., я ему писал, так от него ничего нет.

Адрес мой переменялся, будете писать, пишете так: Хабаровский край, город Бикин, почтовый ящик 17.

Писать пока кончаю, буду ждать ответ. Пишите все и обо всем.

P. S. Интересно получилось с Калистовым. Где его судили, слушали или нет суд, наверное, здорово интересно, все-таки ведь директор завода был.

Ну, пока до свидания. Жду ответа.

Ваш Борька. 2.02.41 год».

1941-1945

Уже в мае 1941 года, как следует из письма от 19 июня, Борис находился на западной границе СССР. Видимо, в марте его дивизия была переброшена на Украину, в западную ее часть.

Письмо с фронта

«Писать вам хотел еще из Львова. Все думал написать, когда снимусь на фотокарточку, но так и прособирался. С самого начала войны, с 22 июня по 12 июля — все на фронте. В бою чуть ли не круглые сутки. Только заправишь машину — и опять в бой. А сейчас пока в тылу. Не знаю, сколько придется здесь жить. Наверное, дня 3–4 отдохнем, а там опять на фронт.

Адрес мой: действующая Красная армия, Юго-Западный фронт. Почтовая полевая станция № 735, п/я 21/3.

Фронтные новости, я думаю, вы знаете из газет и по радио. Наши части местами отошли, потому что действовали только пограничные отряды, которые не смогли удержать напора механизированных частей Германии. Но сейчас дело должно наладиться. Участники финских боев говорят, что в Финляндии было гораздо сложнее, но несмотря на такой мороз, на такое укрепление, как линия Маннергейма, сделанная по последнему слову техники, и то победили. А тут ерунда, дело поправимое. Ну, пишите, как у вас дела.

Буду ждать. Борька».

Последнее письмо

«Во-первых, сообщаю, что нахожусь в настоящее время в госпитале. Мама, ты не беспокойся. Я ранен осколком в голову. Легкое ранение, так что пролежу всего десяток дней, а потом опять пойдем бить фашистских захватчиков. Не знаю, как Володька Пушкарев. Когда я уходил с поля боя, он был еще жив. Живу сейчас хорошо. Ранило меня утром в боях за ... (зачеркнуто цензурой).

Передавайте всем привет.

Ваш Борис».

Очевидно, Борис пережил тяжелое время отступления нашей армии в первый период войны. Современному молодому человеку трудно представить, какие испытания пришлось пережить восемнадцатилетнему пареньку, испытания характера, духа, воли, какие физические и моральные мучения выпали на его долю, но, несмотря на это, он верил в разгром врага, в победу русского мужества.

В течение 6 месяцев Борис с боями прошел всю Восточную Украину. В январе 1942 года Борис уже на Курской земле. А в феврале 1942 года в дом Потоскуевых пришла страшная весть — похоронка:

«Ваш сын, красноармеец Борис Иванович Потоскуев, 1924 года рождения, уроженец пос. Медный Рудник Свердловской области, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, был убит, похоронен на хуторе Каменский Солнцевского района Курской области».

ПОТОСКУЕВ Вениамин Иванович

(1923—1942)

Стрелок 711-го
стрелкового полка

«Мама, я твой наказ выполняю с честью...»

Вениамин закончил 7 классов нашей школы и сразу же пошел работать на ПМЭЗ. В семье Потоскуевых было семеро детей. Жилось очень трудно, и старшие братья вынуждены были рано идти работать.

Началась война. Ушел на фронт Вениамин в 1942 году, когда ему исполнилось 19 лет. Сражался на Северо-Западном фронте, а на Юго-Западном, на Украине, боролся с фашистскими захватчиками брат Борис. Ушли из дома два сына, и стала семья жить от письма до письма.

В первом письме Вениамин писал из учебного лагеря:

«Папа, напишите, где и когда убили Бориса. А может, с ними были еще какие ребята с Медного, они живы, нет? Известие, что убили Бориса, я получил от Пушкаревых. Очень печально, но ничего не поделаешь, раз уж выпала нам такая честь — защищать Родину.

Пусть только мама не расстраивается, ведь ничего не поделаешь, а мама заболит. Надо пережить это горе, может быть, я приду домой живой.

Я живу хорошо, но только очень скучаю. Уж очень я привык к клубу (Вениамин до войны был участником художественной самодеятельности в клубе «Цветмет», играл в знаменитом в ту пору духовом оркестре). А тут ходил один раз слушать лекцию, да и то уснул. Живем с В. Пушкаревым вместе. Вместе и спим.

Не знаю, почему от вас нет писем. Пишите, как только получите мое письмо. Всегда веселее, когда получишь письмо из дома. Находимся на станции Юг, не доезжая 45 км до города Молотова. Проезжали Кунгур, Барасецкие лагеря.

Работает, нет Вова? Вам, наверное, не хватает хлеба, или, может быть, папа все еще приносит из Балтыма? Пусть Тамара напишет, раз папе некогда писать. Пока все. Пишите как можно быстрее.

Целую всех вас. Венька».

«Здравствуй, Витя!

Витя, я тебе собирался написать маленькое письмо перед новогодними праздниками. Витя, учись, как учился в прошлом году, будь отличником, и чтобы маме не приходилось ходить и краснеть из-за тебя в школу, а я здесь буду бить немца за вас,

1941-1945

чтобы он не прошел дальше. Будем его гнать и громить до конца. Витя, я посылаю тебе немного денег. Можешь что-нибудь купить для школы.

Ну, пока все. Твой брат Веня».

«Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Тамара, Вова, Витя, Тася, Юра и Борис!

Шлю Вам свой красноармейский привет.

Письма, которые писали мама и Тася, получил сразу оба, за что, мама, очень и очень благодарю, а также и Тасю.

Мама, ты пишешь, чтобы я писал, как здесь живу. Я живу хорошо, питание хорошее, хлеба дают 880 граммов, дают крупу, суп-пюре, сало, сахар и масло. Дают консервы. Банку на двоих. Так что варим сами, варим два раза в день.

Ну, пока. Как будто о себе я написал все. Ну как, мама, много, нет нарубили дров, хватит, нет на зиму?

Наверное, очень тяжело Тасе и Тамаре. И так устают на работе, а тут еще и дрова. Вова молодец, что работает стахановцем.

Тася, ты пишешь, что мне послать. Мне ничего не надо. А за посылку большое спасибо.

Ну, пока, писать больше нечего. Передайте привет Зое и Анатолию. Пусть пишут еще и Аркашке Еремину.

Ваш сын Венька. 5 июня 1942 года»

«Сейчас пока находимся на отдыхе после боя. С 31 августа по 1 сентября были в наступлении, заняли одну деревню. Перед боем я подавал заявление в партию, а сейчас меня приняли, так что буду бить немецких захватчиков большевиком.

Мама, я твой наказ выполняю с честью. Не жалея сил, всегда буду идти впереди. Сегодня или завтра вступаем в бой. Так что я доверие твое оправдаю...».

Извещение

«Ваш сын, красноармеец Потоскуев Вениамин Иванович, уроженец города Свердловска, Медный Рудник, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 7 октября 1942 года. Похоронен в районе г. Ржева Калининской области.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии/приказ НКО СССР.

Командир части. Военный комиссар».

Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ

*Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.*

*Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, —
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.*

*И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастерки моей.*

*Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облаком пыли
Ходит рожь на холме;*

*Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе;*

*Где травинку к травинке
Речка травы прядет, —
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.*

*Летом горького года
Я убит. Для меня —
Ни известий, ни сводок
После этого дня...*

А. Твардовский

ПРИБЫТКОВ
Василий
Митрофанович

(1921—1941)

Рядовой

Отстоять независимость Родины — дело чести каждого ученика

Дорогой друг! Перед тобой редкая фотография. Старинная. Пришла она к нам из прошлого, из далекого далека, из первой половины века двадцатого.

На тебя смотрят жизнерадостные, задорные лица одноклассников, только учились они в нашей школе раньше тебя почти на целый век.

1939 год. Радуются ребята: наступили летние каникулы. Радуются, что они опять, как и прежде, всем классом, вместе со своим любимым классным руководителем Иваном Петровичем Кацуком на родном озере Балтым. Радостные, что закончили восемь классов, а там девятый, десятый и... здравствуй, новая жизнь! Перед каждым из них откроются новые горизонты...

Давай попробуем проникнуть в то время, чужое для твоего поколения. Попробуем услышать, не послушать, а именно услышать их голоса, голоса того времени. А для начала познакомимся с ребятами.

Вот крайняя слева девочка с пышной «копной» волос. Это Ира, Ирина Пыхова, будущий профессор УПИ им. Кирова, на-

1941-1945

учный сотрудник УФАИ (Уральского филиала Академии наук), автор нескольких книг по экономике перестроечного периода.

Рядом с ней Коля Ильиных, будущий инженер-энергетик.

Лопатин Толя, в будущем инженер лесного хозяйства. Спицина Анна и Зенков Алексей, высокие, широкоплечие, уверенные в себе и в своих возможностях. А рядом с ними на целую голову меньше Алеши совсем еще мальчишка. Это Вася. Вася Прибытков. Лучший математик класса, как вспоминает А. Протасевич.

В классе называли его гением. Перед уроками геометрии, бывало, чуть ли не весь класс собирался вокруг Васьки:

— Как тебе удалось найти другой способ доказательства этой теоремы?

— Да очень просто. Вот берем... — и тут начиналось толковое, доходчивое для всех объяснение юного математика.

— Ну, Васька, ты — гений!

— Помните, — парировал Василий, — один мудрец как-то заметил: «Гений подобен молнии — никогда не знаешь заранее, в чей дом она ударит»...

Как же прав был тот мудрец, когда утверждал: «Никогда не знаешь заранее».

Через два года молния ударила, но не в один дом, а в дома всех жителей великой в то время страны.

К сожалению, Васе не пришлось закончить даже 10 классов: обучение в старших классах было тогда платным, и он вынужден был работать.

Наступил 1940 год. 20 октября на улицу Электролитную, 23 хозяйке дома Прибытковой Анне Арсентьевне Орджоникидзевским РВК была вручена повестка для сына. Пришла пора Василию отдать свой гражданский долг, идти на действительную службу.

Служить Василий начал в Литве в десантных войсках. Там его и застала война. По данным архивов, погиб Василий в Литовской ССР и похоронен в городе Рютовас.

Война убила не только молодого человека Василия Прибыткова — может быть, война убила будущего талантливого ученого.

Служить в армии в то время каждый парень считал большой честью для себя. С детства ребята хотели стать военными: кто-то мечтал о море, другие — о полетах в небо.

Василий принадлежал к поколению, о котором Е. И. Моисеева, выпускница 1941 года, участница Великой Отечественной войны, защитница московского неба (служила в войсках ПВО), позже напишет:

«В школе мы все думали о том, кем стать, чтобы принести больше пользы Родине, обществу. У многих любимым произведением был роман «Как закалялась сталь». Нашим девизом стали слова Н. Островского: «Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Во время войны появился новый девиз: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Что питало наш ум, нашу душу, формировало характер? Мы вырастали вместе с такими гигантами, как Магнитка и Уралмаш, ДнепроГЭС, Сталинградский тракторный, Красноуральский медеплавильный, под звуки бодрых, вдохновляющих маршей. В них пелось: «Труд наш — есть дело чести, есть подвиг доблести и подвиг славы» или «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Переживали героическую эпопею челюскинцев, гордились папанинцами, первыми высадившимися на Северном полюсе, и, конечно же, беспримерными, беспосадочными перелетами на отечественном самолете Валерия Чкалова и его экипажа сначала на Дальний Восток, а затем через Северный полюс в Америку. Казалось, сам воздух был пропитан пафосом созидания и открытий. Мы искренне любили свою страну, были ее патриотами. И делом чести каждого ученика школы было отстаивать независимость Родины любой ценой, даже ценой своей жизни».

1941-1945

ПРОЖЕРИН Николай Егорович

(1924—?)

Красноармеец

Я неопознанный солдат. Я рядовой. Я имярек

Николай Прожерин проживал в поселке Медный Рудник по улице Электролитной, 42. В армию был призван Орджоникидзевским РВК 28 августа 1942 года. По данным электронного архива «Мемориал», Прожерин Николай Егорович находился в эвакогоспитале города Калуги. Далее значится: пропал без вести.

НУ ЧТО С ТОГО, ЧТО Я ТАМ БЫЛ...

*Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.
Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед —
Я в нем, как мушка в янтаре.*

*Ну что с того, что я там был.
Я все избыл. Я все забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.
Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
И пламя гильзы в блиндаже.*

*Ну что с того, что я там был,
В том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне —
Она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
Дрожит на скулах у меня.*

*Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
От тех снегов, от той зимы.
И с той землей, и с той зимой
Уже меня не разлучить,
До тех снегов, где вам уже
Моих следов не различить.*

Ну что с того, что я там был!..

Ю. Левитанский

1941-1945

Во имя жизни на Земле

Пронин Иван Ефимович проживал по улице Красноармейской, дом 9, кв. 8. В январе 1944 года был призван в армию Орджоникидзевским РВК (п/п 31658 (X)). Погиб 5 февраля 1945 года.

* * *

*Сердце словно опалило —
Седина в висках.
Прошлое рекой уплыло,
Но душа в слезах.*

*В бой за Родину солдаты
Шли за шагом шаг.
Верили в Победу свято —
Не сломил их враг.*

*Стон стоял по всей России:
Голод, пытки, страх.
Смерть косою людей косила
В селах, городах.*

*Отступали в сорок первом
С ужасом в груди:
— Автоматы, танки, где вы?
С чем же в бой идти?*

*Погибали в мясорубке:
Фрицы шли стеной...
Но не знали немцы русских,
Ждал их страшный бой.*

*За березы и пригорки,
За родимый дом.
За Кавказ, Кубань и Волгу,
За великий Дон.*

*Всем солдатам воевавшим
Низкий наш поклон...
По солдатам, в битве павшим, —
Колокольный звон...*

И. Мордовина

**ПРОНИН
Иван
Ефимович**

(1926—1945)

Рядовой

1941-1945

ПУЗАКОВ Владимир Сергеевич

(1920—1943)

Старший сержант,
командир отделения
1006-го стрелкового полка
266-й стрелковой дивизии
33-го стрелкового корпуса,
3-я гвардейская армия
Юго-Западного фронта

В боях за Днепр

Из воспоминаний одноклассника А. Протасевича

«Володя был волжанин из города Вольска (вероятно, родители Владимира приехали на Урал в поселок Медный Рудник на строительство ПМЭЗ). Он с детства бредил морем, мечтал стать капитаном дальнего плавания, командиром военно-морского флота.

В конце 30-х — начале 40-х годов многим мальчишкам снилось море, да были уже и живые примеры: поступили в Севастопольское морское училище Виталий Козлов и Леонид Огарков. В мечтах вставали перед ними огромные морские просторы, бушующие волны, а сами себя они видели покорителями и властелинами морей и океанов. Володя много читал. Все его тетрадки и книжки пестрели рисунками кораблей, орудий, фонтанами воды от разрывов снарядов. Сам Володя — красивый, высокий, стройный. Казалось, надень он морскую форму — и вот он командир на капитанском мостике линкора, эсминца, в крайнем случае — торпедного катера.

Был Володя хорошим, надежным товарищем, организатором и руководителем походов на озеро Балтым. Все в нем хорошо, расчудесно, а учеба, к сожалению, «прихрамывала». В «мореходку» он не попал. Ходили слухи, что погиб Володя во время войны с Японией, не на Тихом океане, о котором всю жизнь мечтал, а на суше, в пехоте».

По данным электронного архива «Мемориал», служил Владимир Пузаков в 226-й стрелковой дивизии в 1006-м стрелковом полку 3-й гвардейской армии под командованием маршала Малиновского. Погиб 9 сентября 1943 года в Днепропетровской области в Межевском районе в боях за село Беретское и похоронен в братской могиле этого села.

Битва за Днепр войск Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов началась 25 августа и закончилась 22 декабря 1943 года. Из боевого донесения командующего войсками Центрального фронта:

«Войска Центрального фронта в течение 22 сентября 1943 года, преодолевая возросшее сопротивление противника, вели упорные бои на рубеже реки Снов. Противник пытался не допустить форсирования этой реки. Бои продолжались длительное время».

1941-1945

Видимо, в одном из этих боев Владимир погиб.

* * *

*Когда под пулями лежишь,
Уткнувшись в землю, без движенья,
С особой силой ощутишь
Закон земного притяженья.
Ты двадцать лет ее подряд
Спокойно попирал ногами
И лишь к ручью склоняться рад,
Припав горячими губами.
Ползет по кочке муравей,
И ты, всесильный царь природы,
Ты позавидуешь ему
Лишь одному под небосводом:
Он мал, он в землю уползет,
Его не тронет пуля злая,
Твой друг убит, а он живет,
Ни войн, ни битв не признавая.
Земля, она как щит стальной,
Когда поднимешься по знаку,
Захочется перед собой
Ее поднять, идя в атаку.*

С. Орлов

ПЬЯНКОВ
Вениамин
Михайлович

(1925—?)

Младший сержант,
пулеметчик

Пропал без вести

Семья Пьянковых проживала в поселке Медный Рудник по улице Советской, 21. В октябре 1942 года Вениамин Пьянков был призван в армию Орджоникидзевским РВК. Семья получила только одно-единственное письмо от Вениамина, и было это письмо с дороги на фронт.

Дальнейшая судьба нашего земляка неизвестна.

* * *

— За Родину, за Сталина,
За наш родной Союз,—
Шептал боец израненный,
Глотая крови вкус.

Война, как пика острая,
Пронзила душу влет.
Фашистов сила темная —
Вампиров страшный слет.

Попили русской кровушки,
Насытились, скоты.
Но русский дух на волюшке,
Вам не убить мечты.

Восстанет племя русское
И наберется сил.
Как ни старался злобный враг —
Народ он не скосил.

Поднимемся с молитвою,
Взяв штык наперевес.
Ответим грозной битвою —
Поддержат нас с небес.

За Родину, за Сталина,
За наш родной Союз.
Тащил боец израненный
Под танки смертный груз.

И. Мордовина

1941-1945

В боях под Старой Руссой

Александр Савченко, ученик нашей школы, был призван в армию в 1941 году. О его судьбе мы узнали из книги Ю. П. Деменева «Любовь и война». Книга основана на документальных фактах, письмах с фронта учителя истории нашей школы Павла Петровича Деменева своей семье, жене и сыновьям.

В письме от 14 ноября 1942 года Павел Петрович пишет:

«Я сейчас нахожусь вместе с той командой, в которой был Саша Савченко. Помнишь, наш бывший ученик. В июле 1942 года он был в штабе дивизии в караульной службе.

В августе, в ночь с 30-го на 1-е сентября в ожесточенной схватке с противником он был сначала ранен осколком в ногу, а когда он пополз, его другим снарядом, кажется, совсем разорвало. Так что и остатков не нашли.

Я тебе рассказываю по секрету, не очень об этом рассказывай».

Воевали учитель и ученик на Северо-Западном фронте. Бой проходил в районе Старой Руссы. Из письма Павла Петровича:

«Была самая свирепая бомбардировка и обстрел с воздуха и из пушек наземных. Пули и осколки сыпались градом вокруг. Удивляешься, как только в тебя не попадают. Сначала пошли в наступление. Были пробежки, а потом заняли оборону, окопались. Вот окоп-то и спасал нас от поражения. Немцы подходили близко: метров на 70, но их не было видно, так как наступила тьма, и они скрылись в лесу...»

А вот воспоминание И. И. Разина, ветерана Великой Отечественной войны:

«Под Старой Руссой шли страшные бои. Операция называлась «Многослойный пирог». Русса несколько раз переходила из рук в руки — то наши там, то немцы. Воевали в лесах, как у Твардовского: «Крыша — небо, хата — ель». Но в хатах за полтора месяца не ночевали ни разу. Да и какие хаты! Все сожжено. Окапываться было нельзя. Шли по болотам, копнешь — вода. Сколько в тех болотах солдат полегло. Рассказывать, как оставляли полуживых, полумертвых, и сейчас тяжело. 26 февраля от нашего батальона осталось всего 47 боеспособных солдат».

**САВЧЕНКО
Александр
Яковлевич**

(1921—1942)

Красноармеец

1941-1945

О довоенной жизни Александра, к сожалению, сведений мало. Известно, что после школы он работал на ПМЭЗ в ремонтно-строительном цехе. Закончил ли он 10 классов или получил неполное среднее образование (7 классов), неизвестно. Семьи в довоенное время были большие, многодетные, зачастую испытывали материальные трудности, и дети рано начинали трудовую жизнь.

* * *

*Когда-то я читал своим
Ученикам неторопливо:
«Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»*

*Весенним паводком прошло
То дорогое сердцу время.
Хотелось знать: оно взошло,
Посеянное мною семя?*

*И вдруг — война...
Шел супостат
На нашу древнюю столицу.
И говорил мне автомат,
Как за Отчизну надо биться.*

*Одной давнишней встречи миг
В душе моей не стерли годы:
Меня мой бывший ученик
Увидел в трудный час похода.*

*Мы обнялись по-братски с ним,
И он прочел неторопливо:
«Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!»*

Н. Овчинников

1941-1945

Артист, учитель, патриот

Из воспоминаний В. П. Деменевой,
учителя географии, заслуженного учителя РСФСР

«В августе 1936 года в среднюю школу № 1 поселка Медный Рудник приехал молодой светловолосый человек, отрекомендовавший себя назначенным в школу преподавателем физкультуры. Это был Соломеин Виталий Матвеевич. Всегда жизнерадостный, с веселой улыбкой, приветливостью своих голубых глаз, знающий и влюбленный в свое дело, он очень скоро завоевал симпатию всего педагогического коллектива и учащихся школы.

Уроки физкультуры он вел с 5-го по 10-й класс. Мы его очень хорошо знали, любили все и ученики начальных классов в том числе. Можно сказать, он был душой всего коллектива школы. Уроки физкультуры он поставил и проводил строго по программе, но вносил в них свои, интересные приемы, упражнения и игры, привлекающие ребят. В перемены, стоило только Виталию Матвеевичу появиться в коридоре, как вокруг него тотчас группировались ребята. Раздавался смех, заливались песни, и начинались игры.

Виталий Матвеевич не ограничивался только уроками, а проводил большую внеклассную работу с учениками. Систематически под его руководством работали спортивные кружки. Зимой организовывались агитпоходы в окрестные деревни и села: Мостовую, Первомайку и другие.

Но вот грянула война. Виталий Матвеевич живо перестроил свои уроки согласно новым требованиям. И в то же время проводил уроки военного дела в старших классах. Он еще более усилил внеклассную спортивную работу, а в марте 1942 года был призван в ряды Красной армии. Прошел соответствующую военную подготовку в городе Березники и был отправлен на фронт.

Сражался он на Западном фронте. За освобождение города Львова от немецко-фашистских захватчиков Виталий Матвеевич награжден орденом Красной Звезды. Много лет прошло с тех пор, но все, кто знал Виталия Матвеевича, — и учителя, и его бывшие выпускники — вспоминают о нем с любовью и уважением. Многие пытались его разыскать или хотя бы узнать подробности гибели, где он захоронен, но все эти поиски остались безуспешными».

СОЛОМЕИН Виталий Матвеевич

(1909—1944)

Старший лейтенант,
командир взвода разведчиков
89-го мотоциклетного батальона
4-го гвардейского
мотоциклетного взвода

Награжден орденом
Красной Звезды

1941-1945

РОДИНА

*Длинными солдатскими ремнями
Пролегла на запад колея.
Воином предстала перед нами
Родина любимая моя.*

*Вся перепоясанная строго
Поясами фронтовых дорог,
Чужеземца встретив у порога,
Мстительницей встала поперек.*

*Кровью нашей политое поле,
Нашей окропленное слезой,
Русское, знакомое до боли,
Не запашет выходец чужой.*

*Он у нас оставит на погосте
В северном березовом краю
Прахом истлевающие кости.
Голову разбойную свою.*

П. Комаров

Из воспоминаний Маши Босоноговой,
будущего учителя литературы и русского языка

«Был Виталий Матвеевич человеком всесторонне образованным. Любил музыку, обладал неплохим голосом, прекрасно читал стихи и прозу.

Известно, что уроки в школе начинаются с 8 часов утра. Мы же, особенно девчонки, приходили в школу на 30–40 минут раньше, чтобы собраться в каком-нибудь классе и пообщаться с любимым учителем.

Помнится мне, с каким восторгом слушали мы в его исполнении «Песню про купца Калашникова» (которую изучали на данный момент), «Мцыри». Внимали каждому его слову, интонации, движениям. Он мог перевоплощаться то в царя Ивана Васильевича, то в опричника, то в удалого купца Калашникова, то в пленного горца. Позже выяснилось, что Виталий Матвеевич окончил театральное училище.

Уже будучи учителем русского языка и литературы, я всегда видела перед собой его образ, человека строгого и доброго, умного и благородного, требовательного и справедливого.

Погиб Виталий Матвеевич в Польше. В 1944 году пришла родным похоронка. А позже сослуживцы Виталия Матвеевича выслали матери его фуражку, офицерскую книжку и орден Красной Звезды».

Воспоминания Юрия Деменева

«Впервые я его увидел и запомнил, когда мне было года 4. Я пришел в нашу школу к маме и увидел ее и Виталия Матвеевича, стоящих в коридоре. Я, конечно, подошел сразу к маме и тут же получил выговор: «А кто будет здороваться?» Я поправился и тут же оказался в крепких мужских руках. Виталий Матвеевич подбодрил меня, улыбаясь. А вот теперь я думаю, почему он, по сути, артист, стал учителем физкультуры и военного дела? Как грамотный и думающий мужчина, он прекрасно понимал, что рано или поздно война случится, и надо молодых людей по возможности готовить к этому. Сам он по характеру был боец, постарался создать и оснастить спортзал, организовывал турпоходы, военные игры, учил стрелять и бросать гранаты. Одним словом, артист оказался учителем по призванию. А когда и учителя в 1942 году были мобилизованы, он сразу попал в разведку.

С фронта наш учитель писал письма, полные оптимизма. Письма перестали приходить в конце 1944 года. Кто-то из фронтовиков рассказывал, что он якобы ехал на мотоцикле, но неу-

1941-1945

дачно колесом наехал на камень, мотоцикл перевернулся, и он, падая, ударился виском и сразу же погиб.

Великим патриотом был Виталий Матвеевич. Вечная слава ему и всем нашим фронтовикам!»

Из письма Виталия Матвеевича с фронта Г. М. Широкову

«В общем, чтобы услышать о боевых делах наших соединений, следите в сообщениях о войсках Рыбалко. Вот отдохнем, накопим силенок и двинемся в последний решающий бой, который принесет гибель и разгром немецким варварам, а русским людям принесет славу, победу, счастье. Ибо дорога домой у каждого солдата русской армии лежит только через Берлин, как писал Илья Эренбург. А сейчас пока учимся, чтобы потом уж бить наверняка».

Виталий Матвеевич проводит строевую подготовку с учащимися школы № 1, 1943 г. (шоссе на с. Балтым)

* * *

*Чтоб стать мужчиной,
мало им родиться,
Как стать железом,
мало быть рудой.
Ты должен переплавиться,
разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты — солдат
и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.
Готовность к смерти —
тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени...
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.*

М. Львов

1941-1945

СУВОРОВ Борис Семенович

(1925—1945)

Лейтенант,
командир огневого
взвода батареи
49-го Краснознаменного
гаубичного полка.

Награжден
орденом Отечественной войны
II степени

Прерванный полет

Героев у нас было много — многие из них там погибли. Мы не отдали еще им должного. Никто не может быть забыт. Имя каждого должно быть написано... Это все листья одного венка, которым увенчано лицо Победы... В кругу героев не может быть тесно. Будем же ими всеми гордиться!

В. Субботин. Как кончаются войны

Борис Суворов прожил очень короткую жизнь. Не успев сдать школьных выпускных экзаменов, в семнадцать лет он ушел на фронт. Осенью сорок третьего прибыл в часть. Анкета Бориса укладывается в несколько строк: родился во Владивостоке, жил в Свердловской области в поселке Медный Рудник, переехал в Саратов, а оттуда ушел на фронт. Но жизнь богаче анкеты.

Борис Суворов погиб, когда ему было всего 19, но успел сделать очень много. После его гибели осталось более 150 фронтовых писем, дневников, в которых автор описал свою жизнь на войне — день за днем. Его наблюдения метки, мысли, несмотря на юный возраст, зрелы, стиль писем выразителен и лаконичен. Из него мог бы получиться прекрасный журналист или писатель. Но жизнь распорядилась по-другому, прервав его только начавшийся полет.

Дневники и письма Бориса Суворова сохранились. Читая их, вы узнаете, как и чем жил юноша в годы войны. Комсомолец подлинной чистоты и настоящей закалки, он воплотил в себе принципиальные черты, роднящие все поколения советской молодежи, поэтому лейтенант Суворов всегда остается в нашем строю.

Из фронтового дневника Бориса Суворова

2 мая 1944 года. «Самое отвратительнейшее, омерзительное порождение человечества — это война: она губит человека и физически, и морально, кромсает и рвет на части не только живое тело, но и живую душу».

Архивная справка

«25 июня 1944 года. Противник при поддержке танков и самоходных орудий перешел в контратаку на огневые позиции лей-

1941-1945

тенанта Суворова. Товарищ Суворов умело организовал самооборону. Прямой наводкой начал расстреливать наступающую пехоту и танки противника. В результате атака была отбита. Деревня Чудовня была удержана нашими частями.

Достоин награды — ордена Отечественной войны II степени. Командующий артиллерией 49-й армии генерал-майор Разинцев».

«28 июня 1944 года. При прорыве сильно укрепленной оборонительной полосы в районе Головичей лейтенант Суворов огнем своей батареи разрушил два дзота и уничтожил противотанковые орудия в районе западнее Перелого.»

Из фронтового дневника Б. Суворова

«Немного сообщу о себе. Служу в артиллерии в звании лейтенанта. Работаю командиром взвода. На фронт первый раз попал больше года назад под Оршу. Затем был под Витебском на реке Проня, откуда мы и начали прорыв в июне 1944 года. Наша часть очень подвижная, поэтому за время наступления я побывал во многих местах Белоруссии, Польши. Был под Минском, в Волковыске, Белостоке, Сураже, Ломже, под Осавцом, под Остроленкой. За форсирование Днепра наша часть получила звание Верхне-Днепровской, а за Осавец получила орден Александра Невского.

Орден «Отечественную войну» получил я за борьбу с «Фердинандами». Последние месяцы я был на плацдарме за Наревом севернее Пултуска... Вели тяжелые бои за удержание и расширение плацдарма. Затем почти месяц я был в должности офицера связи в штабе 2-го Белорусского фронта. Сейчас снова на фронте, на плацдарме в 30 километрах севернее Варшавы. Если цензор не вычеркнет, то вы сможете проследить весь мой путь.

Мог бы еще описать вам массу эпизодов фронтовой жизни, но оставим это до конца войны. Достаточно того, что все мною виденное и пережитое заставило меня по-настоящему понять, что такое фашист-немец и ненавидеть его так, как может человек ненавидеть тупого жестокого зверя.

Последние дни почти полностью находился на наблюдательном пункте в передней пехотной траншее. Ведем артиллерийскую перестрелку с противником. Немцы при помощи артиллерийских снарядов забрасывают к нам прокламации, но кто теперь поверит их беспорядочной брехне? Наконец-то выпал тонкий слой снега, мороз держится 10–15 градусов. Как видите, польская зима гораздо мягче, чем поволжская (о нашей сибирской я уж не говорю).

4 сентября. Вдали горят какие-то деревни. До фронта всего 8 километров, но поражает тишина. Прямо блаженствуешь после грохота. Бродя с капитаном Голубом по полям, познакомился с двумя хорошенькими полячками. С шутками и смехом копали вместе картошку. До темноты проболтал с ними в комнате, потом пошли в кино. Затем Галя пошла спать, с Ирой я еще долго бродил под звездами по притихшим, сонным улицам местечка. У калитки мы целовались, и было нам «файно, бардзе файно»... В отделение вернулся в 2 часа ночи, узнал, что меня уже ищут. Не могу же я после однообразной (вернее, однобокой) фронтовой жизни оставаться заплесневелым сухарем. Это было бы смешно.

25 октября. Холодный осенний ветер. Читаем свежие газеты, обсуждаем... И несмотря на заявления о «дружественных нациях», о «прочном мире», каждому мыслящему человеку становится ясно, какая жестокая дипломатическая война разгорается между Англией и США. Ведь жизнь Лондона и Нью-Йорка была спасена ценой разрушения Киева, Сталинграда, Одессы, Смоленска, Вязьмы. А «союзники» ограничиваются дифирамбами по поводу «прекрасных побед» Красной армии.

Да у каждого советского человека обольется кровью сердце, когда он узнает, что в то время, когда в районе Петсамо еще продолжаются жестокие бои, еще льется кровь русских солдат, английские капиталисты уже добиваются от советского правительства выплаты золотом за бывшие у них в Петсамо никелевые концессии? Как может фронтовик спокойно читать строчки о том, что немцам нужно помочь, что «Германию нужно не наказывать, а лечить», в то время, когда рядом с ним рвутся немецкие снаряды, а требующие лечения больные фашизмом «фрицы» бросают листовки с угрозами применения нового сверхмощного оружия, когда Гитлер призывает немецких детей, женщин, стариков «защищать каждый дом, двор, каждый куст...

...Теперь мы стали «ученее» и опытнее; осталась только одна загвоздка — война. Но и она не будет длиться вечно, кончится когда-либо. И тогда... тогда будем снова жить, как это и положено каждому живому человеку. Верно ведь?»

Из письма Бориса Суворова В. П. Деменевой

5 июня 1944 года.

«Привет с фронта! Добрый день, Валентина Петровна!

...Еще об ощущениях в бою: по-моему, человек, не бывавший на фронте, никогда не поймет психологии фронтовика. Только плотно прижавшись к сырой, теплой и пахнущей травой земле, чувствуя, как эта земля вздрагивает от взрывов, а вокруг, совсем рядом, шлепаются осколки, начинаешь понимать, что значит для тебя жизнь, и как безумно ты любишь ее. И кажется, что самое главное — это выйти живым именно из этого боя. Появляется смутное желание бросить все, встать и идти, идти все дальше от опасности. В первый раз самое главное — это преодолеть инстинкт самосохранения, перебороть, сказав себе: «Борька, спокойно, ты командир, ты отвечаешь за людей. За оружие, за технику. Да и вообще с тобой ничего не случится, это невозможно». И подобное самовнушение помогает. Сейчас работаю уже не командиром второго взвода, а старшим на батарее. Эта работа несколько сложнее, ибо в моем распоряжении 4 орудия и 25 человек...».

Эпизоды фронтовой жизни Бориса Суворова

Однажды после артиллерийского обстрела загорелись запасные мешочки с пороховыми зарядами. По соседству находились ящики со снарядами. Борис не растерялся, под обстрелом артиллерии изолировал огонь, тем самым предотвратив взрыв снарядов.

Другой случай произошел летом 1944 года. Войска стояли в обороне. Разведка донесла, что немцы готовятся к контратаке. Чтобы предотвратить их контратаку, был организован наблюдательный пункт на нейтральной полосе, вблизи немецких траншей. Место этого наблюдательного пункта тщательно было прострелено. В случае если немцы пойдут в контратаку, этот пункт должен был вызвать огонь нашей артиллерии на себя.

«На этом пункте, — вспоминает М. Иванов, — дежурили по очереди наши офицеры. Пришла очередь дежурства нашей первой батареи. Надо было идти или мне, или Борису. Тогда он подходит ко мне и говорит: «Иваныч (он меня всегда так называл), у тебя дома жена, дети, на пункте обстановка весьма рискованная. Я человек холостой, одинокий, поэтому разреши на пункт идти мне».

1941-1945

И. Г. Пронин о Борисе Суворове и его дневниковых записях

«Читая дневник, удивляешься, откуда такое упорство у двенадцатилетнего паренька, желание почти каждый день описывать события военных буден. Ведь тот, кто был на фронте, пережил все ужасы войны, хорошо помнит, что каждый день на фронте — это страшно тяжелый труд, эти постоянные недоедания, недосыпания, эта грязь, дождь, снег, холод. И в минуты отдыха, если они были, единственно хотелось привести себя в порядок, написать письма родным и близким... А молодой офицер использует минутный отдых для ведения дневника. Уже этот факт говорит о его сильной воле, целеустремленности. Из дневника видно, что он живо интересовался обстановкой на других фронтах, событиями в мире, поведением наших союзников.

Большинству военных эпизодов, фронтовых ситуаций в дневнике дается правильная оценка. В нем описываются события на Западном фронте в конце 1943 года и в начале 1944 года, когда Советская армия проводила успешные наступательные операции, быстро продвигались вперед (особенно в 1944 году), освобождая свою территорию от немецко-фашистских захватчиков. Наши части действовали уверенно, порой дерзко, вклиниваясь в расположение войск противника, окружая отдельные его группировки и небольшие группы. Было немало случаев, когда отдельные подразделения оказывались в полосе двух- и даже трехстороннего обстрела противника. Эти эпизоды и описываются Б. Суворовым. Успешное, стремительное наступление наших войск приводило к тому, что снабженческие подразделения не успевали подвозить горючее и боеприпасы. К тому же серьезно вредили еще немецкие бомбардировщики, бомбившие железнодорожные станции, обозы и транспорты. В результате возникали ситуации, о которых пишет Б. Суворов. Надо бы стрелять, но нет боеприпасов, надо бы двигаться вперед — нет горючего».

В 70-х годах прошлого века члены КИДа школы № 1, благодаря своим польским друзьям по переписке, разыскали «знакомых поляков» Бориса — Софью Лендо и ее дочь Кристину. К 35-летию Победы кидовцы выслали в адрес Софьи Лендо посылку: землю, взятую у стен школы, семена цветов, мемориальную ленту с надписью «Нашему земляку Б. Суворову, солдату-освободителю. Учителя и ученики родной школы».

ПОСВЯЩЕНИЕ БОРИСУ

*Ты был мальчишкой
с нашего двора,
И мы с тобой
в одной учились школе,
И даже географию вела
У нас одна учительница, Боря.*

*По возрасту
ты мог мне быть отцом
(мой тоже воевал,
возможно, рядом),
Но ты остался
внуком-сорванцом,
Погибшим
от фашистского снаряда.*

Т. Чистякова (Языкова),
ученица школы № 1,
выпуск 1964 года

1941-1945

ТАЛЫКОВ
Михаил
Иванович

(06.11.21—13.03.43)

Младший лейтенант

Награжден
орденом Ленина

Я буду летчиком, буду!

Это был человек с ясной цельной душой, до дерзости отважный, смелый летчик-штурмовик... Этот человек не оглядывался на свою жизнь, не думал о том, как бы уцелеть. Он верил в будущую жизнь, которая представлялась ему яркой и честной, как пламя любви и доброй надежды. Его возмущали малейшая нечестность, обман, и он тяжело переживал, если его вера в человека почему-либо рушилась.

И. Арсентьев

Михаил Талыков родился в деревне Верхней Полевой Шадринского района Курганской области 6 ноября 1921 года. Родители Миши — Иван Григорьевич (скончался в 1968 году) и Анна Андреевна (1887–1971). В семье было 8 детей (5 мальчиков и 3 девочки).

Анна Андреевна рассказывала:

«Миша ласковым, добрым был. Тяжело переживал болезнь отца, старался помочь мне в хозяйстве. Семья была большая, жилось очень трудно, часто впроголодь. Миша был очень скромным, чувствительным, готов был последним кусочком поделиться, отдать его близкому человеку. Честный, настойчивый, любое дело обязательно доводил до конца. А учился прилежно, мы его не заставляли готовить уроки — все сам».

В 1931 году семья по вербовке переезжает на строительство в Свердловск, а в 1933 году — в село Большой Исток Арамилевского района, где родители работают на мельнице № 3. Здесь, в Большом Истоке, заканчивает Миша 5 классов.

В 1935 году семья Талыковых переезжает в Верхнюю Пышму. Учитель, директор школы П. П. Трошкова вспоминает:

«Крепкий, коренастый, широкоплечий, среднего роста мальчик, спокойный, уравновешенный, с неторопливой походкой, умными, пытливыми глазами, Миша не обладал богатыми способностями, но упорство, старательность, прилежание давали свои результаты: он успевал хорошо по всем предметам, всегда был готов к ответу».

В школе Миша увлекался спортом: упражнениями на брусьях, плаванием (с братом Алексеем переплывали озеро Балтым), любил авиамоделирование. Родные как-то не заметили, что рядом с мягкостью характера у мальчика развилось упор-

1941-1945

ство, сила воли, целеустремленность. Он ставил перед собой цель и достигал ее. Любимая учительница Михаила Елена Карловна всегда ставила его в пример другим.

Авиамоделирование все больше захватывало юношу, свободное время он проводил в кружке с ребятами. Он добился, чтобы в клубе отвели комнату для авиамodelьного кружка, ребята помладше так и ходили следом за Мишей. Был случай, когда у одного из мальчишек отобрали планер и сломали, он пожаловался Мише — тот успокоил мальчишку, пообещав помочь ему сделать новый.

Денег для приобретения материалов не было, тогда Миша организовал мастерскую по ремонту обуви. Появились клиенты. Заработанные деньги пошли на нужды кружка. Несмотря на трудности, Миша всегда был бодрым, жадно тянулся ко всему новому, но не расплылся, не хватался сразу за несколько дел, а если уж брался за что-нибудь, то делал с душой и до конца. Руководя кружком авиамodelистов, он посещал струнный оркестр, а вечером работал кассиром в том же клубе. Позже стал заниматься в стрелковом кружке и кружке ПВХО, в воскресные дни был активным участником всевозможных игр и состязаний. Увлеченность авиамodelированием определила его дальнейшую судьбу.

В 1937 году Миша окончил 7 классов, ему было 15 лет, и по настойчивому требованию отца он стал студентом строительного техникума. Но была у Михаила мечта, невысказанная мечта — стать летчиком. Он понимал, что путь к ее осуществлению — нелегкий, потребуется много знаний и труда. И чувствовал: мечта с ним, где-то совсем рядом. Чутким сердцем матери Анна Андреевна почувствовала: с сыном что-то происходит. Но что? Она пока не знала. Он же молчал.

Миша искал выход. И вот он нашел для себя работу лаборанта на мельнице № 1, бросил техникум и объявил об этом дома. Днем работал, вечером учился в Свердловском аэроклубе. Пропала грусть. «Я буду летчиком! Буду! — душил он в объятиях родителей, сестер и братьев. — Это моя мечта, моя цель!»

В аэроклубе Миша зарекомендовал себя исключительно способным, талантливым и решительным летчиком. «В науку летную впился, как клещ, — вспоминает один из его товарищей по аэроклубу Орвинцев Василий Лаврентьевич. — Талыков был талантлив, смел, решителен. То, что казалось нам особенно трудным, он преодолевал легко. Его все любили: товарищ был замечательный. А уж поведением — «красная девица»: не пил, не курил, говоря, что летчику это не нужно».

В 1939 году Михаил окончил обучение в аэроклубе с отличием, добровольно вступил в ряды Советской армии, был направлен в Пермскую летную школу, где попал к заслуженному инструктору Коробейникову. Годы обучения в летной школе еще больше закаляли юношу, уже тогда он отличался находчивостью и смелостью, был отличником учебы. Но это был уже не тот мальчик, тайно мечтающий о полетах, а мужественный летчик, смело взмывающий ввысь. Инструктор Коробейников гордился Мишей, называя его своей «правой рукой», и поручал проводить некоторые практические занятия с курсантами.

В 1940 году Михаил Талыков окончил летную школу и был назначен служить в воинскую часть города Евпатория. В апреле 1941 года последний раз побывал Михаил Иванович в отпуске у родителей. 22 июня 1941 года началась война.

Первой мыслью Михаила было: «Туда, на фронт!» «Я буду мстителем за поруганную землю», — писал он в одном из писем.

Вспоминает летчик-штурмовик

«Был в 1942 году такой тяжелый период на Южном фронте, когда немцы прорвали нашу оборону и пошли на Сталинград, Минеральные воды, Орджоникидзе. Наша штурмовая дивизия понесла огромные потери. Осталось два самолета. На них-то и летали мы вдвоем с Мишей до конечной точки (над городом Грозный).

Попадали в такие переделки, что и вспомнить страшно... И выжили.

22 июля 1942 года во время штурмовки колонны противника над целью был подбит самолет ведущего группы. Планируя с небольшой высоты, он совершил вынужденную посадку в километре от цели.

От пылающей вражеской колонны танков и автомашин к летчику устремились разъяренные фашисты. Два истребителя с красными звездами на крыльях на бреющем полете обстреливали врага из пушек, заставляя залегать.

К месту вынужденной посадки приближался вражеский броневый автомобиль, ведя огонь. Летчик укрылся от пулеметного огня за сбитым самолетом. Положение безвыходное. Кругом степь, ни кустика, ни балочки, ни деревушки,

где можно было укрыться. Последний патрон оставил для себя. И вдруг над местом вынужденной посадки появился штурмовик. Он сделал круг, выпустил шасси и пошел на снижение, планируя через горящую колонну.

Летчик, затаив дыхание, наблюдал за рискованной посадкой смельчака: ведь и он может попасть в безвыходное положение.

Самолет коснулся земли и запрыгал по кочкам. До приземлившегося самолета каких-то две сотни метров. К нему направляется фашистский броневый автомобиль. Но сбитый летчик успевает раньше. Он уже вскочил на крыло. А что же делать дальше? Ведь самолет одноместный. Под пулеметным огнем летчики срывают люк на фюзеляже, и в это отверстие едва втискивается один из них.

Мотор взревел, самолет круто развернулся на колонну противника, чтобы взлететь по проложенному следу. Так меньше риска сломать машину на взлете. Навстречу взлетающему самолету потянулись пулеметные трассы. Неужели будут пробиты покрышки колес?! Но вот самолет подпрыгнул и завис в воздухе!»

...Спустя полчаса необычный экипаж, состоящий из двух летчиков, на одноместном самолете неожиданно приземлился на аэродроме. Выбравшийся из фюзеляжа летчик крепко обнял своего боевого друга, младшего лейтенанта. Спасенным был Герой Советского Союза полковник В. Б. Емельяненко. Отважного летчика-штурмовика за подвиг и героизм представили к ордену Ленина. Этим храбрецом оказался наш земляк, ученик нашей школы Михаил Талыков.

Вскоре Михаилу Талыкову, как опытному летчику, поручили водить на задания группы штурмовиков, большей частью в тыл врага.

Из воспоминаний В. Б. Емельяненко

«В 1943 году весна на Кубани выдалась тяжелой... Авиация была не в лучших условиях. Фронтовые аэродромы в Усть-Лобинской, Красноармейской, Титаровской развезло. Тяжело нагруженные бомбами штурмовики с трудом отрывались от земли на самой границе аэродрома. Погода не баловала летчиков, и в воздухе почти все время стояла низкая сплошная облачность, шли дожди, а низины часто были закрыты пеленой тумана. Это затрудняло отыскивание целей. Но авиаторы вели интенсивные боевые действия, поддерживая войска...

Крымская. Несколько южнее — высота с отметкой 204. Здесь был НП командующего Особой Приморской армией генерала

Петрова и пункт наведения авиации. Отсюда командир штурмовой дивизии, Герой Советского Союза полковник Гетьман руководил действиями летчиков.

«Сделайте еще заход на цель!» — слышался в наушниках шлемофона его спокойный и уверенный голос...

Небо покрывалось черными облаками разрывов зенитных снарядов, и штурмовики, ныряя в эти завесы, открывали огонь по вражеским войскам. Они проносились над передним краем на бреющем полете, и фигурки в серых шинелях подбрасывали в воздух шапки, махали руками. Это высшая оценка летчикам-штурмовикам, которых называли любовно «воздушной пехотой».

Задача сложная: самолетам нужно было пролететь точно над заданным участком на высоте 25–50 метров. Ориентиров на поле боя, добротнo распаханном снарядами и бомбами, почти нет. По самолетам на такой высоте противник ведет огонь из всего, что только может стрелять. В назначенное время появилась группа штурмовиков, прижимаясь к земле. Со всех сторон потянулись к ним пулеметные трассы, а за самолетами огромные шлейфы дыма спускаются до земли.

Многим из тех, кто видел эту картину, казалось, что самолеты горят. Может быть, поэтому и противник прекращал огонь по штурмовикам. Но через несколько секунд дымная струя так же внезапно обрывалась, как и возникла, и самолеты один за другим переходили линию фронта. Пехота под прикрытием дымовой завесы, ослепившей противника, поднялась в атаку и овладела важным опорным пунктом. Только что летчики совершили посадку, а на аэродроме получена радиограмма. В ней сообщалось, что командующий наградил членов экипажей, среди которых был и наш земляк Михаил Талыков.

С огромной болью вспоминает полковник Емельяненко о последнем вылете своего друга Миши:

«...На Краснодарском аэродроме 13 марта 1943 года Михаил Талыков нанес на карту маршрут своего последнего боевого вылета на Темрюк, и, сдвинув брови к переносице, круто повернулся, зашагал к своему самолету.

Невысокого роста, коренастый... На Мише короткое, до колен, кожаное пальто, брезентовые сапоги. На длинном ремешке болтается планшет с картой. Таким он навсегда остался в памяти».

Летчик Талыков повел свою группу штурмовиков в тыл противника. Задание — разбить мост через Кубань у Темрюка. Фашисты отступали, используя этот единственный мост. Он был

прикрыт сильным огнем зенитной артиллерии. Задание выполнено: мост уничтожен, путь к отступлению врага отрезан. Штурмовики возвращались на аэродром. Не вернулся лишь один — ведущий группы Талыков. Долго «тянул» летчик подбитый зениткой самолет, тянул из последних сил туда, к своим. Но ослабли руки, затуманилось сознание, и... самолет-штурмовик упал в город, еще занятый врагом...

Прошли годы. И все это время полковника В. Б. Емельяненко мучила одна мысль: как найти могилу своего друга. И он поехал по местам прежних боев. В 1944 году, когда был освобожден город Темрюк, ему удалось вырваться на часок, чтобы хоть что-то разузнать о сбитом самолете. Емельяненко установил место его падения: двор, где находилась немецкая комендатура. Самолет при падении не загорелся, не взорвался, но летчик был мертвый. Место это было оцеплено. Фашисты закопали летчика где-то во дворе. Где именно — никто не знал.

После войны Василий Борисович нашел людей, которые помнили разбитый самолет.

Полковнику указали на Ефросинью Ивановну, которая в течение 18 лет любовно ухаживала за могилой неизвестного летчика. Она показала Емельяненко холмик в саду, где вместо надгробия лежала плита, а на ней — почерневшие от времени букетики цветов.

«Я все время приносила цветы на могилу, — рассказала Ефросинья Ивановна. — А прошлой осенью приехали из военкомата с гробом, копали здесь и ни одной косточки не нашли. С тех пор я и не ношу цветов... Не огорчайтесь, мы вашего друга разыщем. Его где-то здесь закопали. Есть в Темрюке женщина, которая видела, как все произошло. Она готовила пищу немецким солдатам».

Женщину нашли. И из ее рассказа выяснилось многое.

...Ухали немецкие зенитки, строчили пулеметы. Находившиеся во дворе немцы убежали в укрытие. Только расчет зенитного орудия, расположенного во дворе комендатуры, оставался на месте. Вскоре что-то со свистом пронеслось над крышей сарая. Раздался сильный удар...

Недалеко распластался самолет с красными звездами на крыльях.

Когда прошли первые минуты замешательства, к самолету подбежали фашисты. Летчик был в кожаном пальто и брезентовых сапогах. С него сняли планшет, обшарили все карманы, отвинтили с гимнастерки ордена.

К трупу летчика подошел какой-то фашист и ткнул его носком кованого сапога. Его примеру последовало еще несколько солдат. Наблюдавшая эту омерзительную картину женщина не выдержала. Она побежала в комендатуру и, пренебрегая опасностью, спросила: «Зачем бьют мертвого летчика?» Офицер не спеша вышел на крыльцо, что-то резко крикнул. Солдаты вытянулись в струнку, слушая его приказания. Затем двое взяли мертвого летчика за ноги и по грязи поволокли к ближайшему дереву. Там была открыта щель. В нее столкнули летчика и присыпали землей. К сливовому дереву, рядом с которым был зарыт летчик, привязали лошадей, и они несколько дней топтались вокруг коновязи. Лошади изгрызли кору дерева, слива засохла, и ее в тот же день спилили. Так исчез ориентир, по которому можно было найти останки Михаила Талыкова.

...Когда Емельяненко собрался уезжать, Ефросинья Ивановна вспомнила: «В подвале у меня лежит какая-то железка, кажется, от самолета». И она передала Василию Борисовичу хорошо сохранившуюся перегородку из дюрала нижнего бензобака самолета-штурмовика, того самого самолета, на котором Михаил Талыков совершил последний боевой полет. Эту реликвию Василий Борисович привез в Москву.

По следам героя Михаила Талыкова

С 1964 года верхнепышминская средняя школа № 2 носит имя летчика-штурмовика, нашего земляка Михаила Ивановича Талыкова.

Комсомольские поисковые группы получили немало писем от однополчан М. И. Талыкова. Каждое письмо — страничка из жизни Михаила и его боевых друзей. Об интересном случае рассказал в письме Герой Советского Союза А. Е. Руденко из Краснодара:

«Во время обеда было получено боевое задание. Улетая, Миша крикнул поварихе: «Тетья Тоня, оставьте второе — я слегаю и дообедаю!» Но вернулся он лишь через три дня. Оказалось, что при выполнении задания наши самолеты атаковала

1941-1945

большая группа «мессершмитов». Два из них преследовали Михаила. Одного фашиста Мишиному напарнику-стрелку удалось сбить, но пулемет вскоре замолчал — заклинило. Второй «мессер» подстроился к самолету Миши справа. Немецкий летчик был без шлемофона, рыжий; он показывал два пальца, что означало «Делаю две атаки — и тебе капут!», и при этом ехидно улыбался.

Мишин самолет летел низко над землей, а фашист с высоты начинал заходить в хвост, стремительно сокращая разделяющее самолеты расстояние. Вдруг длинная очередь за спиной Миши — это стрелку удалось вовремя устранить повреждение. Немецкий самолет качнулся и рухнул на землю. Миша не смог дотянуть до аэродрома, приземлился в кукурузе. Подбежали женщины, работавшие в поле, хотели брать летчика в плен, но увидели звезды на крыльях самолета... Миша со стрелком бросился туда, где упал вражеский самолет. Фашист отстреливался. Но когда его обезоружили, он только показывал пальцем на свою голову, мол, пустая башка: хотел с форсом сбить русского летчика, а получилось наоборот. Фашиста сдали местным властям, а Миша со стрелком вернулись на аэродром «додать свое второе».

Личный вклад Михаила Талыкова в Победу

За 83 боевых вылета М. Талыков уничтожил более 50 танков и автомашин, 12 самолетов противника, свыше 100 вражеских солдат, разрушил 4 переправы, подавил свыше 20 орудий, взорвал 2 склада с боеприпасами и горючим, разбил 8 железнодорожных эшелонов.

МОГИЛА ПИЛОТА

*Осколки голубого сплава
Валяются в сухом песке.
Здесь всё: и боевая слава,
И струйка крови на виске...*

*Из боя выходила рота,
Мы шли на отдых, в тишину
И над могилою пилота
Почувствовали всю войну.*

*Всю. От окопов и до тыла,
Ревущую, как ястребок.
И отдых сделался постылым
И неуютным городок.*

*Мы умираем очень просто,
По нас оркестры не звенят.
Пусть так у взорванного моста
Найдут товарищи меня.*

С. Гудзенко

ТУРЧАНИНОВ Дмитрий Васильевич

(1922—1941)

Красноармеец

Военные дороги Дмитрия Турчанинова

В семье Турчаниновых было 9 ребят. Дмитрий родился в 1922 году и был пятым ребенком. Рос скромным, трудолюбивым мальчиком. Вообще в этой семье труд и помощь матери по хозяйству были на первом месте. Все были дружными, работающими. Вот и Дима вырос таким же.

Окончив восьмилетнюю школу, он шестнадцати лет пошел работать на медеэлектролитный завод (ПЭМЗ) в купоросный цех. На заводе работал до призыва в армию.

В 18 лет его призвали на действительную службу на Дальний Восток. Уже подходил конец службы, ребята ожидали демобилизации, но наступил 1941 год, и часть была отправлена на Северо-Западный фронт в Литву. Войну Дмитрий начал в десантных войсках, а через месяц, так и не побывав дома, был переброшен на Украину, на фронт под Белую церковь.

В июле 1941 года войска 26-й армии Юго-Западного фронта, в которой служил Дмитрий, нанесли контрудары по главным силам первой танковой группы противника (24 июля перешли в наступление из района города Белая церковь и продвинулись на восток и юго-восток) и вынудили их перейти к обороне на рубеже Фастов — Белая церковь. Видимо, в одном из этих боев Дмитрий Турчанинов погиб.

А дома провозжали на фронт еще троих братьев. Не дав уйти первому горю, в дом постучалось еще одно. Мать получила известие с фронта о том, что ее сын Дмитрий пропал без вести.

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

*Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.
Кто б ни был ты — рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух, —
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.
И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А родину сберег.*

М. Исаковский

1941-1945

Артиллерист Петр Ульянов

Ушел Петр на фронт, не окончив 10 классов, в 1942 году. В течение трех месяцев учился в военном училище и после его окончания получил звание младшего лейтенанта. Служил в составе 39-й армии Калининского фронта. В сентябре 1943 года состоял в 21-й артиллерийской дивизии, действовавшей под Духовщиной, и, по всей видимости, участвовал в Духовщинско-Демидовской операции 1943 года.

4 марта 1944 года Петр Ульянов был убит и похоронен в деревне Юрово Невельского района Калининской области.

* * *

*Оставляют силы, оставляют:
грудь в крови,
глаза мои в поту.
Встану вот —
и пусть в меня стреляют,
лягу — и травинкой прорасту.*

*Василечком стану —
синим-синим,
цветиком у страха на краю.
Ой, меня ли покидают силы,
Ой, не всю ли Родину мою?..*

Н. Панченко

**УЛЬЯНОВ
Петр
Григорьевич**

(1925—04.03.1944)

**Младший лейтенант,
командир взвода управления
1013-го гаубичного полка
55-й гаубичной бригады
Духовщинской артдивизии**

1941-1945

ФИЛИНОВ
Петр
Константинович

(1921—1942)

Танкист
2-го отдельного
танкового батальона
1-го танкового полка

На Карельском фронте

Петр Филинов был призван 26 октября 1940 года. Службу начал в Карелии на границе с Финляндией. Там его и застала война.

Из воспоминаний А. Голубева

«В боевых действиях Великой Отечественной войны, в суровых условиях Карельского фронта участвовали многие наши земляки-верхнепышминцы. Карельский фронт гитлеровское командование не считало главным наступательным направлением. Армия финнов, наступавшая в начале войны на Петрозаводском и Олонецком направлениях, и немецкая армия «Норвегия» еще в июле — августе 1941 года были остановлены нашими войсками. Финнам и немцам так и не суждено было выполнить свою задачу — перерезать Кировскую железную дорогу и овладеть незамерзающим портом Мурманск. Войскам противника лишь южнее Куольярви удалось продвинуться на несколько десятков километров вглубь нашей территории. Бои здесь шли то с ожесточением, то затихали».

В сентябре 1941 года 2-й отдельный танковый батальон, в котором служил Петр Филинов, был расформирован. В декабре 1942 года Петр числился уже в 123-й танковой бригаде. По архивным данным, в этом же месяце он пропал без вести.

1941-1945

Рискуя жизнью

В Медном Руднике глава семейства Чуприковых обосновался в 1935 году, и вскоре из деревни Урвановой Туринского района сюда переехала вся семья — жена и пятеро детей (четыре сына и дочь). Семья по тем меркам средняя, и жили так, как жили тогда в поселке большинство семей.

Еще до войны Петр работал сцепщиком на паровозе. В 1939 году пришла повестка — забрали на финскую войну. Потом Великая Отечественная. В начале войны Петр окончил танковое училище в Самарканде и в звании младшего лейтенанта был направлен на Северо-Западный и Западный фронты. А в 1943 году ушел на фронт и младший брат Григорий, которому было тогда неполных 15 лет. Вместе со своими друзьями А. Гуриным, А. Гребневым, Н. Рыковым Григорий был отправлен на Соловецкие острова, в школу юнг Северного флота.

О Петре Чуприкове в архивах сохранилась запись: «Чуприков П. З., младший лейтенант, командир СУ-76 1297-го самоходного артиллерийского Двинского полка, 1919 года, кандидат в члены ВКП(б), проявил героизм и мужество, исключительную отвагу и находчивость».

Из приказа № 023/н от 20.04.45 года:

«В боях при прорыве обороны противника юго-западнее Гросс-Клешкау 17.03.1945 года противник сделал огромный завал перед мостом через реку Кладау-Флюз и сильным минометным огнем из находящегося неподалеку завода не давал нашей пехоте переправиться через реку и ликвидировать завал для прохода танков и СУ.

Экипаж младшего лейтенанта Чуприкова, рискуя жизнью, выдвинулся вплотную к берегу реки и вступил в бой с вражескими минбатарейми, которые вели огонь с территории завода. В результате дерзких действий экипажа Чуприкова минбатареи были подавлены, и тогда пехота, танки и СУ получили возможность разобрать завал, разминировать мост и переправу через реку. Наши войска перешли на другую сторону реки, и противник из Гросс-Клешкау был выбит.

При овладении железнодорожной станцией Пронашин 23.03.1945 года экипаж Чуприкова одним из первых ворвался на станцию и в числе других СУ разбил эшелон с пополнением противника.

ЧУПРИКОВ Петр Захарович

(1919—1945)

**Младший лейтенант,
командир СУ-76
1297-го самоходного артиллерийского
Двинского полка,
кандидат в члены ВКПБ**

**Награжден орденом
Отечественной войны II степени**

1941-1945

Ведя уличные бои с противником в Данциге, экипаж постоянно обеспечивал продвижение пехоты: он уничтожил 7 огневых точек противника, расположенных в домах, а также одно орудие прямой наводки. Особенно дерзко действовал экипаж при овладении стадионом: уничтожил 2 фаустника, истребил 8 гитлеровцев и пятерых взял в плен. В этом бою 31.03.1945 года Петр Захарович был смертельно ранен».

Наградной лист на Петра Захаровича Чуприкова от 5 апреля 1945 года

«Чуприков П. З., младший лейтенант, командир СУ-76 1297-го самоходного Двинского полка, 1919 года, кандидат в члены ВКП(б). Призван Свердловским ГВК. Участвовал в боях с 1941 по 1943 год на Северо-Западном и Западном фронтах, в 1942 году был контужен. 31.03.1945 года был смертельно ранен.

Достоин правительственной награды — ордена Отечественной войны II степени.

Командир 1297 САДП полковник Антипов.
05.04.1945 года».

* * *

*Почему все не так? Вроде все как всегда:
То же небо опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.*

*Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.*

*Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.*

*То, что пусто теперь, — не про то разговор.
Вдруг заметил я — нас было двое.
Для меня, будто ветром, задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.*

*Нынче вырвалась, словно из плена, весна.
По ошибке окликнул его я:
«Друг, оставь покурить».
А в ответ — тишина:
Он вчера не вернулся из боя.*

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.*

*Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло — для обоих.
Все теперь одному. Только кажется мне:
Это я не вернулся из боя.*

В. Высоцкий

А жить так хочется!

Александр Шаманаев, по архивным данным, проживал в поселке Медный Рудник на ул. Красных Партизан, дом 45. В 1942 году был призван в ряды Красной армии Орджоникидзевским РВК г. Свердловска. Боевой путь Александра с 1943 года проходил на Южном и 4-м Украинском фронтах.

Из наградного листа

«В бою за Социалистическую Родину против немецких захватчиков 8.04. 1944 года в районе села Тархан Крымской АССР гвардии лейтенант Шаманаев проявил мужество и отвагу. Танк его проутюжил 2 траншеи противника и на большой скорости вырвался вперед, захватив проход в противотанковом рву. В составе экипажа уничтожил: 3 ПТО, 3 ДЗОТа, 2 блиндажа, 3 пулеметных точки и до 15 солдат и офицеров противника.

В неравном бою танк товарища Шаманаева был подожжен, и в нем, выполняя до конца поставленную боевую задачу, командир танка гвардии лейтенант Шаманаев сгорел».

Прочтите последнюю фразу наградного листа А. Шаманаева к приказу о награждении его орденом Отечественной войны I степени еще раз.

Прочтите сердцем: «сгорел». А было командиру танка Александру Георгиевичу Шаманаеву, выпускнику школы № 1 пос. Медный Рудник, всего 19 с половиной лет. Да и назвать-то его и всех ребят-десятиклассников 1942 года выпускниками — значит, сказать неправду. Они не успели даже сдать экзамен на аттестат зрелости. Не было у них выпускного бала. Не было любимого школьного вальса. Но ранней весной, когда повсюду еще лежал снег, перед отправкой на фронт было прощание с учителями, с девочками...

И мчался Александр Шаманаев на своей грозной машине к Победе. Утюжил траншеи, давил пулеметные точки. И рвался вперед, преодолевая невозможное. Что им двигало? Может быть, разрывающие душу, высказанные позже поэтом-солдатом Ю. Балашом чувства — ярость, ненависть, боль, сострадание, любовь?

ШАМАНАЕВ Александр Георгиевич

(1924—1944)

Гвардии лейтенант,
командир танка
2-го танкового батальона
32-й отдельной танковой
бригады
51-й армии

Награжден орденом
Отечественной войны I степени

1941-1945

*«Мы идем и молчим.
Ни о чем говорить
нам не хочется.*

*Да о чем говорить,
Если мы четверть часа назад
Положили у той —
будь она трижды проклята! —
рощицы
Половину ребят — и каких,
Доложу вам, ребят!»*

Есть у Саши Шаманаева, ученика 9 класса, в личном дневнике, подаренном в этом году его племянником Юрием Прониным школьному музею, такая фраза: «Держу экзамен перед Родиной». В тот день девятиклассники сдавали экзамен по географии, и сдал его Саша на «отлично».

Погиб в неравном бою Александр Шаманаев, проявив мужество и отвагу. Но мужество, как известно, не рождается в одночасье. Истинное мужество — всегда порождение добра и служит чему-то высокому, светлему. Где истоки мужества поколения военных лет? Каким же парнем был наш Саша Шаманаев? Найти ответ можно в Сашином дневнике, в его бесхитростных, порой наивных записях. Поражают его

искренность, умение взять на себя самое ответственное дело (редактор классной и школьной газет и «Боевого листка» класса, член учкома), тревога за больного отца («Боюсь его печальных, все понимающих глаз»), хозяйственные домашние дела (напилить, наколоть дрова, починить сорванный бурей забор огорода, съездить в лес за дровами и т.д.). До глубины души трогает чистота взаимоотношений, робкая юношеская любовь, в которой он боится признаться даже дневнику и потому скрывает имя любимой аббревиатурой «МИНАКАРЕФ» («Я ведь никогда не говорил и боялся сказать о своей любви ей»).

Мы с ребятами аккуратно держим в руках Сашин дневник. Боимся, что рассыплются хрупкие, как осенний лист, листочки, растеряются. И исчезнет в реке времени память об этом умном, добром молодом человеке. О мальчишке, о парне из нашего города, нашей школы, который еще 2 апреля 1941 года написал в своем дневнике: «Прошел еще один день моей жизни, которая, вероятно, долго не продлится. А жить так хочется!» Что это? Судя по дневнику и воспоминаниям одноклассниц, Саша никогда не был нытиком, слабаком. С каким юмором он описывает в дневнике случай, который чуть не закончился для него трагически! Саша провалился в занесенный сугробом колодец выработанной шахты, в котором не видно было дна, и спасло его то, что он был обвязан метелками, за которыми они с товарищем ходили в лес.

— Ты живой? — спросил его Михаил Редькин, верный друг и сосед.

— Живой, — услышал Мишка глухой голос.

Благодаря силе воли, твердости характера и смелости выбрался-таки парнишка по срубам из колодца.

Саша неплохо ориентировался в политической обстановке в мире. Знал, что война неизбежна и что ему придется защищать свою Родину. «Гитлер, этот фашистский фанатик, покрывший Европу, двинет свои полчища на нашу страну». Предчувствие девятиклассника не обмануло. Он был действительно хорошим аналитиком. История была его любимым предметом. В дневнике мы часто встречаем запись: «Ходил на лекцию о международном положении». (И обязательно Александр дает оценку лектору).

Чтобы представить молодого человека довоенного времени, приведу несколько выдержек из дневника:

«Дома лег сразу спать, прочитав только газету (пришел домой в 2 часа ночи после новогоднего вечера)...

1941-1945

С утра сидели и рисовали с Мишкой. Он — Лермонтова, я — Байрона... Дорисовывал свой портрет.

Год 1941, 1 мая. День смотра революционных сил международного пролетариата. Собрались у школы, но школа украшена хуже всех общественных зданий (огорчает все же).

После демонстрации пошли в лес. Лес — голые березы, густо темно-зеленые сосны, голая земля, покрытая прошлогодней листвой, сугробы снега местами выше колен.

Но тепло (+10 °С). Зеленая листва хвойного леса — прекрасный фон для земли с островками снежных сугробов и озерами воды, в которых все это так замечательно переплетается в воображении: и лес, и синее небо с ватой облаков. Много фотографировались, накричались вдоволь песен и пробовали курить (фотография этого дня прилагается). Сходили к Мишке. Пообедали. Потом пошли к нам. Пообедали. Потом пошли в школу на первомайский вечер. КаМин еще нет, но будет, я уверен в этом. В 8 часов начался доклад-панихида. Нашему классу досталось! КаМин — теперь здесь! Я не ошибся.

Сегодня встал. В 6.15. Прочитал по географии, физике, зашел за Мишкой и пошли в школу. По пути курили.

15 мая. Сегодня с утра провел время «на курорте» — в живописной местности, кругом надрывались в своем переключении лисицы. Солнце то озаряло темно-зеленую опушку леса, мелкий, но густой березняк, то пряталось за белыми облаками, бежавшими «с севера дикого в сторону южную». Выучил тему по физике, теорему о параллельных прямых по геометрии, много рисовал.

Смастерил комбинацию из шалаша и колышка, отбрасывающего тень. Устройство показало время — 12 дня, в подтверждение чего услышал гудок ПМЭЗовский, прилетевший сюда с попутным ветром. Тень передвинулась на 25°, и я пошел домой. В 1.15 я дома, в 1.30 пошел в школу.

17 мая. Последний день, учиться лень. После школы встретились с В. Боюн. Он сообщил нечто интересное про В. Дорошко. Витька влюблен в Ирку. Вечером катались на велосипеде с В. Малышевым. Погода стояла замечательная. Солнце старалось на славу.

8 июня. Ездил, вернее, ходил в театр музыкальной комедии. Смотрел «Год спустя». Идея пьесы — показать плодотворную работу молодых специалистов в различных условиях. Показать, к чему приводит слабый характер, чего можно добиться сильной волей. Шел из театра опять пешком (расстояние 12 км). Сочинял стихи, но ничего не вышло. Но этой идеи я не брошу».

Еще и еще раз перечитываем с ребятами, учащими XXI века, архивную справку — ответ на запрос из Центрального архива Министерства обороны, всматриваемся в лицо Александра Шаманаева, добрую улыбку на военной фотографии. Кому-то она, улыбка, кажется застенчивой.

— А какое мужественное лицо! — замечает другой. — Как изменился он в сравнении с фотографией в весеннем лесу!

— Это же фронтовая фотография! На войне, наверное, и день кажется годом, — утверждает третий.

— А как награжден был Саша за свой подвиг?

— Орденом Отечественной войны I степени.

— Он же совершил настоящий подвиг, он достоин звания Героя Советского Союза.

— А где Советский Союз?

— Ну и что! Давайте обратимся снова в Министерство обороны или еще куда-нибудь. Он ведь был такой интересный человек, а главное — такой мужественный.

* * *

*На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой.*

*Под танк ударила болванка,
Прощай, гвардейский экипаж,
Четыре трупа возле танка
Дополнят утренный пейзаж.*

*Машина пламенем объята,
Сейчас рванет боекомплект,
А жить так хочется, ребята,
Но выбираться сил уж нет.*

*Нас извлекут из-под обломков,
Поднимут на руки каркас,
И залпы башенных орудий
В последний путь проводят нас.*

*И полетят тут телеграммы
Родных, знакомых известить,
Что сын их больше не вернется
И не приедет погостить.*

*В углу заплачет мать-старушка,
Слезу рукой смахнет отец,
И дорогая не узнает,
Какой танкиста был конец.*

*И будет карточка пылиться
На полке пожелтевших книг,
В танкистской форме при погонах,
И ей он больше не жених.*

В. Сулов

Выдержки из дневника Саши Шаманаева

«27 мая. Двадцать пятого с утра погода была сносная, но к вечеру испортилась в худшую сторону: пошел дождь. С утра посмотрел на учебник географии, лежавший на столе, и... пошел доделывать забор.

1 июня. Вчера сдавал литературу (устно). Конечно, играли в волейбол. Погода замечательная. Во-первых, из-за солнца. Во-вторых, сегодня слышал первый гром.

12 июня — 12 июля. За этот период произошли такие огромные перемены в жизни нашей страны — страна ведет Отечественную войну с фашистским агрессором.

Как это случилось? Почему Германия напала (именно напала, воровски, без объявления войны) на нашу страну? Гитлер — этот знаменитый демагог, увидев и поняв, как даются ему победы на Западе, Юге, Ближнем Востоке, решил напасть на нашу страну, которую он, видимо, считал (и считает?) слабее, чем Англия, Франция и так далее.

Но не только на это надеялся Гитлер. Он хотел заключить легкий мир с Англией, которую он в борьбе против СССР считал своим союзником.

Вышло все наоборот: 22 июня в 4.00 часа утра германские войска предательски напали на мою страну. Началось продвижение Гитлера на Восток. Но это продвижение продолжалось до тех пор, пока не были подведены наши регулярные войска, которые уже развертывались под огнем фашистских батарей. Слабая (по мнению Гитлера) страна оказалась сильной.

22 июня. Была объявлена мобилизация. Введено военное положение в ряде областей СССР.

24 июня. Было образовано Советское информбюро, которое стало передавать сводки с фронта утром и вечером.

3 июля. Организуется народное ополчение. Война продолжается. В стране спокойствие.

13 августа. Вот уже 9 дней, как у нас введено что-то вроде карточной системы.

Норма хлеба — 1 кг на рабочего, 400 г на иждивенца. Не знаю, кого это устраивает, только не меня. А потому мне приходится совершать регулярные рейсы на УЗТМ. За хлебом. Это далеко не безопасно, так как хлеб отбирают «лега-

1941-1945

вые». Кроме того, это пахнет большим штрафом, но что делать: голод не тетка...

Наконец, произошло много событий, и одно из важных — трехкратная бомбардировка Берлина.

3 сентября. Два дня проучились в школе. Впечатлений от первого дня нет. Только учителя стали заносчивее, или нет: у нас в классе настоящая немка — Руфа Гризбург!

Вот это да!

9 октября. Наши войска оставили вчера город Орел. Орел!

17 октября. Позавчера германские войска на западном направлении прорвали линию обороны. Вчера огромные потери с обеих сторон.

Сегодня был разбужен в 3.00 часа. Отправился на УЗТМ за хлебом. Очередь растянулась метров на 700–800 (даже километр) — но хлеба надо: кушать хочется. Заняли вторую очередь в гастрономе. Там очередь гораздо ближе — 70–75 метров только лишь!

20 октября. Введена военная подготовка по 10 часов 40 минут на неделе и, может быть, 4 часа в выходной.

Пошли в клуб после занятий, здесь какой-то молодежный вечер. Все танцуют, а я стою возле Кирки Тыжновой и рассуждаю о замечаниях и выговорах, о занятиях в школе, о танго и фокстротах.

7 ноября. Пятница. Во-первых, поздравляю себя самого (сам!) с праздником! Во-вторых, в ночь на 7 ноября спать почти не пришлось — до 5 часов утра писали «Боевой листок», а с 9.00 до 1.00 часа писали классную стенгазету «За Победу!» № 2. Редактором обеих газет является Шаманаев Александр, т. е. — я.

22 ноября. Целых три восклицательных знака. И я готов их ставить хоть тысячу! Я получил подарок от Тамары — фотографическую карточку».

ПОСЛЕ БОЯ

*На закате окончился
танковый бой.*

*Грохотали моторы,
Вдали догорали «пантеры»...*

*Прокатилась
По синему небу*

*Над черной землей
И упала*

*На столбик сосновый
Звезда из фанеры.*

С. Орлов

ЮДИН Анатолий Ефимович

(1923—1945)

Старший лейтенант,
начальник разведки дивизиона
684-го артиллеристского полка
233-й Кременчугско-Знаменской
стрелковой дивизии

Награжден орденом
Красной Звезды,
медалью «За отвагу»

Он мог бы стать прекрасным музыкантом...

Анатолий был призван в армию 26 августа 1941 года. Его боевой путь:
Западный фронт — с октября 1941 по 19 апреля 1942 года.

Донской фронт — с 12 апреля 1942 по 2 февраля 1943 года.
Второй Украинский фронт — с 17 июля 1943 года.

Из наградного листа командира взвода управления первой батареи Юдина Анатолия Ефимовича

«В боях с немецкими оккупантами, в районе села Доброполье, высота 207.3, находясь все время на НП в непосредственной близости от противника, под ожесточенным огнем вражеской артиллерии и минометов, своевременно обнаружил начало и направление контратаки противника и установил его силы.

Находясь на НП с командиром батареи впереди боевых порядков пехоты, на расстоянии 500 метров от немецких танков умелым и четким корректированием огня батареи отбил контратаку танков и пехоты, нанеся противнику большой урон в живой силе.

Товарищ Юдин находится все время в боевых порядках пехоты, обеспечивая четкое взаимодействие артиллерии и пехоты. В бою смел и решителен.

Командир полка Ахмеджанов».

С боями Анатолий прошел всю Украину. В феврале 1945 года полк Анатолия вступил на территорию Венгрии. Война шла к своему завершению, но враг был еще силен. Подтверждение тому — грандиозное сражение у озера Балатон и на подступах к Будапешту. Здесь, во время этих боев и погиб Анатолий Юдин. Погиб 26 февраля, а последнее письмо от него датировано 23 февраля 1945 года. В нем он сообщил, что идет на какое-то важное задание. Перед боем он стал коммунистом. В письме описывал, как прошел их праздничный день, День Красной армии.

1941-1945

Из воспоминаний сестры Анатолия Тамары Юдиной

«Через всю войну Толя пронес любовь к музыке, сочинял, играл на домре, мандолине, пианино. На фронте у него был аккордеон. В одном из последних писем он пишет, что его аккордеон разбит. Помню, папу это сообщение очень встревожило, а потом получили похоронку...

Несмотря на суровость, жестокость фронтовой жизни, Толя так и не стал курить и пить. Он сообщал в письмах, что причитающуюся ему норму водки и табака он отдавал товарищам.

В моменты затишья он играл на аккордеоне, тем самым снимал усталость и грусть бойцов.

Перед отправкой на фронт Толя на один день приезжал из Свердловска домой, даже не на день, а на несколько часов. Он был в военной форме младшего командира — таким я его запомнила навсегда.

Уходя, он говорил мне: «Учись, Тома, хорошо. Учись, помогай и береги родителей. Они у нас уже немолодые, а я вернусь, обязательно вернусь. Не плакать. Старайся быть веселой». А у самого глаза были серьезные-серьезные.

Был он очень скромным, вежливым, аккуратным, с тонким юмором, ласковый и очень добрый. Никогда не грубил родителям, взрослым и своим сверстникам. Меня опекал, постоянно обо мне заботился. Я всегда была принята в игры, такие как лапта, городки, волейбол. У нас были одни коньки — «снегурки». Он учил меня кататься на коньках, а бывало и так: разделит по одному коньку, обязательно сам привяжет к моему валенку и катаемся вместе.

В то время в семье в лучшем случае были одни коньки, а детей — несколько. Так что катались на одном коньке или на одной лыже. Толя обязательно давал коньки и лыжи соседским детям, у которых их не было, а мне говорил: «Покаталась — хватит, пусть другие покатаются».

Толя любил детей, у него среди маленьких ребят было немало друзей. Когда я училась уже в пятом классе, я продолжала играть в куклы. Однажды в мое отсутствие он собрал и отдал моих кукол маленьким девочкам, соседкам из нашего дома. Я горько плакала. Толя очень мягко старался успокоить меня. Он жалел меня и сказал: «Если бы я знал, что ты так будешь расстраиваться, я бы не стал этого делать, но не могу же взять кукол обратно у маленьких девочек. А ты у нас «классный» игрок в городки и лапту. Мальчишки тебе завидуют: гранаты метаешь лучше многих ребят. Успокойся, пожалуйста, пойдём кататься на велосипеде».

Толя много читал. Книги брал в библиотеке. Очень любил птиц, кормил их, ставил им скворечники. В его скворечниках всегда жили птицы».

«22 июня 1941 года Толя окончил среднюю школу № 1 в поселке Медный Рудник. 22 июня 1941 года, в воскресенье, после выпускного вечера, Толя класс пошел в лес на пикник. Туда же пришли много взрослых и детей. Это место было довольно близко, лес с зарослями папоротника начинался недалеко за школой. Я тоже собиралась туда, но задержалась, так как еще начищала зубным порошком резиновые белые тапочки — это было тогда так же модно, как теперь кроссовки.

В это время по радио объявили, что фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину — Советский Союз, началась война. Война. Значение этого слова не сразу дошло до сознания, но это длилось мгновение, после чего стало страшно. Я и многие другие жители дома (мы жили по ул. Красноармейской, 4) побежали в лес. Люди бежали и видели: в центре стоит грузовая машина, на ней расположился струнный оркестр, которым руководит Толя. Музыканты исполняют вальс, сочиненный Толей, а кругом

нарядные односельчане слушают красивую музыку, которая разливается по лесу.

Собравшиеся еще ничего не знали. Вдруг все смолкает. На машину поднимаются руководители. Открывается митинг. Сообщают о начале войны. Сразу все померкло! Ребята, выпускники-комсомольцы, первыми подали заявления, чтобы их добровольцами взяли на фронт. Возглавил это классный руководитель И. П. Кацук».

Из воспоминаний одноклассницы Е. И. Моисеевой

«21 июня 1941 года. В школе № 1 поселка Медный Рудник выпускной бал... В зале родители, взволнованные торжественным моментом в жизни своих повзрослевших детей. Радостные, веселые лица выпускников, звонкий смех, добрые шутки, бесконечные поздравления и, конечно, волнение: впереди новая жизнь.

Трогательные наставления учителей. «Радостно и больно расставаться с вами, — говорит директор П. П. Трошкова. — Вы — краса и гордость нашей школы, нашего поселка. Каждый из вас уже решил, куда пойдет учиться...»

И правда, мальчики, юноши наши, твердо решили покорять небо и морские пространства. Многие с детства мечтали стать моряками, летчиками.

После торжественной части на сцене выступает хор выпускников. Дирижирует хором наш Толя...

Толя Юдин... Все школьные годы был он очень тихим и скромным парнем. Не помню, чтобы кто-то из учителей когда-нибудь хоть раз сделал ему замечание. Не видела ни разу, чтобы он пробежал по коридору, толкнул кого-то или громко засмеялся, не говоря уж о том, чтобы крикнуть, повысить голос.

Вообще, лично мне он казался очень серьезным, степенным, держался солидно, с достоинством, и в то же время был застенчивым, стеснительным человеком. Когда его вызывали к доске или спрашивали на уроке с места, он всегда смущался и краснел, что называется, до ушей. Этим же, кстати сказать, отличался у нас и Коля Пономарев. Мы, девчонки, потешались над ними, вводя еще больше их в краску.

Если Толя улыбался, улыбка его была всегда тоже какой-то смущенной, застенчивой, он будто бы стеснялся ее и поскорее старался спрятать.

Толя был музыкальным человеком, любил и понимал музыку. Играл в оркестре народных инструментов заводского клуба «Цветмет» на домре или мандолине (точно не помню).

На выпускном вечере он дирижировал нашим хором (мы пели всем классом для учителей, родителей и всех присутствовавших). Держался Толя, как всегда, уверенно, солидно, внешне был спокоен, только щеки и уши его горели, выдавая волнение. Одет он был в новенький строгий черный костюм, так ладно сидевший на нем и делавший его стройную фигуру еще стройнее. Белоснежная рубашка с крахмаленным воротничком и манжетами, словом, классический костюм музыканта. Такой Толя был

1941-1945

красивый, элегантный (самый, по-моему, элегантный из наших ребят) в тот вечер, так умело и уверенно руководил хором, такое у него было одухотворенное лицо, что я невольно залюбовалась им и подумала: «Вот он, оказывается, какой, наш Толя!» Таким он и остался навсегда в моей памяти — стройным юношей, в элегантном черном костюме, с раздумывавшимся, одухотворенным лицом... Среди песен, которые мы пели на выпускном вечере 21 июня 1941 года, была и «Комсомольская прощальная» («Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону»).

Назавтра, 22 июня, слова этой песни уже приобрели для нас особый смысл.

Сначала уходили ребята. Потом пошли на войну девчата, хотя совсем не девичье это дело — война. Кто-то придумал и новые слова «Комсомольской прощальной»:

*Мы совсем еще недавно
Пели песенку одну:
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну
Мы совсем недавно пели,
А теперь и мы пошли.
В серой дымчатой шинели
К рубежам родной земли.*

Пошли, но вернулись не все. Не вернулся и Толя.

Спустя много лет после войны увидела я фильм «Прощание с Петербургом». Штрауса там играл артист латвийского театра драмы Г. Яковлев. Смотрела на Штрауса — Яковлева, дирижировавшего оркестром, и мне почему-то сразу вспомнился Толя. Такой же красивый, элегантный, одухотворенный. Кто знает, может быть, фашисты убили отличного музыканта. Как это нелепо и горько, что за мир приходится платить человеческой кровью, жизнями лучших людей. Как же дорог нам этот мир!»

В ТЕ ГОДЫ

*Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел,
казненных городов,
По горестной, по русской,
по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.*

*Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший
жаркий прах,
И девушек, библейскими звездами
Распятых на райкомовских
дверях.*

*И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства
и все казни
Паучий извивающийся знак.*

*В своей печали
древним песням равный,
Я села, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.*

*Крови своей, своим святыням
верный,
Слова старинные
я повторял, скорбя:
— Россия, мати!
Свете мой безмерный,
Которой мстью
мстить мне за тебя!*

С. Наровчатов

Мы идем искать ровесников следы

В одном из своих стихотворений известный поэт-фронтовик Ю. Левитанский, размышляя о сороковых годах, очень кратко, емко, с великой точностью выразил то страшное время:

*Сороковые, мною не забытые,
Словно гвозди в меня забытые,
Тихо сегодня живут во мне,
В глубине.*

Живет в душах десятков тысяч детей — сирот военного времени тихая, не затухающая с годами боль за гибель не вернувшихся с войны отцов, братьев, сестер. С этой «гвоздями в сердце забитой» болью ушли из жизни матери ребят, чьи фотографии помещены в экспозиции нашего музея боевой славы «Священную память о вас сохраним». Каждый раз ребята-экскурсоводы рассказывают о судьбах погибших ребят, об их мужестве и стойкости. Перед фотографиями в глубоком молчании останавливаются пятиклассники.

— А вот это мой прадедушка. Саша Казанцев. Мне дед про него рассказывал. Он пропал без вести.

— Как это «пропал без вести»? — прерывают торопливый, взволнованный рассказ правнука одноклассники.

— Потому что от Саши не было с войны ни писем, ни похоронки. Было одно письмо, в котором он написал: «Завтра идем в бой».

И опять — молчание...

Эта экспозиция и рассказ экскурсовода не только раскрывают перед ребятами события военных лет, но как бы перебрасывают мост из нашей современности в прошлое, в суровые дни великой и страшной войны.

Работая с Книгами памяти Свердловской области и Верхнепышминского района, вчитываясь в списки фамилий и скудные сведения о бойцах, поражаешься обилию записей «пропал без вести». Из 180 ушедших на фронт учеников школы № 1 более трети не вернулись с полей сражений.

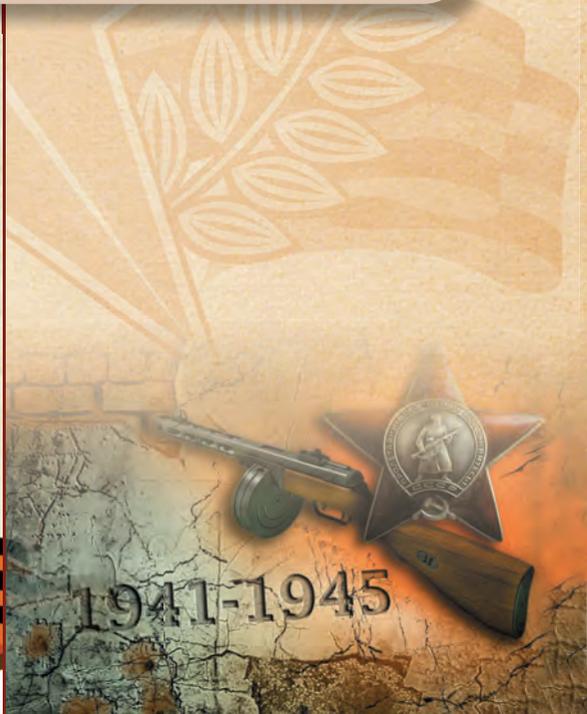
В 2002 г. в школе был создан поисковый отряд «Ровесник» с символическим девизом «А мы идем искать ровесников следы». За 10 лет существования отряда проведено 10 поисковых

1941-1945

экспедиций, большинство из них — по военным дорогам уральских дивизий. Карелия, Невский пяточок (218-я стрелковая дивизия), три экспедиции по боевому пути Уральского добровольческого танкового корпуса: Болховский район Орловской области, д. Борилово (где наши земляки приняли свое первое боевое крещение, где в первом бою погибли верхнепышминцы А. Партин, сменный мастер медеэлектролитного цеха ПМЭЗ 18-летний Алексей Салмин и среднеуралец Р. Н. Сигматулин); Болховский район, д. Скородумка; Брянская область, г. Почеп. Экспедиция в Подмоскowie (Яхрома, Клин, Дмитров), две экспедиции в Тверскую область (Ржевский и Зубцовский районы), две — в Калужскую область.

Всего в поисковых экспедициях приняли участие 120 подростков. Совместно со сводным отрядом Свердловской области под руководством Г. П. Юрковой поисковики подняли 469 бойцов, нашли 53 медальона. Удалось установить 8 имен воинов, погибших в боях и оставшихся лежать на полях сражений.

Сухие цифры. Но за ними судьбы не только обретенных солдат, но и подростков, которые формируются в условиях интересной и ответственной патриотической работы.

Традиционно при подготовке к поисковой экспедиции участники отряда отвечали на вопрос: «Что для тебя поиск?».

«Когда поднимаешь останки бойца (особенно первого, как это было у меня на Невском), испытываешь какое-то особое чувство сострадания к погибшим. Боец, которого мы подняли тогда, был совсем молодой... И чувство гордости, когда видишь медальон в горсти земли: найдена судьба человека, считавшегося без вести пропавшим».

С. Кузнецов

«Поиск — это не простая экспедиция, она познавательная с точки зрения истории Великой Отечественной войны. Она важная, потому что главная ее цель — увековечение памяти павших бойцов»

А. Бердюгин

«После того как я увидела останки солдат, которые не так давно были похожими на нас: так же смеялись, так же радовались жизни, мечтали, — я взглянула на наших парней и задумалась. Что если им придется все бросить и встать на защиту родины, как тем ребятам, 70 с лишним лет назад взявшимся за оружие? А это значит, что кто-то из них погибнет и останется лежать неизвестным... Мне стало не по себе. Нет! Такого не должно быть! Не должно быть!»

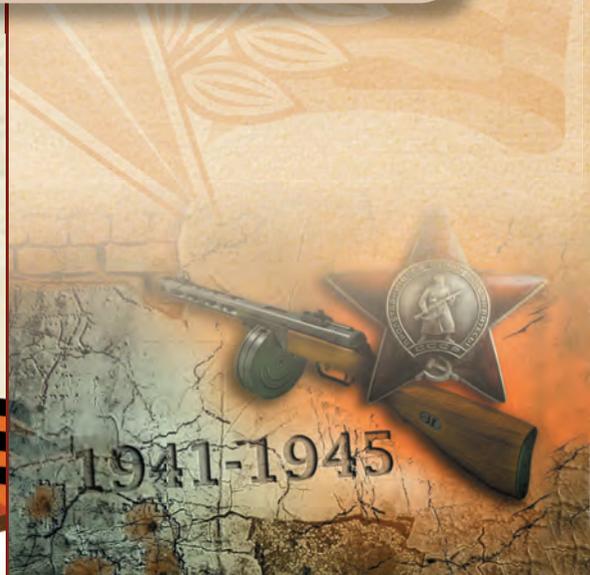
Е. Гракова

«Да, я добился своей цели, ради чего я занялся этим делом: нашел могилу своего прадеда и поклонился этому месту. Нашел медальон, который как будто сам просился в руки и нечаянно вынырнул из земли. А в нем, в этом медальоне, судьба считавшегося пропавшим без вести солдата. Я вернул его имя родственникам».

А. Титов

За 10 лет существования поискового отряда «Ровесник» сменилось не одно поколение поисковиков, но всех их объединяют понимание высоты цели, чистота помыслов и глубокие, вызванные работой сердца и души, чувства.

Прежде всего — это Память. Память о тех, кто честно выполнил свой воинский долг и ценой своей жизни спас страну от фашизма. И каждый поисковик понимает, что работая в поисковой экспедиции, он делает великое дело — возвращает из безвестности, из небытия имена русских солдат, защитников Родины.

Послесловие

Настоящая книга не может претендовать ни на полноту, ни на законченность повествования о судьбах учителей и учеников школы № 1 г. Верхней Пышмы, 17–20-летних медновских парней, еще вчера игравших в войну и в одночасье шагнувших прямо со школьной скамьи в жестокую, кровавую битву с ненавистным врагом.

И шли они, мальчики сороковых-роковых, не просто руководимые единым порывом, а сознавая свою, личную потребность — защищать родную страну.

В книге использованы воспоминания вернувшихся с фронта учеников, опубликованные в книге В. И. Гриневича «Верхнепышминцы в войне 1941–1945 гг.», материалы газеты «Красное знамя», документы областного архива, ЦАМО г. Подольска, воспоминания маршалов Великой Отечественной войны, данные электронного архива «Мемориал» (веб-сайт www.obl-memorial.ru), а также стихотворения С. Гудзенко, В. Цыганкова, П. Мельникова, Ю. Левитанского, И. Эренбурга, К. Симонова, Н. Панченко, И. Сельвинского, А. Межирова, К. Ваншенкина, А. Твардовского, Ю. Белаша, К. Киселевой, Д. Самойлова, Ю. Друниной, Е. Винокурова, М. Львова, А. Ахматовой, И. Уткина, Б. Слуцкого, С. Орлова, И. Мордовиной, Н. Овчинникова, Т. Чистяковой (Языковой), М. Матусовского, В. Высоцкого, С. Наровчатова, П. Шубина, Р. Казаковой, П. Комарова, М. Львова, В. Сулова, К. Вуколова.

В подготовке материалов приняли активное участие ученики и выпускники школы № 1. Особую благодарность за помощь и содействие в издании книги хотелось бы выразить Татьяне Сергеевне Козиной, Вере Васильевне Мельниковой, Марии Федоровне Щербаковой, Татьяне Георгиевне Чистяковой (Языковой).

1941-1945

Список литературы и архивных источников

1. 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. — М. : Изд-во политической литературы, 1990. — 688 с.
2. Великая Отечественная война, 1941–1945. События. Люди. Документы: краткий исторический справочник/под ред. О. А. Ржешевского. — М. : Политиздат, 1990. — 464 с. : ил.
3. Верт А. Россия в войне 1941–1945 гг. — М. : Прогресс, 1967.
4. Гриневич В. И. Верхнепышминцы в войне 1941–1945 гг. — Верхняя Пышма, 2001.
5. Деменев Ю. П. Любовь и война. — Верхняя Пышма : Издательский дом «Филантроп», 2011. — 144 с.
6. Лирика военных лет. Стихи советских поэтов (1941–1945). — М., 1985. — 320 с.
7. Мемориал : обобщенный банк данных. — URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/default.htm>
8. Ржевская Е. Берлин, май 1945. — М. : Советский писатель, 1965. — 276 с.
9. Фертен Х. В огне Восточного фронта. Воспоминания добровольца войск СС/пер. с англ. М. Свиридова. — М. : Яуза-пресс, 2002.
10. Полевой дневник поискового отряда «Ровесник» средней школы № 1 г. Верхней Пышмы / [Авт.-сост. В. А. Кумина]. — Екатеринбург : ООО «Станционный смотритель», 2011. — 160 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
АНДРЕЕВ Михаил Петрович	6
БАЖЕВ Виктор Александрович	7
БАЖЕНОВ Николай Николаевич.....	9
БАТУЕВ Алексей Кузьмич	10
БАХТИЯРОВ Закир Каримович.....	11
БЕЗДЕНЕЖНЫХ Анатолий Дмитриевич.....	13
БОЮН Виктор Иванович	16
БУРЕНКОВ Иван Игнатъевич.....	19
ВАТОЛИН Павел Степанович	21
ВОЙНОВ Анатолий Григорьевич.....	24
ГОЛЯНД Вениамин Ильич	27
ГУРИН Михаил Афанасьевич	29
ДЕМЕНЕВ Павел Петрович.....	30
ДЕНИСОВ Василий Никифорович	35
ДОРОШЕНКО Иван Степанович.....	37
КАЗАНЦЕВ Александр Николаевич	40
КАТАЕВ Павел Михайлович	43
КАЦУК Иван Петрович.....	46
КОЗЛОВ Виталий Васильевич	48
КОРОБКОВ Борис Геннадьевич.....	50
КУРМАЧЕВ Виктор Константинович.....	51
ЛЕБЕЖЕНИНОВ Ростислав Михайлович	55
МАЛЫХ Виктор Григорьевич	58
МАЛЫШЕВ Владимир Николаевич	61
МАЛЫШКИН Федор Михайлович	63
МАРЫШЕВ Степан Федорович.....	65

1941-1945

МОСКВИН Николай	69
НАУМОВ Василий Александрович	70
НОВГОРОДЦЕВ Владимир Германович	72
ОГАРКОВ Леонид Семенович.....	78
ОМЕЛИЧКИН Николай Степанович	81
ОСЕЕВ Андрей Дмитриевич	83
ПАРСНИЦКИЙ Анатолий Иннокентьевич.....	85
ПАХОРУКОВ Григорий Васильевич.....	87
ПОТОСКУЕВ Борис Иванович	92
ПОТОСКУЕВ Вениамин Иванович	94
ПРИБЫТКОВ Василий Митрофанович.....	96
ПРОЖЕРИН Николай Егорович	98
ПРОНИН Иван Ефимович	99
ПУЗАКОВ Владимир Сергеевич	100
ПЬЯНКОВ Вениамин Михайлович	102
САВЧЕНКО Александр Яковлевич	103
СОЛОМЕИН Виталий Матвеевич	105
СУВОРОВ Борис Семенович	108
ТАЛЫКОВ Михаил Иванович	112
ТУРЧАНИНОВ Дмитрий Васильевич	118
УЛЬЯНОВ Петр Григорьевич	119
ФИЛИНОВ Петр Константинович	120
ЧУПРИКОВ Петр Захарович.....	121
ШАМАНАЕВ Александр Георгиевич	123
ЮДИН Анатолий Ефимович.....	128
Мы идем искать ровесников следы.....	132
Послесловие	140
Список литературы и архивных источников	141

МЫ НЕ ЗАБУДЕМ ВАШИ ИМЕНА

Автор-составитель
Куминова Валентина Александровна

Ответственный редактор М. Я. Бесчаснова
Редактор Е. В. Чагина
Дизайн обложки Е. В. Каргополовой
Верстка О. П. Игнатъевой

Подписано в печать 10.12.2112. Формат 210×250 мм
Бумага офсетная. Усл. печ. л 16,5.
Тираж 200 экз. Заказ 22

ООО «Станционный смотритель».
620028, Екатеринбург, а/я 100.
Тел.: (343) 378-06-85.
E-mail: koltyshev@yandex.ru

